

ЧЕЛОВЕК
СРЕДА
ПРОСТРАНСТВО

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра философии

ЧЕЛОВЕК СРЕДА ПРОСТРАНСТВО

Исследования по психологическим
проблемам пространственно-предметной
среды

ТАРТУ 1979

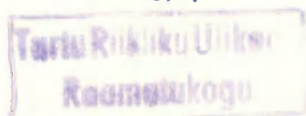
Редакционная коллегия: П.Кенкманн, Я.Круусвальд,
М.Лауристин, П.Тулъвисте.

О т р е д а к ц и и

Настоящий сборник предлагает читателю обзор выполненных в период 1974–77 гг. при кафедре философии и кафедре логики и психологии ТТУ научных исследований по психологическим проблемам организации пространственно-предметной среды человека. Описываемые в некоторых статьях конкретные эмпирические исследования проведены по заказу научно-исследовательских институтов "ЦНИИЭП жилища", "ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений" и "МНИИП объектов культуры, отдыха, спорта и здравоохранения" в сотрудничестве с представителями этих институтов. Редакция сборника выражает надежду, что приведенный материал представляет интерес не только для архитекторов и психологов, но и более широкого круга читателей.

KUSTUTATUD

Arch.

5665

СО Д Е Р Ж А Н И Е

М. ХЕЙДМЕТС. Пространственный фактор в межличностных отношениях: попытка построения концепции	4
М. ХЕЙДМЕТС, Я. ВАЛЬСИНЕР. Контроль над микросредой: некоторые психологические проблемы	29
Ю. КРУУСВАЛЛ, М. ХЕЙДМЕТС. Семья и квартира в новом микрорайоне	43
М. ХЕЙДМЕТС, Ю. КРУУСВАЛЛ, Р. КИЛЬГАС. Общение в общественном центре города	82
Ю. КРУУСВАЛЛ, М. ХЕЙДМЕТС, Р. КИЛЬГАС. Психологические проблемы пространственной организации клубных помещений	100
Ю. КРУУСВАЛЛ. О надежности методики семантического дифференциала	118
М. ХЕЙДМЕТС. Обзор исследований о пространственном факторе в межличностных отношениях	129.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФАКТОР В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ПОПЫТКА ПОСТРОЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ

М. Хейдметс

1. Пространственный и социальный контакт

При рассмотрении проблем урбанизации с психологической точки зрения на первый план всё чаще выдвигаются проблемы взаимоотношений людей, проблемы общения в городе. Почему эти проблемы приобрели такую актуальность?

Для ответа на этот вопрос необходимо проследить те изменения, которые происходили в сфере межличностных отношений в связи с урбанизацией. С одной стороны, городская жизнь означает чрезвычайное расширение возможностей межличностных контактов — как непосредственных (повышенная мобильность), так и опосредованных (развитость средств массовых коммуникаций). Такая ситуация субъективно привлекательна, об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что сельские мигранты в качестве одной из основных причин переезда в город указывают: "хочу к людям", "в селе не с кем общаться" и т.п.

Наряду с положительными изменениями, в качестве последствий урбанизации многие авторы приводят и явления другого характера, имеющие место в сфере межличностных отношений: "Специфика города в отличие от деревни в его несравнимо более высоком фоне раздражителей и уровне интенсивности психологических контактов, где человек за день сталкивается с тысячами новых лиц ..." /Б.Д.Парыгин, 1975, с.41/; "Городская жизнь подрывает традиционные связи людей. Отдельная, изолированная квартира... во многих случаях разрушает традиционные соседское сосуществование". /Э.В.Струков, 1977, с.223/; "Нельзя забывать, что урбанизация — это ... перенасыщение коммуникативных связей и получение избытка информации от увеличивающегося общения с людьми". /К.К.Платонов, 1973,

с. 247/. "Безличный характер общения, исчезновение соседства, потери традиции своей бывшей регулятивной силы - эти и другие сдвиги при переходе индивида из села в город действительно имеют место" /О.Н.Яницкий, 1975, с. 145/.

При обсуждении негативных последствий урбанизации весьма часто на первый план выдвигаются именно проблемы межличностных отношений. Чаще всего подчеркивается повышение и н т е н с и в н о с т и межличностных контактов (нахождение в постоянном контакте с другими, чрезвычайно высокое число партнеров и др.) и сопровождающая ее анонимность, безличный характер и поверхностность общения.

Таким образом в городе сложилась в некотором смысле противоречивая ситуация в сфере межличностных отношений - с одной стороны субъективная привлекательность условий общения в городе, с другой, - ряд (объективных) явлений в этой сфере, которые нельзя оценивать положительно. На это несоответствие указывает и чешский исследователь Р.Рихта: "Под влиянием технического прогресса все контакты между людьми стали более широкими и оживленными (люди больше встречаются, видят и слышат друг друга), но с другой стороны, они становятся все более опосредованными, поверхностными, все менее аутентичными (люди встречаются на транспорте, слушают друг друга по телефону, по радио, видят по телевидению и т.п.)" /1970, с. 60/.

Возникает вопрос, какие стороны, свойства урбанизованной среды содействуют проявлению вышеуказанных изменений в межличностных отношениях? Кажется, что весьма существенную роль здесь играют новые пространственные условия города. Процесс общения уже по своему характеру связан с пространством - "Общение... всегда обладает определенной пространственной структурой и уже этим связано с урбанизацией". /О.Н.Яницкий, 1972, с. 43/.

Под новыми пространственными условиями города, в первую очередь, подразумеваются последствия чрезмерной концентрации людей на относительно ограниченной территории. Это создает условия тесной пространственной близости жителей; люди живут и действуют не только тесно рядом, но и под и над друг другом.

С точки зрения межличностных отношений такая концентрация объективно ведет к увеличению количественной стороны контактов: увеличению партнеров контакта, частоты контактов, постоянства контакта (невозможности уединения). Таким образом, повышение интенсивности межличностных контактов в условиях города можно считать в определенной мере и результатом новых пространственных условий города. Хотя при модификации городских взаимоотношений определенную роль играют и другие факторы (мобильность, развитие сети коммуникации и др.), именно с точки зрения количественных характеристик межличностных отношений наиболее существенное влияние имеют пространственные условия.

Повышение интенсивности межличностных контактов, как правило, связано и с изменением содержательных характеристик взаимоотношений — общение стало более поверхностным, непосредственным контактам часто предпочитается его опосредованные формы и т.д. Таким образом, происходящие изменения имеют и широкое социальное значение.

Пространственная концентрация людей является закономерным результатом урбанизации, в перспективе она, наверное, еще повысится. Является ли "выход" этого процесса в сфере межличностных отношений неизбежным? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, какую роль играет пространство в процессе общения, как различные пространственные параметры конкретно влияют на межличностные отношения, можно ли сознательной (пере)организацией пространственных условий повлиять на содержание межличностных отношений.

Как упоминалось, в условиях урбанизации особую актуальность приобрели количественные характеристики межличностных отношений. Часто для обозначения этой стороны взаимоотношений используется понятие "контакт" — увеличивается число контактов, изобилие контактов является психически утомляющим и т.д. Здесь имеется в виду не столько содержательная сторона взаимоотношений, сколько их объем, интенсивность. Этой стороне межличностных отношений дальше будет уделено основное внимание.

В межличностных контактах мы выделяем две стороны, две

формы контакта - пространственный и социальный. При определении пространственного контакта исходим из толкования этого понятия Я.Щепанским. Хотя он понимает пространственный контакт весьма широко, - как основу и первое условие всяких взаимоотношений людей (1969, с. 80), мы данную форму контакта рассматриваем несколько уже, как осознанное присутствие другого человека. Пространственный контакт - это непосредственное осознанное близость другого человека. Связь здесь, как правило, осуществляется с помощью визуального канала, но "средством" контакта может являться и аудитивный канал (человек в соседнем помещении, который вас слышит). Пространственный контакт - это еще не общение, хотя с точки зрения непосредственного, межличного (лицом - к лицу) /см. Б.Д.Парыгин, 1970, с. 185/ общения, он является предварительным условием последнего.

Для количественной характеристики пространственного контакта используем понятие интенсивность контакта. Интенсивность пространственного контакта образуется из двух факторов - сила контакта (пространственная близость) и продолжительность контакта. Пространственный контакт рассматривается нами, таким образом, как шкалируемый по интенсивности параметр.

Если пространственный контакт не предполагал никакой совместной деятельности людей, то другая рассматриваемая форма контакта - социальный контакт - определяется именно степенью включенности людей в общую деятельность. Социальный контакт - это связь между людьми на основе включенности в систему совместной деятельности, будь то общение с незнакомым на улице или коллективная деятельность на работе. Социальный контакт, как правило, предполагает активное общение между людьми, занятыми данной деятельностью. При этой форме контакта можно также создать шкалу его интенсивности, начиная от социальной изоляции (с точки зрения деятельности - индивидуальной деятельности) к формальному общению и, наконец, к наиболее интенсивному контакту, имеющему место при коллективной совместной деятельности.

Таким образом, обе рассматриваемые формы контакта можно изобразить в виде следующих шкал:

Пространственный контакт:

Пространствен-
ная изоляция
(отделенность)

Максимальный
пространствен-
ный контакт
(по силе или
продолжитель-
ности)

Социальный контакт:

Социальная
изоляция
(индивидуаль-
ная деятель-
ность)

Максимальный
социальный кон-
такт (коллек-
тивная дея-
тельность)

Оба введенных понятия характеризуют разные стороны межличностных отношений. При наличии пространственного контакта с другими людьми человек может быть вовлечен как в совместную деятельность, так и быть социально изолированным. Непосредственный социальный контакт обычно предполагает и пространственный контакт, но это не обязательно, интенсивный социальный контакт может иметь место при пространственной отделенности людей.

Не трудно видеть, что обе формы контакта связаны с вышеописанными проблемами городской жизни. Интенсивность пространственного контакта в городах объективно возрасла. Человек почти постоянно находится в поле зрения и слышания других людей, уединение практически невозможно. С другой стороны, исследователей города, тревожат, в первую очередь, изменения

в субъективной сфере взаимоотношений, превращение личных, дружеских взаимоотношений в формальные, или вообще в избегание общения; тревожат изменения характера социальных контактов между людьми, или, как это называет Б.Д.Парыгин, "деперсонализация психического контакта в условиях массового общения" (1976, с.21).

Поскольку обе вышеприведенные формы контакта рассматриваются нами как изменяющиеся (шкалируемые) показатели, то необходимо ввести понятие, описывающее процесс этого изменения. Изменение интенсивности контакта рассматривается как результат деятельности человека, как результат его активности, направленной на взаимоотношения с другими людьми. Установление человеком приемлемой степени контакта с другими, активное изменение интенсивности контакта мы будем называть регуляцией контакта, соответственно - пространственного или социального контакта.

2. Социально-психологическая сторона пространственного контакта

В последнее время при рассмотрении проблем человеческого общения все больше внимания уделяется интеракционной стороне этого процесса, общение рассматривается, в первую очередь, как "...специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми". (Б.Ф. Ломов, 1971, с. 18). Фактор взаимодействия как содержание межличностных отношений, как внутренний механизм жизни группы подчеркивается и А.А. Леонтьевым (1974, с. 8-9). Пространственный контакт между людьми нельзя еще рассматривать как общение. Существует ли при этой форме контакта тоже какое-либо взаимодействие? Несомненно, должно существовать, ибо в противном случае нужно считать фикцией все данные о влиянии изменения пространственного контакта на человека.

Как указывает В.Б.Ольшанский, "в основе всякого влияния человека на человека лежит их взаимная зависимость" (1975, с. 226). По Я. Щепанскому, одной из основных форм социальной

зависимости является включенность людей в единую организованную систему (1969, с. 93). Именно с этой позиции можно определить и связь между людьми при пространственном контакте. Кажется, что связь здесь опосредована общей включенностью в социальную систему и исходящим из этого социальным контролем. Для конкретного человека субъектом социального контроля является все же другой человек. Осознанное присутствие другого актуализирует для человека общие нормы поведения, актуализирует направленные на него ожидания социальной среды, и создает таким образом с и т у а ц и ю в н е ш н е г о к о н т р о л я. Кроме всеобщих норм, при пространственном контакте актуализируются и специфические ожидания, направленные именно к той группе, типу, к которым принадлежит данный человек (половые, возрастные, профессиональные и др. "типы ожидания").

Пространственный контакт по своему содержанию является информационным, т.е. связь между людьми устанавливается посредством получаемой друг от друга элементарной информации (о внешности, виде деятельности другого лица и др.). Полнота и подробность этой информации во многом определяет уровень ожиданий в отношении поведения данного человека, и тем самым степень внешнего контроля над его деятельностью. Или другими словами, ожидания в отношении поведения человека тем фиксированнее, определеннее, чем больше информации получают о нем другие. На основании этого можно предположить, что чем теснее пространственный контакт человека с другими людьми, тем более зависим он в своей деятельности от других, тем меньше у него свобода выбора способов деятельности. Если в условиях "вне контакта" человек относительно свободно может выбирать что и как делать, но чем интенсивнее становится контакт с другими, тем больше его деятельность подчиняется требованиям среды.

Степень зависимости от социальной среды мы будем рассматривать как функцию локализации к о н т р о л я над деятельностью человека. Контроль может исходить от среды (внешний контроль) или от самого человека (внутренний контроль).

Разделение на внешний-внутренний контроль, конечно, не является абсолютным, на самом деле можно говорить о преобладании или уменьшении одного либо другого типа контроля. Таким образом можно сказать, что наличие пространственного контакта увеличивает внешний контроль над деятельностью человека (по сравнению с ситуацией "вне контакта").

Такой же подход может быть осуществлен и в отношении социального контакта (который определился как контакт на основе совместной деятельности, полюсами которого были индивидуальная и коллективная деятельность). Всякая совместная деятельность людей предполагает в еще большей мере "переход" внутреннего контроля во внешней, предполагает увеличение зависимости поведения человека от среды. Последнее исходит от определенности роли данного человека в совместной деятельности, будь то роль собеседника в общении или роль рабочего конвейера. Большой или меньший "переход" контроля - неизбежный результат согласованной деятельности всякой группы, даже общения двух незнакомых людей. Если зависимость, исходящую из пространственного контакта, мы рассматривали как информационную зависимость, то при социальном контакте к этому добавляется еще деятельная зависимость (зависимость на основе включенности в систему совместной деятельности).

Таким образом, как пространственный, так и социальный контакты влекут за собой увеличение внешнего контроля над деятельностью человека, повышают его зависимость от социальной среды. Регулируя интенсивность контакта, человек изменяет и собственную зависимость от социального окружения. Или можно сказать и наоборот, одним из средств регуляции социальной зависимости является изменение интенсивности контакта с другими людьми.

3. Диалектика социальной зависимости

Почему для человека необходимо изменять, регулировать свою зависимость от внешней среды, какие функции это для него выполняет? Представляется, что можно выделить по меньшей мере две функции этого процесса.

* О проблеме контроля см. также статью М.Хейдметс, Я.Вальсинер "Контроль над микросредой: некоторые психологические проблемы" в настоящем сборнике.

Каждый человек как личность является в некоторой мере автономной единицей, независимой в своей деятельности. Иначе вообще не возможно было бы говорить о нем, как о социальном субъекте. Свою автономность человек обеспечивает весьма различными средствами, Б.Д.Парыгин называет их психологическими барьерами: "...личность, как и общность, стремится при условии развитости ее самосознания оградить собственную целостность, автономию и неповторимость от всяких внешних по отношению к ней воздействий целой системой психологических барьеров" (1975, с. 8). Обеспечение своей автономности, утверждение себя как неповторимого "Я" — одна из наиболее существенных сторон всей жизнедеятельности человека. В целях достижения (и ощущения) автономности происходит постоянное установление и соблюдение человеком "границ" между "Я" и "другими", создание вышеуказанных психологических барьеров. Именно в ходе такой активной регуляции личностных границ во многом формируется восприятие человеком себя как самостоятельной личности. Таким образом, наиболее существенной функцией регуляции социальной зависимости можно считать обеспечение автономности личности. И определенную роль в этом играет регуляция как пространственного, так и социального контактов.

Однако можно выделить и другую существенную сторону регуляции социальной зависимости. Как указывают некоторые исследователи, постоянное нахождение в ситуации "под внешним контролем" для человека психически утомляющее и не содействует эффективной деятельности. Только принципиальная (но реально не осуществляемая) возможность с а м о м у контролировать ситуацию может иметь значительное положительное влияние. Это хорошо показывают эксперименты D. Glass и J.Singer (1973, с. 165-183). Они рассматривали влияние интенсивного шума на степень фрустрации испытуемых и на количество ошибок в заданной деятельности. Испытуемые были разделены на две группы. Первой была дана возможность выключить при желании шум, хотя экспериментатор просил их этого не делать, выбор оставался все же за испытуемым. Второй группе не предоставлялось такой возможности. Таким образом, п е р в а я г р у п п а п о л у ч а л а с у б ъ е к т и в -

ный контроль над ситуацией, вторая — нет. На деле из первой группы лишь единичные использовали предоставленную им возможность, но результаты по двум группам сильно различались. У первой группы значительно выше оказалась толерантность к фрустрации, число ошибок же значительно меньше, чем у второй. Как заключают авторы "... одна группа оказалась под воздействием как самого шума, так и "тревожности", связанной с чувством неспособности сделать что-нибудь. Испытуемые, ощущающие контроль над ситуацией, были под воздействием только шума". (1973, с. 179). И этот "добавочный фактор" в качестве чувства беспомощности имел очень сильное влияние.

Почему чувство собственного контроля над ситуацией является для человека привлекательным? Это можно объяснить обстоятельством, что ситуация "под внешним контролем" всегда сопровождается психическим напряжением. Человек должен постоянно наблюдать за собой, "управлять" своей деятельностью, вводить ее в соответствие с реакциями окружающих, что требует немало психической энергии.

Таким образом, регулируя степень своего контакта с другими людьми, человек содействует этим определению себя как автономного индивида и в то же время регулирует "затраты" психической энергии.

Многие исследователи, в частности буржуазные, говорят о независимости человека, как о высшей цели, отрицательно, оценивая все, что ее ограничивает. Такой подход кажется неправильным, ибо рассматривает проблему зависимости только на личностном уровне. Поднимаясь на социальный уровень, обнаруживается, что взаимная зависимость людей — неизбежная предпосылка всякой совместной деятельности, существования любой, даже самой элементарной социальной системы. Как мы уже говорили выше, кроме стремления человека осуществлять личный контроль над ситуацией, для достижения которого может быть использован такой способ как пространственное и социальное отделение себя от других, имеются и противоположные тенденции. Человека во многих ситуациях характеризует и стремление к общению, желание быть связанным с другими (и, следовательно,

быть от них зависимым). Советские психологи говорят о специальной потребности в общении и во взаимоотношениях (см. В.Б. Ольшанский, 1975, с. 209). Стремление к автономности дополняется нередко стремлением к связанности с группой, к ощущению себя членом общности.

Таким образом можно говорить о диалектическом единстве личной автономности и внешней зависимости как на личностном уровне, так и на уровне социальном. Обе крайности здесь – абсолютная автономность или абсолютная зависимость, – невозможны и немыслимы. В первом случае неосуществима никакая согласованная деятельность группы, не может существовать даже элементарная социальная система. Во втором же случае нельзя говорить о человеке как о социальном субъекте, следовательно и немыслима также существование групп, ибо нет "генераторов" правил поведения.

На уровне пространственного контакта вышесказанное означает диалектическое единство пространственного контакта и отдаленности. Взаимосвязанность и взаимное предположение обеих крайних ситуаций контакта ("имеется-нет") и выражается в вышерассмотренной активной регуляции человеком пространственного контакта.

В социальном контакте связь такая же, по определению советского исследователя Г. Гака: "Коллективность и индивидуальность образуют диалектические противоположности: они взаимно отрицают и взаимно полагают одна другую, находясь в отношении взаимоисключения и взаимопроникновения". (1968, с. 54).

Таким образом, в процессе оптимизации соотношения личной автономности и внешней зависимости определенную роль играет регуляция человеком как пространственного, так и социального контакта. На этой основе можно рассматривать и взаимоотношение этих двух форм контакта.

4. Взаимосвязь пространственного и социального контактов

Выше мы выдвинули предположение, что человек в каждой ситуации пытается установить некоторое оптимальное для него соотношение внешнего-внутреннего контроля, оптимальную внешнюю зависимость. Это достигается весьма различными путями, причем одним из "средств" при этом выступает и регуляция интенсивности как пространственного, так и социального контактов. Основным выводом психологии среды о связи между отдельными компонентами пространственного контакта является заключение о наличии процессов регуляции по каждому отдельному компоненту и о взаимокомпенсирующих отношениях между ними (см Altman 1975). Эти работы показывают, что для человека первостепенным является сохранять в оптимальных границах общую интенсивность пространственного контакта, нежели оптимизировать его по отдельным "каналам" или формам. Теперь мы связывали регуляцию как пространственного, так и социального контакта с обеспечением определенного соотношения внешнего-внутреннего контроля над деятельностью человека. Предполагая, что опять для человека в первую очередь значимо общее соотношение внешнего-внутреннего контроля, можно выдвинуть гипотезу о наличии взаимокомпенсирующих связей и между пространственными и социальными формами контакта.

Предполагаемая связь между пространственным и социальным контактом означает, что слишком интенсивный (вынужденный) контакт одного типа может быть компенсирован уменьшением интенсивности другого, или, наоборот, нехватка в одной сфере может быть компенсирована увеличением интенсивности в другой. С точки зрения пространственного контакта вышесказанное означает, что повышение интенсивности пространственного контакта выше нормы связано с предпочтением более индивидуалистических способов деятельности и с большей персональной закрытостью, с помощью которой человек уменьшает как деятельностьную, так и информационную зависимость. (Гипотеза Argyle Dean о связи между дистанцией и персональной открытостью является, та-

ким образом, частным случаем предполагаемой нами связи). С другой стороны предполагается, что пространственную изоляцию можно компенсировать тесным (хоть и опосредованными) социальными контактами. При этом важно, что взаимная компенсация, наверное, имеет место именно при отклонении интенсивности контакта от н о р м ы, увеличении или уменьшении интенсивности контакта по сравнению с существующими в данной общности нормами. Таким образом, компенсационная связь наиболее наглядно должна выступать при крайних случаях контакта.

Исходя из предполагаемой связи, можно дать и интерпретацию изменений в характере межличностных отношений в городах, а также исследованиям феномена перенаселенности. В исследованиях проблем урбанизации имеются различные описания стремлений людей в крупных городах всячески оградить, отделить себя от других или психологически, или физически (нежелание вступить в более дружеские отношения, замкнутость в себе, стремление к изоляции своей жилой ячейки и др.). Причем такое стремление к замкнутости становится большей с возрастанием величины города, с увеличением плотности населения.

В этом можно видеть одну из реакций к постоянному пространственному контакту в городе, к вынужденному пребыванию "на людях" с утра до вечера. Таким образом, реальная интенсивность пространственного контакта оказывается больше "нормы". Можно предполагать, что особенно сильны "ножницы" между нормой и реальностью у людей, привыкших к сельскому образу жизни, приехавших в город (у них, наверное, чаще можно наблюдать и "стресс перенаселенности"). Коренные же горожане, по-видимому, более стабилизировались в новых условиях, т.е. более эффективно "организуют" свои взаимоотношения с другими людьми.

В качестве своеобразной формы обеспечения оптимального уровня контакта можно выделить и в р е м е н н у ю растянутость компенсации сверхконтактности. Например, интенсивный контакт в рабочее время может быть компенсирован предпочтением отделенности при проведении свободного времени. Такая временная компенсация может, наверное, осуществляться как внутри пространственных или социальных форм контакта, так и между

ними.

Таким образом, мы предполагаем, что регуляция пространственного и социального контактов функционирует как единая система регуляции человеком своих межличностных отношений. Причем отдельные формы этой регуляции могут взаимно дополнять и компенсировать друг друга.

Из существующих психологических подходов к проблемам межличностных связей можно выделить две концепции, из которых мы в определенной мере исходили при выдвижении основной гипотезы. Это — концепция Б.Ф. Поршнева о суггестии-контрсуггестии, характеризующая взаимовлияние людей с социально-психологической стороны и концепция I. Altman о т.н. приватности.

5. Концепция Б.Ф. Поршнева о суггестии-контрсуггестии

Б.Ф. Поршневым создана весьма оригинальная теория о развитии и механизмах взаимовлияния людей. Он рассматривает проблему взаимовлияния людей как центральную во всей социальной психологии. "Прямое влияние (инфлюция) и есть простейшее социально-психологическое явление ... Можно сказать и обратное, — что социальная психология занимается изучением различных проявлений влияния людей друг на друга". (1971, с. II). В процессе взаимного влияния людей выделяется два основных компонента — суггестия и контрсуггестия. Суггестия — это степень "открытости" человека к внешним влияниям. "Суггестия в чистом виде тождественна к полному доверию к внушаемому содержанию, в первую очередь к внушаемому действию". (1971, с. I4). Но суггестия никогда не может быть абсолютной, имеет место и противостоящее ей явление, человек ограничивает внешние влияния, многие из них отвергает или не принимает во внимание. Такие защитные реакции человека против суггестии Б.Ф. Поршнев называет контрсуггестией. По его мнению, изучить взаимовлияние людей, т.е. суггестию можно лишь посредством изучения форм контрсуггестии: ".... изучать суггестию как исходное психическое отношение между людьми".

ми в основном приходится косвенным, обходным методом: посредством изучения психической самозащиты личности от ее неограниченного действия. Эту оболочку, окружающую ядро суггестии, мы называем контрсуггестией..." (1971, с. 13). Б.Ф. Поршнев придает сфере взаимовлияния людей определяющее значение в развитии второй сигнальной системы (1974, с. 422) и в процессе совершенствования, эволюции человеческого мозга (1974, с. 440).

Хотя автор в основном рассматривает роль суггестии-контрсуггестии в историческом, эволюционном плане, нас больше интересует описанный им механизм взаимного влияния людей. Особый интерес представляет описание защитных механизмов против суггестии (форм контрсуггестии). Вообще по Б.Ф. Поршневу, "внутренний мир" человека рожден от первых контрсуггестивных действий (1971, с. 17). Элементарной формой контрсуггестии он считает пространственное удаление от суггестора. "На деле контрсуггестия началась в истории с ... элементарных защитных и негативных реакций на суггестию. Пожалуй, самая первичная из них в восходящем ряду - уклониться от слышания и видения того или тех, кто форсирует суггестию в межиндивидуальном общении. Это значит - уйти, удалиться". (1971, с. 18). В связи с этим автор выдвинул интересную гипотезу для объяснения чрезвычайно быстрого рассеяния людей в начале нашей истории. "Им (людям - М.Х.) не стало "тесно" в хозяйственном смысле, ибо общая численность человечества в ту пору (в каменном веке) была невелика. Им, скорее, стало тесно в смысле появления и развития бремени межиндивидуального давления! (1971, с. 19). Т.е. расселение произошло на социально-психологической основе!

Для нас существенно, четкое выделение Б.Ф. Поршневым внешнего влияния на человека и его внутреннего противодействия этому, рассмотрение соотношения этих двух "сил" и выделение этому соотношению решающей роли в самоопределении человека. Развивая его точку зрения, можно сказать, что именно в сфере межличностных отношений вырабатывается самоопределение человека, именно в этой сфере проявляется его автономность.

6. Концепция приватности

Из всех американских исследователей психологических проблем искусственной среды в теоретическом смысле больше всех сделал Altman. Его попытка изложить большинство проведенных в этой области исследований в виде концепции т.н. приватности (англ. *privacy*) заслуживает специального внимания.

Altman в своих теоретических разработках основывается на широко исследуемом в США явлении приватности, под которым традиционно понимается стремление человека к отделенности, независимости от других (уже сам термин указывает на это — *privacy* = уединение, секретность). Altman расширил понятие приватности, рассматривая под ним общую регуляцию человеком границ между "Я" и "другие". Приватность, по его определению, характеризуется следующими признаками (1975, с. 10-11):

- приватность это процесс контроля межиндивидуальных границ, которые регулирует интеракцию с другими;
- две основные стороны приватности — *желаемая* и *реальная* приватность. Если желаемая приватность равна реальной, то говорим об оптимальной ситуации с точки зрения приватности. Если желаемая приватность выше или ниже реальной, то имеет место ситуация несоответствия (неудовлетворенности);
- приватность — это диалектический процесс, который включает как отклонение, так и поиски интеракции;
- приватность это оптимизационный процесс, человек каждый момент старается установить оптимальный уровень приватности;
- в приватности можно выделить процессы "входа" и "выхода", т.е. человек старается регулировать как контакты, "приходящие" от других, так и контакты "выходящих" от него к другим;
- стремление к приватности исходит из различных социаль-

ных единиц: отдельного человека, семьи, групп и др.;

- для достижения приватности используется широкий диапазон средств, т.е. механизмов - вербальное и паравербальное поведение, персональное пространство, фиксированная территория, различные культурные механизмы (традиции, нормы) и др.;

- приватность имеет для человека существенные функции - контроль и управление межиндивидуальной интеракцией, содействие в выработке планов и стратегии взаимоотношения с другими, способствуют самоидентификации.

Концепция Altman имеет несомненные достоинства, на многие его выводы мы опирались и в настоящей работе. В то же время имеются и некоторые принципиальные сомнения в отношении его подхода. Во-первых, понятие приватности в его интерпретации чрезвычайно расширено, под термином "регуляция границы" понимаются всевозможные способы деятельности. Такой широкий подход был бы оправдан, если бы общие идеи сопровождалась их подробной конкретизацией (особенно в отношении механизмов приватности), чего у автора пока еще нет. Во-вторых, Altman толкует приватность в чисто субъективном плане; хотя он и говорит о диалектике приватности, последняя остается у него на уровне персональной открытости-закрытости, не касаясь вообще соотношения человек-группа или человек - общество.

Несмотря на эти сомнения, общая идея о регуляции человеком межличностной интеракции у Altman изложена четко, и, исходя из точки зрения его концепции, наша разработка соотношения пространственного и социального контактов является исследованием двух конкретных механизмов приватности (хотя он сам этих механизмов не выделял).

Из работ Altman необходимо еще остановиться на его анализе (на этнографическом материале) соотношения различных форм межличностных связей у разных народностей и наций. Этим анализом он убедительно показывает существование уже у примитивных народов различных форм сохранения персональной автономии индивида, и, что особенно важно для нас - определенное взаимодополняющее соотношение этих форм. Приведем некоторые из этих примеров (цит. по Altman, 1975). Сначала

рассмотрим примеры по культурам, в которых на первый взгляд почти не имеет места физическая отделенность индивида от группы. Этим характеризуются, например, индейцы племени *мехинаки* в центральной Бразилии. Они живут в (общих) хижинах, расположенных вокруг маленькой круглой площадки. Их поля находятся там же; вся деятельность каждого члена племени хорошо видна всем другим. Внутри хижины также нет никакой (физической) отделенности, входя туда не надо давать знать о себе (стучать в дверь или каким-либо другим способом). В то же время оказалось, что, хотя на первый взгляд почти полностью отсутствует какая-либо физическая отделенность отдельного члена племени, существуют весьма сложные формы обеспечения автономности индивида. Например, существуют строгие правила, что нельзя говорить другим о себе, о своей жизни и чувствах, даже вопросов об этом нельзя задавать. Также следует всячески скрывать свои чувства и эмоции. Кроме того, у каждого члена общины имеется в лесу "тайник", куда он при желании может уединиться. В весьма строгие также правила территориального поведения, хотя семьи живут в общей хижине, — на территорию другой семьи вступать нельзя. В середине деревни стоит специальная мужская хижина, куда женщинам и детям вход запрещен. В племени введена практика систематической изоляции отдельных членов на довольно длительное время. Во-первых, вся семья после рождения ребенка отделяется от остального племени; когда мальчику исполняется 9–10 лет, его вместе со сверстниками отделяют от других на 2 года. Девочек отделяют на период достижения ими половозрелости. Также предусмотрена изоляция при смерти супруги (–га), или в случае, если мужчина готовится стать религиозным вождем. Таким образом, член племени может в своей жизни жить в изоляции до 8 лет. Следовательно, сравнительно малая прямая физическая отделенность здесь связана с повышенной социальной или психологической отделенностью (отсутствие физических барьеров компенсируется возведением социальных и психологических!).

Аналогичная ситуация описана у некоторых племен о. Ява. Семьи живут в бамбуковых хижинах без дверей, с почти прозрачными стенами. Каждый свободно может войти в чужой дом и хо-

дять там по всем комнатам. В то же время имеется ряд правил, норм, регулирующих взаимоотношения — люди должны подавлять свои эмоции, не вступать в контакты с другими, стараться всюду быть очень вежливыми и скромными. Как указывали исследователи "...Яванцы закрывают себя за барьером этикета".

Такая же ситуация отмечена у племени на о. Борнео. Минимальная физическая отделенность (в одном большом доме живет вместе до 20-30 семей) сопровождается строгими нормами взаимоотношений. Развита фиксация территории — у каждого свое место для сна, все происходящее внутри семьи скрывают от других (например, если супруги что-то обсуждают или спорят, они уходят для этого из дому). Имеется также определенная временная отделенность разных видов деятельности у отдельных семей (например, семьи кушают в разное время, чтобы не быть в это время на глазах у других).

Имеются данные и другого порядка — в общинах, где люди на первый взгляд ведут очень индивидуалистический, закрытый образ жизни, имеются и весьма развитые формы взаимоотношений. Таким образом характеризуются, например, взаимоотношения у кочевых племен туарегов южного Алжира. Об этом говорит уже их "закрывающая" одежда; все тело тщательно укрыто, закрыто также лицо до глаз чадрой. Последнюю носят постоянно — дома и вне дома, иногда и во время сна. Такая одежда сильно затрудняет взаимную коммуникацию, но это компенсируется рядом специфических характеристик их взаимоотношений. Здесь в процессе общения очень большое значение имеют его невербальные формы: движение глаз, тембр и громкость голоса, поза тела, высота чадры — все это имеет определенное значение, передает информацию. Таким образом, "закрытость" в физическом смысле связана с повышением "пропускной способности" ряда специфических каналов связи.

В своей последней работе по межкультурным различиям приватности I. Altman подходит к следующему общему выводу: регуляция приватности является культурно универсальным явлением, механизмы, используемые при этом, являются культурно специфическими. Для нас является существенным, что между этими "культурно специфическими" механизмами приватнос-

ти существуют определенные соотношения, которые обнаруживаются и в вышерассмотренных примерах - при почти полном отсутствии физической отделенности индивида от группы имеются все же способы, приемы (в основном социальные и психологические!) с помощью которых человек отделяет свое "Я", обеспечивает свою автономию в группе; или физическая "закрытость" человека связана с интенсивным межиндивидуальным общением. Хотя о компенсации в прямом смысле слова еще говорить нельзя (ни один из рассмотренных параметров ведь не потерпел в этих культурах существенного изменения), здесь хорошо выступает стремление установить некоторую общую, оптимальную степень связанности индивида с общиной.

7. Персонализированная территория как основная форма регуляции пространственного контакта

Выше была выдвинута идея о взаимокompенсирующей связи пространственного и социального контактов. Это предположение в определенной мере подтверждают: связанность обеих форм контакта с регуляцией человеком своей автономности - зависимости, и взаимосвязанности форм этой регуляции. Чтобы проверить предполагаемую связь необходимо "ввести" обе формы контакта на более конкретный уровень.

Основной формой регуляции пространственного контакта можно считать персонализацию пространства. Именно фиксацией "для себя" определенной части пространства человек обеспечивает себе возможность пространственного отделения от других. От характера и свойств этой персонализированной территории зависит, насколько полно может осуществляться регуляция пространственного контакта.

Далее рассмотрим основные характеристики персонализированной территории.

В организации персонализированной территории можно четко различить 2 компонента:

- ф и з и ч е с к а я организация - персонализированная территория всегда имеет определенную, фиксированную пространственную л о к а л и з а ц и ю. Она может быть локализована

В данном месте постоянно (дом человека, место работы) или временно (место в поезде). Как правило, персонализированная территория о т д е л е н а от остальной среды физическими барьерами. Степень физической отделенности различна для разных типов персонализированной территории, она варьирует от наиболее отделенных до наиболее открытых;

- с о ц и а л ь н а я организация - физически фиксированная территория является персонализированной территорией лишь в случае, если существуют определенные н о р м ы поведения и взаимоотношений на данной территории (если, например, кабинет использует каждый, когда захочет, то нельзя говорить о нем как о персонализированной территории).

Существуют некоторые особенности поведения и отношения субъекта персонализированной территории к данной территории, которые можно охарактеризовать следующими 2 пунктами:

- к о н т р о л ь над территорией: территория является персонализированной, если субъект осуществляет над ней контроль. По своему направлению контроль можно подразделить на 2 класса:

- контроль над территорией как над физическим объектом (право на введение преобразований на данной территории);
- контроль над контактами, взаимоотношениями на данной территории (право определения кто, когда и как может "войти" на территорию, вступить в контакт с субъектом территории;

- и д е н т и ф и к а ц и я с территорией: персонализированная территория характеризуется также определенным о т н о ш е н и е м человека к данному месту. Во многих случаях человек относится к ней, как к самому себе, воспринимает данное место, как часть или "удлинение" самого себя. Наиболее ярко это видно на примере дома человека (идентификация с которым наиболее высока). Нежелательное "вторжение" чужих на персонализированную территорию воспринимается человеком как нарушение л и ч н о й неприкосновенности. Можно предположить, что такая идентификация с определенной частью физической среды в принципе аналогична с социальной идентификацией (с группой, нацией и т.п.).

Идентификация с персонализированной территорией влечет за собой определенной о т н о ш е н и е к данному месту, что выражается в эмоциональной привязанности к нему, в бережливом отношении к этой территории. Иногда идентификации с персонализированной территорией не возникает, например, при некоторых временных персонализированных территориях.

Поскольку все четыре параметра, используемые при описании персонализированной территории (физическая и социальная отделенность, контроль и идентификация), являются шкалируемыми, на этой основе возможно различать ряд формальных типов персонализированных территорий. В действительности же распространенными оказываются лишь некоторые из возможных комбинаций. Таким образом, правильнее было бы классифицировать реально существующие типы персонализированной территории, характеризуя их с помощью выделяемых нами параметров.

Как уже указывалось выше, наиболее существенной в жизни человека является т.н. первичная территория. Она характеризуется максимальной степенью всех указанных четырех параметров (большая физическая и социальная отделенность, высокие контроль и идентификация). Как правило ею является дом человека (но не во всех случаях). Домашний очаг — групповая (семейная) территория, в ней часто можно выделить и индивидуальные первичные территории отдельных членов семьи, т.н. индивидуальные зоны (кабинет отца, уголок ребенка и др.).

Если дом человека является как бы синтетической территорией (т.е. там осуществляются весьма различные виды деятельности), то можно выделить и ряд специализированных персонализированных территорий, предназначенных для определенных видов деятельности. Такими являются, например, кабинет или рабочее место (для работы), дача (для отдыха, развлечений), а также место в купе поезда, койка в больничной палате и др. Но и для всех специальных персонализированных территорий характерны как физическая локализация и социальная отделенность, так и контроль и некоторая идентификация со стороны человека. Гипотетически можно выделить следующие типы персонализированной территории:

Тело че- ловека (терри- тория тела)	Персональ- ное пре- странство (непосред- ственное простран- ственное окружение тела)	Первич- ная тер- ритория (дом, индиви- дуаль- ная зо- на в жилой ячейке)	"Удлине- ние" пер- вичной террито- рии (да- ча, сад, автомаш- на)	Постоян- ные спе- циальные террито- рии (ра- бочее место)	Времен- ные спе- циальные террито- рии (мес- то в ки- но, авто- бусе)
---	--	---	--	---	--

Чем больше влево по шкале, тем существеннее для человека тер-ритория, тем сильнее контроль и идентификация с ней. (На ос-нове идентификации можно было бы продолжить данную шкалу - человек идентифицирует себя и с территориями, выходящими за рамки персонализированной территории - город, страна и др.).

Основываясь на вышеизложенном понимании нами регуляции пространственного контакта, у персонализированной территории, как у одной из форм этой регуляции, можно выделить следующие 2 типа функций:

- "внешние" функции - это достижение некоторого оптималь-ного уровня пространственного контакта, обеспечение этим приемлемых условий для различных видов человеческой деятель-ности, а также создание субъективного ощущения некоторой сво-боды выбора (быть в контакте или нет), создание субъективно-го ощущения контроля над своими связями с другими лицами. По-следнее, как предполагается, повышает психическую сбаланси-рованность личности, содействует ее позитивным взаимоотноше-ниям с другими;

- "внутренние" функции - содействие самоопределению чело-века как автономной личности. Человек, "удлинявший" себя в среду, контролируя данный "кусочек" среды и свои взаимоотноше-ния с ней, определяет себя этим как независимый самостоятель-ный индивид.

Вышеизложенное понимание роли пространственного компонента в человеческих взаимоотношениях дает возможность связывать между собой психологические и средовые параметры, что в свою очередь позволяет определить некоторые психологические требования к организации жилой среды человека и дает еще один критерий оценки архитектурных и дизайнерских решений. Наиболее существенным можно считать учет вопросов пространственного контакта при планировке наиболее "близких" человеку территорий — жилой ячейки, рабочего места, мест отдыха. Но до практического использования данных теоретических положений необходима их эмпирическая проверка и уточнение.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

- Гак Г. 1968. Диалектика коллективности и индивидуальности. В кн.: "Коллектив и личность". М., "Мысль".
- Леонтьев А.А. 1974. Психология общения. Тарту, 2 изд. ТГУ
- Ломов Б.Ф. 1971. Состояние и перспективы развития психологии в СССР в свете решений XXIV съезда КПСС. "Вопросы психологии", № 5, стр. 18.
- Ольшанский В.Б. 1975. Межличностные отношения. В кн. "Социальная психология". М., изд. полит. лит.
- Парыгин Б.Д. 1975. Психологический барьер и его природа. В кн. "Социальная психология и философия". Л.
- Парыгин Б.Д. 1975. Проблема опосредованности в социальной психологии. В кн. "Методологические проблемы социальной психологии", "Наука".
- Парыгин Б.Д. 1976. Научно-техническая революция и социальная психология. Л. "Знание".

Поршнез Б.Ф. 1971. Контрсуггестия и история. В кн. "История и психология". М., "Наука".

Поршнез Б.Ф. 1974. О начале человеческой истории. М., "Мысль".

Рихта Р. 1970. Научно-техническая революция и развитие человека. "Вопросы философии". № 1, 2.

Струков Э.В. 1977. Социалистический образ жизни. Теоретические и идейно-воспитательные проблемы. М., "Мысль".

Щепаньский Я. 1969. Элементарные понятия социологии. М., "Прогресс".

Яницкий О.Н. 1972. Социально-информационные процессы в обществе и урбанизация. В кн.: "Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс". М., "Наука".

Яницкий О.Н. 1975. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. М., "Наука".

Altman I. 1975. Environment and Social Behavior. Calif.

Glass D. , Singer J. 1973. Experimental Studies of Incontrollable and Unpredictable Noise. "Representative research in social psychology", vol. 4 No.1, pp. 165-183.

КОНТРОЛЬ НАД МИКРОСРЕДОЙ: НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

М.Хейдметс, Я.Вальсинер

Конец 60-ых годов можно считать зарождением новой психологической дисциплины — психологии среды (англ. **environmental psychology**). В сферу исследования этого направления включаются весьма различные стороны взаимоотношений человека с условиями своей непосредственной среды (микросреды) (см. **Ittelson et al., 1974; Stokole, 1977**).

Возникновение научной дисциплины с такой постановкой проблемы прямо обусловлено существенными изменениями в жилой среде человека, происходящими в последние десятилетия.

Под влиянием научно-технического прогресса существенно изменялись традиционные условия человеческой деятельности — это относится как к физическим, так и социальным условиям. С одной стороны кардинально преобразовалась повседневная жилая среда человека (техника среды, концентрация людей и др. изменения), с другой, — человек должен все чаще действовать в совсем новых, специфических условиях среды (при высоких скоростях, при длительной изоляции, при управлении сложных технических систем в экстремальных условиях и др.). Исследователей интересуют здесь вопросы влияния на человека изменений различных параметров микросреды, вопросы, как создать такие условия непосредственной среды, которые максимально бы благоприятствовали как эффективной деятельности человека, так и сохранению его психического и физического здоровья.

Одной из существенных характеристик человеческой деятельности в новых условиях среды во многих случаях является то обстоятельство, что процесс деятельности четко заданный условиями среды, происходит под строгим внешним контролем. Особенно это относится к работе человека со многими техническими системами. Такая работа требует от человека подчинения определенным правилам, но с другой стороны, в некоторых ситуациях требует быстрой собственной инициативы, актив-

ности (другими словами — перехода внешнего контроля над ситуацией на внутренний, исходящий от человека, контроль).

Психологические проблемы контроля до сих пор сравнительно мало изучены. В настоящей работе будем рассматривать некоторые вопросы этой области, основываясь в основном на работах психологии среды.

1. Структура контроля над средой

Хотя на важность контроля над средой указывали многие исследователи (см. Proshadaky et al., 1970, с. 181; Altman 1975, с. 20-21 и др.), специальный анализ этого фактора пока еще не проведен. Поэтому необходимо начать с уточнения самого понятия контроля.

В самом общем плане контроль можно рассматривать как возможность целенаправленной регуляции состоянием и деятельностью некоторого объекта или явления. Основными компонентами в процессе контроля выступают: субъект контроля (Ск), от которого исходит регулирующее воздействие, и объект контроля (Ок), на которое направлено воздействие. Если Ск и Ок совпадают, то говорим о внутреннем контроле (или о самоконтроле), если не совпадают, то имеется дело с внешним контролем над данным объектом. Так как при человеческой деятельности почти всегда одновременно имеют место обе формы контроля, то определенный вид деятельности можно характеризовать соотношением внутреннего и внешнего контроля. Во взаимоотношениях "человек — микросреда" контроль выступает в двух аспектах.

а. Контроль над средой. (Ок — микросреда). Ск может быть как человек так и сама среда (в случаях когда состояние и изменение среды не зависит от человека). Контроль человеком микросреды означает, что некоторое его действие в отношении среды вызывает в ней намеренное человеком изменение (состояние). Если намеренное изменение (состояние) проявляется с вероятностью 100%, то можно сказать, что человек полностью контролирует среду (с точки зрения данного параметра среды).

На основе вероятности проявления намеренного изменения можно шкалировать степень контроля человека над средой.

б) Контроль над деятельностью человека (Ок = человек) Ск может быть опять или сам человек или среда. Имеющиеся условия микросреды всегда в большей или меньшей степени ограничивают, определяют деятельность человека в них. Степень контроля среды над деятельностью человека будем определять тем, в какой степени данными условиями среды фиксирован способ деятельности человека в них. Если некоторые условия среды с вероятностью 100% вызывают определенное поведение человека, то можно сказать, что данные условия среды полностью контролируют (определяют) деятельность человека. На этой основе можно говорить о степени контроля среды над деятельностью человека.

Таким образом как при контроле над средой, так и при контроле над деятельностью человека, процесс контроля можно характеризовать локализацией Ск. Изображая локализацию субъекта контроля при обоих вышерассмотренных случаях (Ок или человек или среда) на шкалах, конечными точками которых являются крайние случаи контроля (Ск является или полностью человек или полностью среда) и соединяя обе шкалы, получаем четыре ситуации с различными характеристиками контроля

шкала контроля над средой

Соединение двух шкал позволяет выделить следующие 4 ситуации:

А – ситуация, когда человек контролирует как свое поведение, так и среду (ситуация с максимальной свободой выбора для человека).

Г – противоположная ситуации **А** – человек не контролирует ни свою деятельность, ни условий среды (с точки зрения человека наиболее внешне фиксированная ситуация).

Б – ситуация, где деятельность человека определяется средой, но человек может среду контролировать, изменить (ситуация, где контроль над своей деятельностью человек может осуществить посредством среды).

В – ситуация, где человек контролирует свою деятельность, но не среду (человек действует независимо от среды).

Большой интерес для нас представляют ситуации **А** и **Г**. Переход от ситуации **А** к ситуации **Г** с точки зрения человека означает переход внутреннего контроля (как над своей деятельностью, так и над средой) на внешний. Этот переход можно характеризовать новой, синтетической (учитывающей как контроль над средой так и над человеком) шкалой **А-Г**. В общем эта шкала соотношения внутреннего – внешнего контроля, но с точки зрения человека можно его рассматривать также как шкалу свободы выбора способов поведения, а с точки зрения среды – как шкалу организованности среды (организованность рассматривается нами как свойство среды определить, фиксировать деятельность человека).

Таким образом, каждая ситуация, где осуществляется человеческая деятельность может быть охарактеризована с точки зрения локализации контроля. Причем можно разделить реально осуществляемый контроль и субъективное ощущение возможности контролировать ситуацию (как среду, так и свое поведение). При каких обстоятельствах локализация контроля, соотношение внешнего и внутреннего контроля, яв-

ляются существенными с точки зрения эффективности деятельности и психического состояния человека? На этом вопросе и будем далее останавливаться. Начнем с проблем субъективного ощущения контроля над средой и своим поведением.

2. Субъективное ощущение контроля

Имеются некоторые экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что наличие субъективного "чувства контроля" над ситуацией улучшает психическое состояние человека и содействует эффективной деятельности. Примером таких исследований можно рассматривать эксперименты Glass, Singer (1973, с. 165-183)*. Они измеряли влияние интенсивного шума на степень фрустрации испытуемых и на количество ошибок в заданной деятельности. В эксперименте испытуемые были разделены на две группы. Первая группа получила возможность контроля над ситуацией, вторая этого не имела, по всем другим условиям группы были на равном положении. В результате этого у первой группы толерантность к фрустрации оказалась значительно выше и число ошибок меньше, чем у второй.

В психологии в настоящее время существует целое направление, занимающееся изучением условий, в которых испытуемые лишены возможности контроля над средой. Оказывается, что если организм находится в течение длительного времени в условиях полного отсутствия контроля над средой, то он учится "быть беспомощным" - учится ничего не делать в таких

* подробнее об этих работах см. статью М. Хейдметса "Пространственный фактор в межличностных отношениях" в настоящем сборнике.

ситуациях, где ему было бы нужно активно действовать. Наличие такого типа "наученной беспомощности" (по-английски ("learned helplessness")) документировано как у животных (McCullough, Bruner, 1939; Maier, 1972; Seligman, Maier, Salomon, 1972) так и у человека (Seligman, 1975; Watson, 1976). Seligman также подчеркивает, что наученность не применять активных действий приводит не только к отказу от активности в деятельности, но и в ряде случаев может дать отрицательный эффект, влияя на соматическое здоровье (не говоря о психическом).

Некоторые исследователи видят в стремлении человека осуществить контроль над средой один из основных принципов взаимоотношения человека с средой. H. Proshansky, W. Ittelson и L. Rivlin сформулировали это таким образом "Во всех ситуациях человек пытается организовать свое физическое окружение таким образом, чтобы оно максимизировало его свободу выбора" (1970, с. 175). Причем свобода выбора рассматривается именно как субъективное чувство возможности выбирать различные способы деятельности в данной ситуации (осуществить внутренний контроль). Данный принцип сам по себе интересен, но требует эмпирических проверок и уточнений, которых пока еще нет.

Нужно отметить, что в последнее время распространяется использование параметра контроля в качестве характеристики личности. Личность описывается именно по ее субъективным ощущениям локализации контроля над ее деятельностью (внешний или внутренний "локус" контроля). Основоположник исследований по параметру "локус контроля" Rotter (1966) определяет данный параметр тем, как человек воспринимает причинные связи между своим поведением и поведением среды. Если человек считает различные случаи жизни детерминированными судьбой или результатом случайностей, то он является личностью с внешним контролем. Если же человек думает, что он своей активной деятельностью может вызывать изменения в окружающей среде и детерминировать жизненные события, происходящие с ним, то он обладает внутренним локусом контроля. Параметр,

выдвинутый **Rotter** (1966) таким образом характеризует восприятие человеком контингентных связей между его поведением и событиями, которые следуют за его поведением.

Данный параметр измеряется с помощью вопросника, состоящего из 23 пар вопросов. Испытуемый должен указать, с каким из высказываний в паре его собственные взгляды больше соотносятся. Шкала локуса контроля имеет размах от 0 до 23 баллов (минимум внешнего контроля, если количество выбранных высказываний — 0, максимум внешнего контроля — 23). Для заполнения в шкале приводятся 6 высказываний, которые не учитываются в анализе.

Пока параметр контроля как свойство личности еще мало изучен. Имеются лишь единичные данные о связи этого параметра с другими личностными и деятельностными характеристиками (например, **Duke** и **Mullene** (1973) нашли, что у хронических больных шизофренией больше превалировал внешний контроль, чем у нормальных людей. Аналогичные данные получены и при исследовании девочек с легким образом жизни (**Duke, Fenhagen**, 1974 и др.).

Таким образом можно указать на важность параметра, базирующегося на ощущении контроля, но более конкретный и тщательный анализ этого фактора и методов его объективного измерения еще впереди.

3. Контроль в сфере межличностных отношений

Субъективное ощущение контроля может быть либо связано с некоторой объективной возможностью выбора ситуации (как это было в эксперименте **Glass** и **Singer**) либо исходить из личностной ориентации к связям своего поведения с условиями среды (внешний—внутренний локус контроля). Все же нужно предполагать, что и ориентация последнего типа во многом исходит из реального жизненного опыта, реального наличия или отсутствия возможности контролировать ситуации. Поэтому более существенным является вопрос, каким образом наличие объективных возможностей выбора, реальная возможность самому определить свое поведение и изменить окружающее, влияет на состоя-

ние человека и на эффективность его деятельности, по сравнению с ситуацией, где все внешне определено (по нашей шкале это сопоставление ситуации А и Г). Сравнение этих двух ситуаций возможно с точки зрения социальных контактов, так как в этой области проведено определенное количество исследований. Возможно сравнивать ситуацию, где условия социальных контактов внешне определены, с ситуацией, где человек может сам выбирать форму и интенсивность своих контактов.

В исследованиях психологии среды, рассматривающих пространственную организацию межличностных отношений, хорошо показано, что человек стремится в каждой ситуации установить некоторый оптимальный уровень контакта с другими (см. Altman, 1975, с. 10-52). Процесс такого рода деятельности называем регуляцией контакта. В наиболее элементарной форме такая регуляция имеет место уже при диадическом общении. Формами регуляции в диаде выступают соблюдение стабильной дистанции между партнерами, изменение интенсивности визуального контакта, изменение ориентации партнеров друг к другу и др. Показаны также взаимокompенсирующие отношения между отдельными формами регуляции диадического контакта. Например, установлено, что чем меньше становится визуальный контакт между партнерами, тем меньше частота прямого визуального контакта (Argyle, Dean, 1965), чем меньше становится дистанция, тем больше партнеры избегают ориентации "лицом-к-лицу" (Altman, 1975, с. 98-100) и др. Если такая регуляция заторможена, т.е. человек вынужден общаться в строго заданной ситуации, которая по некоторым параметрам контакта отличается от "нормы", то такая ситуация оценивается как неприятная, в ней наблюдается повышенная тревожность, неспособность к общению и др. изменения (Lassen, 1973, с. 226-232; Baxter, Rozelle, 1970), т.е. внешне строго фиксированная ситуация в большой мере противодействует эффективному общению.

Регуляция контакта в диадическом общении дает сравнительно узкий диапазон возможностей выбора, гораздо существеннее в том смысле является другое исследуемое в психологии среды

явление — персонaлизация территории или территориальность. В регуляции контакта при диадическом общении человек действует в основном бессознательно, он не осознает выбора дистанции, изменения ориентации и т.д. Формы регуляции здесь также нефиксированные, дистанция "появляется" и "исчезает" вместе с началом и окончанием процесса общения. Персонализация территории же представляет собой явление, когда человек сознательно фиксирует какое-то пространство, определяет нормы поведения на нем и контролирует происходящее там. Altman определяет территориальность следующим образом: территориальность является механизмом регуляции границ между Я/другие, включающим персонализацию и обозначение определенного места или объекта и уведомление о "владении" им отдельным индивидом или группой. Персонализация и владение имеют целью регулировать социальную интеракцию и удовлетворение различных социальных и физических потребностей. Нарушение другими границ персонализированной территории может вызвать защитные реакции со стороны владельца" (1975, с. 107).

Персонализированную территорию можно описать следующими четырьмя параметрами (Heidmets, 1977, с. 76-77):

- пространственная организация территории (физическая отделенность от остальной среды);
- социальная организация территории (социальная отделенность территории);
- контроль над территорией (субъект/владелец/ территории имеет возможность контролировать как территорию в физическом смысле, так и происходящие там взаимоотношения);
- идентификация с территорией (специфическое эмоциональное отношение субъекта территории к данному месту, восприятие его как части самого себя).

Отдельные типы персонализированных территорий различаются по степени физической и социальной отделенности, степени контроля и идентификации. Для нас более важен параметр контроля. Контролируя данное место человек обеспечивает этим

себе. возможность выбора контактов с другими (когда, как и с кем быть в контакте или "вне контакта"). В такой регулятивной деятельности и можно видеть психологическую сущность явления персонализации территории.

Некоторые исследователи пытались вскрыть функции персонализированной территории путем сравнения поведения и взаимоотношений человека в ситуации с выраженной персонализированной территорией и в ситуации с ее неналичием. DeLong (1968) наблюдал за взаимоотношениями жителей одного американского дома для престарелых при двух ситуациях - в условиях когда старики жили по несколько человек в одной комнате и в условиях (после перестроек) когда те же самые люди получили собственную комнату. Т.е. сначала они были в принужденной ситуации с точки зрения контактов, после преобразований же появилась возможность выбора (или отдельно "у себя", или "вместе с другими" в помещениях для общего пользования). По наблюдениям автора, после реорганизации значительно увеличилось взаимное общение, уменьшилась агрессивная деятельность в отношении друг друга, чаще стали появляться коллективные виды деятельности. DeLong (1968, с. 23-24). Аналогичные данные получены и в исследовании явлений персонализации в жилой ячейке. Оказалось, что если пространство квартиры "разделено" по членам семьи (развиты "персональные зоны"), взаимоотношения в семье были оценены как более положительные, частота коллективной деятельности была выше, чем при отсутствии "персональных зон". В условиях нефиксированности персональных территорий взаимоотношения были чаще отрицательными и больше предпочиталась индивидуальная деятельность (Heidmets, 1977, с. 79-83).

Приведенные результаты указывают на то, что с точки зрения межличностных контактов возможность выбора существенно влияет на содержание этих контактов. Чем принужденнее ситуация с этой точки зрения, тем чаще имеют место отрицательные взаимоотношения или избегание общения. Подобные результаты предлагаются и исследованиями крайних случаев контакта, когда интенсивность контактов значительно выше "нормы"

(условия т.н. перенаселенности¹ - англ. "crowding") и условия с изоляцией (интенсивность контактов ниже нормы). Показано, что принужденная "переконтактность" негативно действует на психическое состояние человека (Stokols, 1972, 1974). Определенное негативное влияние имеют также и условия изоляции (Гуровский, 1966). С точки зрения нашей постановки проблемы обе ситуации представляют внешне заданные, принужденные условия контакта. Можно полагать, что при таких ситуациях нарушаемое негативное влияние является результатом как самих этих условий, так и ощущенной принужденности ситуации. Об этом свидетельствуют вышерассмотренные исследования, где важным оказалось именно наличие возможности уединиться (наличие персональной территории), в реальности же эта возможность не так уже часто использовалась (преобладала более совместная и коллективная деятельность). Таким образом можно сказать, что по меньшей мере с точки зрения социальных контактов наличие возможности самому контролировать, определить ситуацию значительно благоприятствует самим этим контактам. Возможно, что такая зависимость действительно и в отношении других сфер человеческой деятельности, но для подтверждения этого пока отсутствует эмпирический материал.

4. Заключение

С точки зрения нашей шкалы контроля (А-Г) можно сказать следующее: имеются некоторые данные, свидетельствующие о том, что если условия среды строго фиксированы и деятельность человека внешне определена (наклон от "нормы" в сторону ситуации Г), то такая ситуация может не благоприятствовать как эффективной деятельности, так и состоянию человека. Более продуктивными оказываются условия с определенным внутренним контролем человека над средой (хоть с субъективным ощущением возможности контроля). Хотя можно предполагать, что крайность и в эту сторону (ситуация А) нельзя считать идеалом ввиду полной внешней неопределенности ситуации. Вопрос, таким образом, в создании условий с оптимальным соотно-

шением внешнего и внутреннего контроля для различных видов деятельности.

Таким образом, проблема контроля более существенна при крайних "состояниях" (А или Г) этого параметра. Наглядный пример максимального отсутствия контроля над объективной средой можно наблюдать в условиях тюрьмы. Sommer (1974) исследовал адаптацию человека к условиям тюрьмы именно с точки зрения влияния внешней организованности его деятельности здесь. Основным симптомом у человека, долгое время живущего в таких условиях, является, по его мнению, т.н. деиндивидуализация. Это означает сильно уменьшенную способность к самостоятельному мышлению и действиям, неспособность принимать самостоятельные решения и вообще проявлять активность (Sommer, 1974, с. 28-29). Человек приспособляется действовать только по внешним указаниям, по внешнему контролю, к самостоятельной активности он уже не способен. Таким образом, проблемы регуляции контроля и организованности среды имеют определенное значение и с точки зрения процесса воспитания, с точки зрения создания условий для развития активности человека.

Литература

- Гуровский Н.Н., 1966. Специальная подготовка космонавтов. "Космическая биология и медицина". М., "Наука".
- Altman, I., 1975. The Environment and Social Behavior. Privacy Personal Space. Territory. Crowding. Brooks/Cole Publishing Company, Calif.
- Argyle, M., Dean, J., 1965. Eye contact distance and affiliation "Sociometry", 28, pp. 289-304.
- Baxter, J.C., Rozelle, R.M., 1970. Nonverbal expression as a function of crowding during a simulated police-citizen encounter. Unpublished manuscript.
- DeLong, A., 1968. The Administrator and the Environmental Language of the Older Person. "Directions" '68 AAHA Report No 6". The American Association of Homes for the Aging. N.Y.

- Duke, M.P., Mullens, M.C., 1973. Preferred interpersonal distance as a function of locus of control orientation in chronic schizophrenics, non-schizophrenic patients and normals. "Journal of Consulting and Clinical Psychology", 41, 2, 230-235.
- Duke, M.P., Fenhagen, E., 1974. Self-parental alienation and locus of control in delinquent girls. Journal of Genetic Psychology.
- Glass, D., Singer, J., 1973. Experimental Studies of Incontrollable and Unpredictable Noise. "Representative research in social psychology", vol. 4, No 1, pp. 165-183.
- Heidmets, M., 1977. Spatial regulation of human interaction : some current problems. "Acta et commentationes Universitatis Tartuensis". 429. Труды по психологии, IV. Tartu, 72-84.
- Ittelson, W., Proshansky, H., Rivlin, L., Winkel, A., 1974. An Introduction to Environmental Psychology. New York. Holt, Rinehart and Winston.
- Lassen, C., 1973. Effect of proximity on anxiety and communication in the initial psychiatric interview. "Journal of Abnormal Psychology", 81, 3, 226-232.
- Maier, S.F. Helplessness: current animal studies. Paper presented at APA Meeting, 1972.
- McCullough, T.L., Bruner, J.S., 1939. The effect of electric shock upon subsequent learning in the rat. Journal of Psychology", 7, 333-336.
- Proshansky, H., Ittelson, W., Rivlin, L., 1970. Freedom of Choice and Behavior in a Physical Setting. In: Proshansky, H., Ittelson, W., Rivlin, L. (eds.). Environmental Psychology. Holt, Rinehart and Winston, Inc., N.Y.
- Rotter, I.B., 1966. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. "Psychological Monographs", 80, 1 (Whole No 609).

- Seligman, M., 1975. Helplessness: On depression, development and death. San Francisco: Freeman.
- Seligman, M., Maier, S.F., Solomon, R.L., 1971. Unpredictable and uncontrollable aversive events. In F.R. Brush (Ed.). Aversive Conditioning and Learning. N.Y., Academic Press, 347-400.
- Sommer, R., 1974. Tight Spaces Hard Architecture and how to Humanize it. Prentice-Hall, Inc. New Jersey.
- Stokols, D., 1972. A social-psychological model of human crowding phenomena. "AIP Journal". March, 1972, pp. 72-83.
- Stokols, D., 1974. The Experience of Crowding in Primary and Secondary Environments. The Eighty-Second Annual Convention of the American Psychological Association, New Orleans.
- Stokols, D. (ed.), 1977. Perspectives on Environment and Behavior. New York: Plenum Press.
- Watson, J.S. 1976. Depression and the perception of control in early childhood, Unpublished Manuscript.

СЕМЬЯ И КВАРТИРА В НОВОМ МИКРОРАЙОНЕ

Ю. Круусвадл, М.Хейдметс

I. Методика исследования

I.1. Состояние задачи

Решение жилищной проблемы в стране всегда считалось одной из основных задач развивающегося народного хозяйства советского государства. Растут новые города и микрорайоны, за последние пятилетки улучшились жилищные условия миллионов людей. С увеличением возможностей общества изменяется и содержание архитектуры. Наряду с задачей строить больше, все убедительнее ставится вопрос о приведении планировки и оборудования квартиры в соответствие с требованиями проживающих в них людей, учитывая социально-демографическую структуру и образ жизни семьи. Ведь жилище и домашний очаг — это для человека самая непосредственная, самая значимая среда. Изменения в жилищных условиях влияют на весь образ жизни людей, как на их поведение и взаимоотношения, так и на способность и желание трудиться. Немалую роль в нормальном функционировании жилой ячейки играет также планировка и оснащенность пунктами обслуживания микрорайонов новой застройки.

Решение проблем качественных изменений в жилищном строительстве не может происходить за 1-2 года, оно требует многолетних усилий представителей многих отраслей народного хозяйства, а также обоснованных научных исследований и тесного сотрудничества архитекторов-градостроителей с психологами и социологами. Реферируемая в данной статье работа, проведенная в Тартуском государственном университете по заказу ЦНИИЭП-жилища за 1974-1976 гг., является одной из первых попыток такого совместного подхода к проблемам жилища.

Одна из основных задач настоящего исследования состояла в выработке и апробации конкретной методики для выявления социально-демографических требований семей к архитектурно-планировочным параметрам квартиры жилых домов массового типового строительства. Подходя к решению этой задачи, исследовательская группа оказалась, с одной стороны, в трудном положении, поскольку как в отечественной, так и в зарубежной практике не имеется такого рода обширных исследований. С другой же стороны, способствовало делу то, что мы начинали работу над данной темой не с "пустого места", а имея много-сторонний опыт изучения жизнедеятельности семьи в жилой ячейке.

Имеется в виду проведенное по заказу ВНИИТЭ с 1970 по 1974 гг. исследование "Ваш дом" которое охватывало примерно 2000 семей, выбранных репрезентативно по 10 типам поселений и живущим в весьма разнообразных квартирных условиях. Текст интервью "Ваш дом" включал более 1600 отдельных признаков жизнедеятельности семьи как дома, так и во внедомашней сфере. В результате исследования было выведено 8 типов образа жизни, которые характеризовались, с одной стороны, их требованиями к предметно-пространственной среде и, с другой, - их социально-демографическом составом и региональным расположением *.

Если в исследовании "Ваш дом" рассматривалось в основном функциональное использование в квартире предметов дол-

* см. Лауристин М., Круусвалл Ю., Райтвийр Т. Региональное социологическое исследование образа жизни (опыт социологов Тартуского университета). - Планирование социального развития городов. Сб. ИСИ АН СССР и ССА, вып. 2, Москва, 1975; Круусвалл Ю., Лауристин М., Райтвийр Т. Социогеографическое исследование образа жизни (на примере выборочного обследования Эст. ССР). - Экономическая география. Материалы VI съезда географического общества СССР, Ленинград, 1975.

говременного потребления, то в настоящем исследовании уклон был сделан именно на реальную и желаемую пространственную локализацию процессов жизнедеятельности как в квартире, так и в сфере обслуживания.

1.2. Принципы выборки

Одна из основных предпосылок исследования заключалась в гипотезе о существовании разных типов жизнедеятельности и соответственно разных требований к жилищу в зависимости от разнообразных условий жилой среды и социокультурных особенностей. Исходя из этого исследование было проведено в четырех городах: 2 города – Москва и Псков – из РСФСР и 2 города – Таллин и Тарту – из ЭССР. Москва и Таллин – столичные города, но с разной численностью населения. Москва – полицентровый город с развитыми со стороны обслуживания микрорайонами, находящимися относительно далеко от основного центра города. Таллин – одноцентровый город с недоразвитыми новыми микрорайонами. Псков и Тарту – города примерно одинаковой величины, а также одинаковым характером экономико-промышленного развития (нет особенно крупных заводов и т.д.), различающиеся в основном по социокультурным признакам. В каждом городе опрос проводился в новых микрорайонах (Химки-Ховрино, Дегунино; Запсковье, Завеличье; Ниймяэ, Мустамяэ, Лиллекюла; Анне, Аардла). Дома выбирались застройки последних лет (позже 1967 г.) с числом квартир более 20.

Непосредственная выборка обследуемых семей осуществлялась по двум критериям: по числу комнат в квартире и по типу семей с попыткой учитывать реальную долю их в жилищном фонде и среди населения. Квартиры выбирались от однокомнатных до четырехкомнатных. Критерием выборки семей служили число, пол и возраст детей, а также наличие пожилых членов семьи. По числу детей семьи подразделялись на бездетных (супружеская пара), семьи с одним ребенком и семьи с 2-3 детьми. Последние в свою очередь подразделялись на семьи с однополными и с разнополными детьми. Границей возраста детей считалось 7 лет: семьи пытались выбирать с детьми до 7 лет

или с детьми свыше 7 лет. Примерно 20% семей выбирались (пропорционально по всем типам за исключением бездетных) с наличием пожилого члена (бабушки, дедушки). Число членов семьи таким образом колебалось от 2 до 6 человек.

Целенаправленную выборку семей мы пытались осуществить таким образом, чтобы пропорционально были бы представлены все реальные комбинации разных квартир и типов семей. Под влиянием зондажного характера исследования, а также конкретных условий заселения семей (во Пскове, например, не оказалось в нужном количестве подходящих 4-комнатных квартир) реально опрошенных семей оказалось 637, которые распределились по городам следующим образом:

Город	Опрошенные семьи	
	Число	%
Москва	164	25,8
Таллин	161	25,3
Псков	147	23,1
Тарту	162	25,4
0-группа	3	0,4
Всего	637	100

Общее распределение исследуемых семей по модели выборки приведено в приложенной таблице. Больше в выборке доля 2- и 3-комнатных квартир (соответственно 270 и 222), а также семей с 2-3 детьми - 384. (см. рис. I).

Сводным показателем, сопоставляющим число комнат в квартире и число членов семьи является т.н. формула рассеивания (например она равняется "n", если число комнат равно числу членов, "n-1" - если комнат на одну меньше, чем членов семьи и т.д.). По этой формуле исследуемые семьи распределились так: n = 79, n-1 = 263, n-2 = 248 и n-3=44 семей.

Семья Квартира	Без детей	I ребенок		2 детей и больше				
		моло- же 7 лет	отарше 7 лет	моложе 7 лет		старше 7 лет	разного пола	
				одного пола	разного пола			
Однокомнатная	53	23	7	-	-	-	-	83
Двухкомнатная	-	50	50	46	47	40	37	270
Трехкомнатная	-	33	37	31	36	42	43	222
Четырехкомнатная	-	-	-	13	17	12	20	62
Всего	53	106	94	90	100	94	100	637

Рис. I. Общее распределение исследуемой совокупности по модели выборов

С Е М Ь Я

Семейная структура жилого фонда			
число членов семьи	характер заселения семьи в квартире	поло-возраст- ные группы семьи	<u>тип</u> <u>семьи</u>
семьи из 2, 3, 4, 5, 6	<ul style="list-style-type: none"> - формула заселения (п,п-1,п-2) - жилая и общая площадь на 1 чел. 	<ul style="list-style-type: none"> - взрослые (супружеская пара) - дети (число, пол, возраст) - пожилой член семьи 	<ul style="list-style-type: none"> - бездетные - с 1 ребенком - с 2-3 детьми - с пожилым членом (и разным составом других членов)

Реальная частота заселения разных типов семей
в различные типы квартир

I, 2, 3, 4 комнатные квартиры	общая и жилая площадь квартиры	<ul style="list-style-type: none"> - кухня - подсобные помещения - I, 2, 3, 4 комната 	<ul style="list-style-type: none"> - взаимное расположе- ние по- мещений - проходная или не- проходная I комната
<u>число</u> <u>комнат в</u> <u>квартире</u>	типы квартир по величине общей и жилой площади	типы квар- тир по площади отдельных помещений	планиро- вочный тип квартиры
Структура нового жилого фонда			

К В А Р Т И Р А

Рис. 2. Факторы, детерминирующие жизнедеятельность семьи в квартире. Исходный материал для выборки семей.

По национальному составу опрошено было 52% русских, 39% эстонцев и 9% других национальностей. Основные возрастные группы отца в семье оказались следующими: 21-30 лет = 21%, 31-40 лет = 52%, 41-50 лет = 21%. По образованию 5-8 классов имели 18%, 9-11 классов 25%, среднее специальное образование 31%, высшее или незаконченное высшее образование 24% из мужей в опрошенных семьях. 33% из них были рабочими, 31% - специалистами, 17% на руководящем посту, 16% - служащими-исполнителями. В 54% семей муж работал в сфере производства.

Эти данные позволяют предположить, что среди обследованных семей представлены весьма разные социальные группы нашего общества и что их мнения отражают все основные проблемы, связанные с проживанием в квартирах массового типового жилищного строительства.

1.3. Содержание интервью "Семья и квартира"

Вторым залогом успеха исследования наряду с целенаправленной выборкой респондентов следует считать системно и комплексно построенную методику опроса. Исходя из этих принципов нами был выработан текст интервью под названием "Семья и квартира" (Тарту, 1975). Рассмотрению подлежат в нем девять основных процессов жизнедеятельности семьи, которые подразделены на отдельные виды деятельности дома и вне дома. Перечень их приводится на рис. 3. В нижней части рисунка расположены "материальные" виды деятельности членов семьи, в верхней части - "культурные" виды (воспитание детей, общение, активное и пассивное потребление культуры).

Выработанная нами система показателей связывает жизнедеятельность семьи как с наличием и локализацией сферы обслуживания, так и с использованием планировки квартиры дома.

Эти параметры мы пытались составить инвариантными по отношению к конкретной деятельности, независимыми от содержания вида деятельности, чтобы описать разные виды деятельности одной же системой показателей и тем самым создать

В Н Е Д О М А

Воспитание детей		
- детсад - ясли	- школа	- дополнительное обучение
- игры детей	- учеба детей	- занятия с родите- лями

Общение	Культура	
	активная	пассивная
- ресторан, кафе - клуб, дом культуры - в госпиталях	- библиотека - клубный кружок - спортзал, площадка	- кино - театр - выстав- ки, жек- ции - спорт- зрелище
- приход гостей - праздничный стол	- чтение - умств. труд, учеба - увлечения, самодетельн. - физкультура	- ТВ - радио - магнитофон, проигрыватель

Д О М А

- совет членов семьи	- завтрак - обед - ужин - приготовление пищи	- туалет - мытье - стирка белья
-	- столовые, кафе, буфеты - продовольственные магазины	- баня, душевые - пункты стирки белья
Совет	Питание	Гигиена

- шитье, вязание - починка, ремесло	- профессиональный труд дома
- одежда - обувь - бытовые приборы - телевизоры, приемники - мебель	- место работы членов семьи
Починка предметов	Профессиональный труд

В Н Е Д О М А

Рис.3. Процессы и виды деятельности членов семьи дома и вне дома

более достоверную основу для сравнения основных процессов жизнедеятельности семьи, а также выбранных групп семей между собой.

Использованные в настоящем исследовании признаки можно подразделить на две группы на двух основаниях:

- факторы, влияющие на жизнедеятельность семьи:

1) пространственно-временные;

2) социально-психологические;

- организация вида деятельности:

1) реальная (существующая);

2) предпочитаемая.

Пространственные факторы изучаются как в домашней, так и во внедомашней сфере, социальные факторы только дома как характер взаимоотношений членов семьи. Перечень всех основных признаков изображен на рисунках 4 и 5.

Подходящие возможности обслуживания вне дома и архитектурный тип квартиры дома рассматривались как общие детерминирующие жизнедеятельность факторы. В основу выборки было положено число комнат. Площадь квартиры и помещений уточнялись по типовым проектам домов и по данным бюро инвентаризации жилфонда. Планировка квартиры была нарисована интервьюером по ходу опроса, а уточнялась и группировалась по данным типовых проектов массового строительства.

Локализация вида деятельности вне дома измерялась двумя шкалами пространственной удаленности, позволяющими оценить ее как по отношению к планировке города, так и к ежедневным "маршрутам" передвижения членов семьи. (рис. 4).

Фиксация локализации видов деятельности в квартире осуществлялась путем нанесения местонахождения их на план квартиры специальными знаками. Набор видов деятельности и предметов в помещении (комнате) позволяет определить действительное ее использование и "конструировать" действительные функции помещений в квартире. Этот подход позволяет также оценить степень полифункциональности использования квартиры и соответствие организации жизнедеятельности и функциональной планировке квартиры.

Локализация вида деятельности			
реальная		предпочитаемая	
- вне города	- в городе	- вне города	- в городе
- в городе	- на работе или по- близости	- в городе	- на работе или по- близости
- в микрорайоне	- по дороге на работу	- в микро- районе	- по дороге на работу
- поблизости от дома		- побли- зости от дома	- по дороге на работу
		- д о м а	
локализация зоны вида деятельности в квартире по помещениям		желаемая локализация вида деятельности	
		- на кухне	
		- в общей комнате	
		- в отдельной (специальной) комнате	
		желаемые специальные подсобные помещения	

Частота выполнения вида деятельности вне дома	
- ежедневно	Число внедомашних видов деятель- ности семьи
- 2-3 раза в неделю	
- 1 раз в неделю	
- 1-2 раза в месяц	
- реже	
- никогда	

Рис. 4. Пространственно-временные параметры и индексы исследования

Форма деятельности семьи "вместе" — "отдельно"		
реальное поведение семьи	предпочи- таемое поведение	предпо- читае- мый со- став семьи
- всей семьей	- больше вместе	- вместе с по- жилыми или от- дельно от них
- по груп- пам	- больше от- дельно	- вместе со взрос- лыми детьми или от- дельно от них
- каждый отдель- но		

Предпочитаемый план квартиры		
число комнат на дан- ной пло- щади	плани- ровка квар- тиры	специаль- ные по- мещения
- боль- ше ма- лень- ких ком- нат	- про- ходи- мость ком- нат -взаим- ное рас- поло- жение поме- щений	- число желае- мых специ- альных комнат (толь- ко для одного вида дея- тель- ности)
- не- сколь- ко боль- ших ком- нат		

Д О М А

- взрос- лые	- часто	виды дея- тель- нос- ти
- дети	- ино- гда	
- пожи- лые	- ни- когда	
взаимные отноше- ния воз- растных групп	частота препят- ствий со сто- роны других членов	виды пре- пятст- вующей дея- тель- ности
Отношения между членами семьи		

- своя комна- та	- другие не ис- поль- зуют	- своя комна- та для каждо- го чле- на
- своя зона в ком- нате	- иногда другие	
- нет зоны	- по- стоянно исполь- зуют другие	- комна- та для группы - зона в общей комна- те
харак- тер зо- ны чле- нов семьи	степень индиви- дуаль- ности	пред- почи- таемая инди- виду- аль- ность комнат
Индивидуализация зон в квартире		

Рис. 5. Социально-психологические параметры и индексы исследования.

Для оценки интенсивности реального использования возможностей в сфере обслуживания использовалась шкала частоты выполнения вида деятельности вне дома. В домашней сфере интенсивность деятельности не измерялась, поскольку уже наличие вида деятельности характеризует использование данного помещения. В дальнейшем представляется все же необходимым изучить и одновременность-очередность видов деятельности внутри помещения.

Построение шкал предпочитаемой локализации деятельности вне дома аналогично шкалам удаленности реальной локализации обслуживания. Добавляется только вариант I - "дома". Эта аналогия в построении способствует сопоставлению реальной и предпочитаемой деятельности семьи во внедомашней сфере.

Предпочитаемая локализация вида деятельности в квартире измерялась в сопоставлении специальной (для данного вида деятельности) и общей (жилой) комнат между собой. По каждому процессу жизнедеятельности выяснялась и достаточность пространства в квартире для его проведения. Чувство недостатка пространства может исходить как из объективных квартирных условий данной семьи, так и из организации жизнедеятельности или из межличностных отношений в семье. Кроме этих отдельных вопросов, в конце интервью задавался и общий проективный вопрос об использовании дополнительной комнаты, если бы она была. Ответы на этот вопрос позволяют выявить те процессы жизнедеятельности семьи, которые, в первую очередь, требуют расширения пространства или отделения от других видов деятельности.

Перейдем к рассмотрению второй группы стандартных признаков, характеризующих социальные факторы пространственной организации жизнедеятельности семьи в квартире (см. рис. 5).

Детерминирующими факторами со стороны семьи являются: число членов, наличие разных возрастных групп, социально-профессиональный статус семьи, культурные особенности поведения. Детерминирующей оказывается и формула расселения семьи в квартиру.

На характер использования квартиры могут влиять сложившийся способ выполнения видов деятельности (вместе или отдельно), степень индивидуализации зон деятельности в квартире, межличностные отношения в семье, и в общих ценностных ориентациях по отношению к составу семьи.

Частота выполнения видов деятельности всей семьей, по группам или отдельно характеризует сложившийся в семье способ проведения основных процессов жизнедеятельности, который складывается под влиянием обычаев и традиций данной культуры социально-демографического состава и межличностных отношений в семье. Желание выполнять данный вид деятельности "больше вместе" или "отдельно" показывает тенденцию развития, а также содержит в себе оценку существующего положения.

В специальном разделе интервью рассматривается характер индивидуальных зон и частота использования их другими членами семьи, а также предпочтения в этой области. Выделение индивидуальных зон в квартире может рассматриваться как тенденция к отделенности членов семьи друг от друга. Тенденция к уединению членов семьи может быть связанной с конфликтом между членами семьи.

Частота препятствий со стороны других членов семьи отражает: 1) характер межличностных отношений в семье, 2) характер отношений между разными возрастными группами, 3) недостатки в пространственной или временной организации деятельности, 4) недостатки величины или планировки квартиры. Более общая ориентация взрослых членов на состав их семьи содержится в желании жить в одной квартире с пожилыми и (в будущем) со своими взрослыми детьми, а также в чувстве "мешаемости" взрослых со стороны пожилых и детей. Наличие аналогичных ориентаций по отношению к взрослым выявляется в дополнительном опросе старшего ребенка и пожилых членов.

Влияние социальных факторов жизнедеятельности семьи отражается не только в ориентациях по отношению к составу семьи, но и к планировке квартиры. Последние могут выступать в желании иметь при этой же площади в квартире не-

сколько маленьких или 1-2 больших комнат, иметь больше или меньше специальных комнат (кабинеты, мастерские), иметь непроходные и звукопроницаемые комнаты и т.д.

Текст интервью "Семья и квартира" содержит всего 174 вопроса, которые подразделяются на 680 отдельных признаков (вместе со сводными индекс-признаками их число возрастает до 750). Он состоит из нескольких подблоков вопросов по основным процессам жизнедеятельности, каждый из которых (сперва разделенный на отдельные виды деятельности) "пропускается" через стандартный набор признаков. Стандартные вопросы в разделах интервью имеют и одинаковый порядок. Блок начинается с вопроса о подходящих возможностях обслуживания вне дома. Затем фиксируется реальная частота использования сферы обслуживания и предпочтения в локализации учреждений обслуживания. Далее следует переход уже в квартиру: на план наносится локализация видов деятельности и выясняется достаточно ли в квартире места для данного вида деятельности, а также, в каком помещении наиболее удобное расположение зон деятельности. Затем отмечается частота проведения деятельности всей семьей вместе или отдельно и предпочтения в этом отношении. Далее фиксируется частота "мешаемости" в выполнении данного вида деятельности со стороны других членов семьи, перечисляются также и конкретные "препятствующие" виды деятельности.

Каждый из блоков вопросов по основным процессам заканчивался общим вопросом (с ответами в свободной форме) о наиболее важных проблемах данной области жизнедеятельности семьи в квартире, в решении которых должны были бы участвовать архитекторы.

Как уже было отмечено, для старшего ребенка (свыше 7 лет) и одного из пожилых членов семьи были предназначены дополнительные вопросы (в форме приложения к интервью) с целью сравнить высказывания взрослых (которые отвечали на вопросы основного интервью) с мнением двух основных "подгрупп" семьи - детей и пожилых. Вопросники, предназначенные для этой цели, повторяют общее построение основного интервью,

создавая тем самым основу для сравнения. Рассматриваются только предпочтения старшего ребенка и пожилых, считая, что реальное положение в их жизнедеятельности достаточно достоверно фиксируется и по ходу основного интервью.

В качестве приложения к каждому интервью приложен перфорированный бланк для нанесения плана квартиры и (по ходу опроса) локализации видов деятельности и основных предметов в квартире.

В заключение следует отметить, что составление методики интервью "Семья и квартира" производилось путем согласования представителями заказчика (ЦНИИЭП жилища), учитывались некоторые специальные задания их. Такой совместный подход, несомненно, принес пользу не только при составлении текста интервью, но и при проведении всего исследования в целом.

1.4. Сбор и принципы обработки данных

Сбор эмпирического материала исследования "Семья и квартира" проводился с сентября 1975 по январь 1976 гг. В качестве интервьюеров работали 52 студента Тартуского государственного университета, — в основном студенты отделения психологии, а также медики и экономисты. Большинство из них имело опыт проведения опроса для социологического исследования, они проходили и специальную подготовку и обучение. В начале текста интервью также приведена пометка для интервьюера о правилах обращения к респонденту, проведении интервью и записи ответов.

Приходя в намеченную квартиру, каждый из интервьюеров должен был представиться, предъявить свое удостоверение интервьюера, и, в случае согласия респондента на беседу, ознакомить его с целями и задачами проводимого исследования. Основная часть интервью проводилась с одним из взрослых членов семьи — с мужем или женой, либо с обоими вместе. С их помощью интервьюер заполнял план квартиры. Если в семье имелись дети старше 7 лет или пожилой член, то со старшим из

детей или пожилым проводили дополнительное интервью. Заполненные интервью подвергали кодированию, которое осуществлялось на основании соответствующей письменной инструкции. Кодированные анкеты проверяли и кодировочные листы направляли на перфорирующие в ВЦ, где осуществлялась и математическая обработка материалов. После окончания сбора эмпирического материала каждый интервьюер заполнял специальный опросник, указывая свое мнение о методике и исследуемых проблемах. Обработка данных и применение при этом ЭВМ является одним из ответственных этапов исследования. Наряду с необходимостью проведения статистических операций с объемистой матрицей исходных данных (в настоящем исследовании она имеет примерно 750х650 позиций) в процессе обработки осуществляется как бы синтез аналитически расчлененного на отдельные параметры (во время составления методики интервью) и отдельных ответов (по ходу опроса) объекта исследования — жизнедеятельности семьи. Такой синтез проводится, с одной стороны, путем составления на основе исходного материала более общих сводных признаков и синдромов жизнедеятельности, и, с другой стороны, путем объединения опрошенных семей в разные типовые совокупности на основе как формальных критериев (по городам, типам квартиры, типам семьи, формуле расселения и т.д.), так и по содержательным параметрам данного исследования. На каждом этапе социологического синтеза производится и анализ многочисленных взаимосвязей разных признаков и типологий. Конечной целью такого аналитически-синтетического подхода является выявление сводной типологической характеристики реальной и предпочитаемой жизнедеятельности семьи в конкретных архитектурно-планировочных условиях города и квартиры.

Осуществление сложной системы обработки невозможно без использования соответствующего опыта и без наличия сложной системы программ для ЭВМ. Исполнители данного исследования имели и то и другое. В вычислительном центре Эстонского радио имеется для ЭВМ типа "Раздан" уникальная система программ обработки анкетных данных, которой пользуются в настоящее время не только почти все группы социологов республи-

ки, но и многие исследователи Москвы, Ленинграда и других городов. Кроме содержательных преимуществ наличие такого комплекта универсальных стандартных программ позволяет значительно снизить и стоимость процесса обработки и провести ее (в зависимости от общей загруженности ВЦ) в сравнительно короткий период времени.

Система обработки может быть сколько угодно сложной, но ничего большего, чем заложено в методику опроса (в текст интервью) она, естественно, выявить не может. Иными словами: сложная обработка требует и соответствующего сбора первичного материала. Многие принципы построения методики интервью "Семья и квартира" (напр., стандартизация шкал однотипных вопросов, номера признаков в тексте и т.д.), а также выборка респондентов, исходили именно из намечающейся обработки, создавая предпосылки для успешного осуществления последней.

По ходу обработки, на каждом ее этапе получаются как бы два выхода: содержательно-практический выход (некоторое новое знание об объекте исследования) и методический выход, касающийся эффективности использования данного параметра, метода или приема исследования. В связи с методически поисковым характером настоящего исследования и такого рода "побочные" методические выводы приобретают важное значение. Далее в форме таблицы приводится последовательность основных рабочих процедур обработки первичного материала с указанием на возможные методические и практические выходы на каждом этапе.

В процессе кодирования осуществляется уже первичная экспертная оценка качества опроса по отдельным признакам. Некоторые ошибки возможно исправлять, некоторые интервью выбраковываются.

Перфорирование данных с кодировочных таблиц производится в ВЦ, сотрудниками центра.

Рабочие процедуры обработки первич- ного материала	Методический выход	Практический выход
<hr/>		
1. Выборочный анализ ответов на открытые вопросы:	Формирование шкал наименований :	Основные группы препятствующих факторов и
а) о видах деятельности, препятствующих данной деятельности в квартире;	а) препятствующих факторов,	
б) об архитектурно-планировочных предложениях, для разрешения проблем, связанных с данной деятельностью,	б) архитектурно-планировочных предложений по процессам деятельности (питание, гигиена и т.д.).	архитектурно-планировочных предложений.
<hr/>		
2. Кодирование первичных данных опроса по шкале отдельных признаков. Перфорирование данных для обработки на ЭВМ.	Первичная экспертная оценка качества опроса по отдельным признакам. Оценка достоверности данных опроса.	Достоверность первичного материала
<hr/>		
3. Общее распределение отвечающих по шкале признаков каждого вопроса.	Способность признака распределять опрошенных по шкале (дисперсия).	Единичные архитектурно-планировочные, демографические, социальные, по процессам и т.д. признаки
<hr/>		

<p>4. Сравнение между собой и упорядочение признаков по средним значениям или по распределению (процентровке).</p>	<p>Способность признака различать виды деятельности по распределению.</p>	<p>Сравнение видов деятельности семьи по отдельным признакам.</p>
<p>5. Общее распределение групп отвечающих по признакам: группы: <u>по городам</u>; по микрорайонам, по типу квартир, <u>по типу семьи</u>, по формуле "п", по различным характеристикам <u>квартиры и семьи</u></p>	<p>Способность признака различать группы отвечающих (города, типы домов и т.д.)</p>	<p>Сравнение разных групп отвечающих по отдельным признакам.</p>
<p>6. Корреляционный анализ тесноты связей между разными параметрами по процессам деятельности (питание, гигиена и т.д.): - по всей совокупности опрошенных, - по группам (п.5).</p>	<p>Выделение не связанных и тесно связанных (взаимозаменяемых) групп признаков. Способность линейной корреляции различать группы отвечающих (города, и т.д.)</p>	<p>Синдромы (факторы) признаков, характеризующие процесс деятельности или различающие группы отвечающих. Изложение пути связи с помощью графа.</p>

7. Дополнительный, подробный анализ отдельных связей, а также связей между признаками с неупорядоченной шкалой с помощью двумерного распределения отвечающих.	Достоверность корреляционной связи	Конкретный характер связи
---	------------------------------------	---------------------------

8. Корреляционный анализ тесноты связей между видами деятельности по отдельным признакам (напр., "дома" - "вне дома" и т.п.): - по всей совокупности, - по группам (п.5).	Способность признака линейно связывать разные виды деятельности	Сходные виды деятельности по данному признаку, различия в сходности по группам отвечающих
---	---	---

9. Составление сводных признаков (индексирование) на основе анализа п.8. Общее распределение сводных признаков по группам отвечающих	Способность сводных признаков различать группы отвечающих (по городам, по типу квартир и т.д.).	Оценка характера жизнедеятельности семьи. Общие признаки жизнедеятельности.
--	---	---

10. Корреляционный анализ тесноты связей между основными процессами жизнедеятельности по сводным параметрам исследования.	Способность сводных признаков связывать процессы жизнедеятельности. Выход на факторный анализ групп признаков	Взаимосвязь между процессами по различным сводным параметрам жизнедеятельности.
---	---	---

II. Типологизация семей на основе различных наборов сводных признаков ("дома" - "вне дома", "вместе" - "отдельно", и т.д.)	Опыт использования методики автоматической классификации на ЭВМ.	Типы семей по различным стандартным параметрам жизнедеятельности ("дома" - "вне дома" и т.д.).
I2. Анализ типов семей, их социально-демографического состава и распределения по другим признакам.	Способность параметра жизнедеятельности различать типы семей.	Параметры жизнедеятельности, различающие типы семей.
I3. Типологизация помещений по локализации в них процессов деятельности и расположению оборудования.	Опыт использования методики типологизации.	Типы помещений в квартире по их реальному использованию
I4. Анализ наличия отдельных типов помещений по группам отвечающих (п. 5; п. 9).	Способность типологизации помещений различать группы отвечающих.	Оценка характера жизнедеятельности семьи по использованию данной квартиры.
I5. Типологизация семей по локализации деятельности и расположению оборудования в квартире.	Опыт использования методики классификации.	Типы семей по реальному использованию квартиры.
I6. Анализ типов семей по пространственному использованию квартиры.	Способность видов деятельности по их локализации различать типы семей	Параметры пространственной локализации, различающие типы семей.

17. Сводная характеристика опрошенных по основным пригодным признакам. Содержательная типологизация отвечающих по характеру жизнедеятельности.	Пригодность формальных критериев типологизации (города, тип квартиры, форма "д" и т.д.) к различению характера жизнедеятельности семьи в квартире.	Основные архитектурно-планировочные выходы, на основе жизнедеятельности различных семей в данной квартире.
--	--	--

Первичным результатом обработки является одномерное распределение респондентов по шкалам всех признаков опроса. Оно выдается из ЭВМ как в абсолютных цифрах (число опрошиваемых), так и в процентах от общего числа, или от числа определенной подгруппы (по городу, микрорайону, типу квартиры и т.д.) опрошиваемых. Вместе с распределением выдается и среднее арифметическое значение по шкале признака, статистические границы достоверности ее и дисперсия. Все эти показатели позволяют уже весьма содержательно провести сравнение как между разными однотипными признаками, так и между разными группами респондентов по одному признаку.

На следующем этапе обработки проводится корреляционный анализ линейных связей:

- а) между разными признаками, характеризующими один и тот же процесс жизнедеятельности;
- б) между разными видами деятельности по однотипным признакам.

Наряду с анализом корреляционных матриц, производится частично и подробный анализ взаимосвязей с помощью таблиц двумерного распределения.

На основе результатов корреляционного анализа и уже заложенной в тексте интервью стандартизации признаков в последующем переходят к составлению сводных признаков жизнедеятельности. Целью составления сводных признаков является:

1) уменьшение количества исходных признаков обследования;

2) обобщение собранного материала в более выразительные и удобные для анализа единицы.

Нами составлены два с методической точки зрения разных типа индексов:

1) Индекс перечисления — образуется в ЭВМ путем перечисления количества дачи определенного варианта из ответов данного респондента на разные вопросы (имеющие этот вариант ответа). Например, можно перечислить, сколько раз данный человек ответил на вопросы о частоте выполнения разных видов деятельности вне дома. Данные такого перечисления образуют шкалу нового признака-индекса, где баллом оказывается число определенных ответов. Если шкала такого признака оказывается слишком длинной (например, 25 возможных градаций), то она может быть сжата путем объединения результатов перечисления в классы (например, I-I0 ответов — I, II-20 ответов — 2 и т.д.) до удобного количества градаций — обычно в шести- или семибалльную шкалу.

2) Индекс суммирования — образуется на ЭВМ путем вычисления индивидуального среднего балла нескольких ответов данного респондента на разные вопросы по одинаковой шкале. Например, может составляться индекс средней частоты использования сферы обслуживания путем вычисления среднего балла из частот использования разных видов обслуживания, измеренных одной шкалой.

Всего мы составили 40 индексов перечисления и 53 индекса суммирования.

С помощью сводных признаков можно осуществить анализ на более обобщенном уровне. На основе индексов также намечается ряд типологизаций семей (второй этап обработки).

Типологизация помещений по использованию разных архитектурно-планировочных квартир осуществлялась вне ЭВМ, с помощью перфорированных планов квартир, выполненных в процессе интервью.

В заключение отметим, что как система обработки, так и ее возможности еще далеко не исчерпаны. До получения сводной типологии жизнедеятельности на следующем этапе обработки предстоит перепроверить множество путей анализа и синтеза первичного материала. В настоящей статье дается лишь первый разрез материала через некоторые уровни обработки. При переходе к изложению результатов исследования еще раз обратим внимание на целенаправленный (нерепрезентативный) характер выборки респондентов. Поэтому приведенные ниже распределения ответов по городам, по типам квартир и т.п. распространяются не на все семьи исследуемых городов, не на все семьи, проживающие в каком-либо типе квартиры. Они характеризуют лишь выявленные в пределах исследуемой совокупности тенденции, являющиеся по существу гипотетическими и требующими перепроверки в более обширных представительных исследованиях.

2. Соотношение деятельности семьи дома и во внедомашней сфере

2.1. Удаленность возможностей обслуживания от дома

Одной из основных задач исследования было выяснение динамики локализации деятельности семьи — соотношение "дома" как места деятельности и внедомашней сферы (т.е. сферы обслуживания). Во-первых мы пытались выяснить, как локализованы "подходящие" для членов данной семьи предприятия обслуживания (т.е. предприятия, которые они могут и желают посещать) в городе по отношению к месту жительства семьи.

Приведем пример по нескольким основным видам обслуживания с указанием доли семей (в процентах из всей совокупности опрошенных), которые имели в своем микрорайоне подходящее предприятие обслуживания :

продмагазин	- у 86%	семей
школа	- у 55%	"
приемный пункт прачечной	- у 52%	"
детсад	- у 51%	"
мастерская починки обуви	- у 50%	"
библиотека	- у 39%	"
мастерская починки одежды	- у 32%	"
ресторан, кафе	- у 26%	"
кино	- у 24%	"
баня	- у 9%	"
спортзал	- у 8%	"
клуб	- у 6%	"

По некоторым видам обслуживания рассматриваемые города различались весьма существенно.

Приведем некоторые примеры:

% семей, имеющих данное предприятие обслужива-
ния в микрорайоне в ...
... Москве ... Таллине ... Пскове ... Тарту

приемный пункт	90	I4	80	27
мастерская починки одежды	68	3	4I	I4
мастерская починки обуви	85	II	74	3I

Уже из этих примеров видно, что в Москве и Пскове обслуживание больше происходит в микрорайонах, чем в Тарту и Таллине. Об этом свидетельствовал и индексный анализ, при котором были учтены все рассматриваемые виды обслуживания по всем четырем локализациям. По индексу числа возможностей в микрорайоне города распределились следующим образом (по семибалльной шкале индекса) :

Москва - 5,38, Псков - 3,93, Тарту - 2,68, Таллин - 2,46 .
В то же время по возможностям "в городе" распределения было
таким (по шестибальной шкале индекса): Таллин - 4,1, Тар-
ту - 4,0, Москва - 3,8, Псков - 3,4.

Таким образом рассматриваемые города представляют как
бы два типа организации обслуживания - микрорайонный (сфе-
ра обслуживания развита недалеко от жилых районов, наилуч-
ший пример этого типа - Москва) и центровой (сфера обслужи-
вания сконцентрирована в городском центре, дальше от жилых
районов, пример этого типа - Таллин).

Далее рассматриваем использование сферы обслуживания в
разных городах.

2.2. Число и частота использования видов обслуживания

Реальное поведение в сфере обслуживания мы сперва харак-
теризуем двумя сводными показателями (индексами): общее число
используемых данной семьей видов обслуживания и средняя частот-
а их использования.

Разброс семей по числу используемых видов обслуживания
весьма значителен, если 8% семей использует до 3 видов об-
служивания, то 6% семей использует от II до 2I видов. Общие
данные таковы:

число исполь- зуемых видов обслуживания	0-3	4	5	6	7	8	9-10	II-2I
% семей	7,7	10,7	16,2	18,4	16,6	12,6	11,9	6,1

Рассматривая число используемых видов обслуживания по
отдельным городам, обнаружено, что в Таллине и Тарту оно вы-
ше чем во Пскове и Москве (средние баллы индекса числа видов
обслуживания соответственно 3,89; 3,49; 3,17; 3,06). Это
весьма своеобразный результат - можно было бы предполагать ,
что развитость сферы обслуживания вблизи дома сопровождается

большим их использованием, но в действительности это не так.

Оказалось, что частота использования сферы обслуживания находится в обратной зависимости с числом используемых видов обслуживания. В Таллине и Тарту частота относительно ниже, чем в Москве и Пскове (средние баллы индекса частоты соответственно 2,18; 2,18; 2,39; 2,42). Таким образом, в микрорайонном типе меньшее число используемых видов обслуживания сопровождается относительно большей частотой "пробывания в сфере обслуживания". В центровом же типе используется много видов обслуживания, но с более низкой частотой.

Наиболее "распространенные" виды обслуживания следующие:

ремонт обуви	- 94%	семей использует данный вид обслуживания
посещение кино	- 94%	- " -
посещение театров, концертов	- 86%	- " -
обеденное питание	- 81%	- " -
посещение ресторанов, кафе	- 66%	- " -
посещение бани	- 58%	- " -
посещение соревнований	- 45%	- " -
чтение в библиотеке	- 44%	- " -
стирка белья	- 42%	- " -
починка одежды	- 42%	- " -

По отдельным городам имеются более существенные различия по посещению бани (Тарту - 81%, Таллин - 60%, Псков - 55%, Москва - 31%), ресторанов, кафе (Таллин - 83%, Тарту - 72%, Москва - 63%, Псков - 43%), чтению в библиотеке (Псков - 56%, Таллин - 49%, Тарту - 43%, Москва - 38%).

Наиболее частым видом внедомашней деятельности оказался обед в рабочие дни - в среднем в 68% семей взрослые члены в рабочие дни ежедневно обедают вне дома (причем в Таллине эта цифра составляет 78%). Далее по частоте следуют посещение кино, починка обуви, мытье в бане.

2.3. Предпочитаемая локализация деятельности

По всем рассматриваемым нами видам деятельности задавался вопрос о предпочитаемой локализации места деятельности. Наиболее предпочитаемым оказался вариант "дома", за ним следовали: "поблизости от дома", "в городе", "на работе или поблизости" и "по дороге на работу". Сравним средние показатели городов по двум противоположным индексам: числу видов деятельности, предпочитаемых проводить "дома" (7-балльная шкала) и предпочитаемых проводить "в городе" (5-балльная шкала):

	средний балл индекса предпочтения "дома"	средний балл индекса предпочте- ния "в городе"
Москва	4.12	2.13
Таллин	3.43	2.45
Псков	4.42	1.86
Тарту	3.32	2.76

В общем плане предпочтения отражают реально существующие возможности - в Тарту и Таллине больше, чем в Москве и Пскове, предпочитается удаленное от дома обслуживание.

По отдельным видам деятельности существенно отличается группа т.н. культурной деятельности (посещение кино, театров, концертов, выставок). Если в предпочтениях по всем другим видам деятельности отмечается "тяготение" к дому, то по этим видам деятельности - к "центру города". Здесь опять же обнаруживается влияние локализации имеющихся возможностей (культурное обслуживание в основном сконцентрировано в центрах городов).

2.4. Факторы, влияющие на использование сферы обслуживания и предпочитаемую локализацию видов деятельности

Кроме локализации обслуживания были рассмотрены еще следующие факторы: социокультурные факторы (традиции региона и национального состава, городская среда); социально-демографические факторы (состав семьи, вид деятельности взрослых членов семьи); жилищные факторы (тип квартиры, формула заселения).

Традиции населения, по-видимому, более четко проявляются в поведении опрошенных жителей Пскова. Их реальная деятельность, а также предпочтения выражают большее, чем в других городах стремление к домашним занятиям, к пребыванию дома. В то же время эту тенденцию нельзя целиком объяснить лишь отсутствием возможностей обслуживания вне дома (микрорайоны здесь развитые). О различиях в поведении национальных групп можно косвенно судить сопоставляя их с различиями между городами (поскольку в эстонских городах опрошена и часть русских семей). Такие различия проявляются в индексах частоты выполнения видов деятельности вне дома. В отношении питания и мытья преобладают национальные различия (эстонцы занимаются в среднем чаще вне дома, русские в среднем чаще дома), при потреблении же культуры и общении определяющими оказываются городские условия (в больших городах занимаются вне дома чаще, чем в небольших).

Из социально-демографических факторов наиболее существенное влияние на использование сферы обслуживания оказывали возраст детей и наличие в семье пожилых членов. В семьях с младшими детьми (до 7 лет) значительно ниже оказывалась частота внедомашней культурной деятельности, а также занятий увлечениями и общения, чем в семьях с детьми более старшего возраста. По т.н. бытовым видам деятельности таких различий не имелось. В семьях же с пожилыми членами бытовые виды деятельности (питание, мытье) чаще производятся дома, внедомашняя культурная деятельность и увлечения осуществляются чаще, по сравнению с семьями, где пожилых членов нет. Вид профессиональной деятельности и число детей в семье

не влияли на соотношение деятельности "дома" — "вне дома".

Несколько изменяется поведение людей во внедомашней сфере с улучшением жилищных условий — шире становится диапазон используемых видов обслуживания, но относительная частота их убывает. Такая тенденция имеет место как при увеличении комнатности квартиры, так и при улучшении формулы заселения (особенно характерно это при переходе к формуле "n").

Предпочитаемая локализация, как указывалось, связана со сложившейся пространственной организацией обслуживания в городе.

Интересно, что на структуру предпочтений ни один из рассматриваемых социально-демографических факторов не оказывал влияния (хотя на реальное поведение такое влияние было существенным). Не имели влияния также и жилищные условия. Отсюда можно сделать вывод о системе предпочтений, как о сравнительно самостоятельной структуре, которая во многом исходит из ценностей и норм данной культуры (города, регионы и т.п.).

3. Пространственная организация деятельности семьи в квартире

Следующей задачей после фиксации соотношения деятельности семьи "дома" — "вне дома" было описание пространственной организации деятельности семьи внутри квартиры. По ходу интервью на план квартиры наносилось специальными знаками местонахождение 18 зон деятельности и 13 предметов домашнего обихода. Рассмотрим некоторые тенденции в локализации зон деятельности и предметов в квартирах разного типа.

Более "закономерно" локализуются в квартире зоны сна. Имеется сильная тенденция выбора для сна более маленьких и изолированных комнат, но так, чтобы зоны сна разных поколений (взрослые, дети, пожилые) находились в разных комнатах. Например, в четырехкомнатных квартирах доминанта зоны сна взрослых находится в третьей (по величине) комнате, зона

сна детей в четвертой и пожилых - во второй комнате. Такое положение наблюдается во всех обследованных городах.

Прием пищи в основном практикуется в кухне, а также в первой комнате (у 12-20% обследованных семей). У 5-9% семей в кухне производится стирка белья. У 30% семей в кухне происходит также хозяйственно-бытовая деятельность (шитье, вязание, починка, ремесло), этот вид деятельности присутствует также во всех других помещениях.

В первой комнате у большинства семей находится телевизор (но у 5-15% семей встречается и в более маленьких комнатах). Больше к первой комнате тяготеет и библиотека, но у 10-20% семей она может находиться и в других комнатах (в кабинете, в детской). Если в семье занимаются профессиональным трудом дома, то и эта зона часто локализуется в первой комнате. "Синдром" первой (общей) комнаты дополняют еще зоны приема гостей, сна гостей и праздничного стола.

Такие виды деятельности как увлечения не имеют выраженных тенденций к локализации, это же можно сказать и про зоны чтения и учебы.

Нами была высчитана загруженность разных комнат отдельными видами деятельности. Например, показатель загруженности комнат зонами детей (занятия детей, учеба, сон детей, индивидуальные зоны детей) варьирует следующим образом (за единицу взята загруженность I комнаты):

	I комната	II комната	III комната	IV комната
двухкомнатные квартиры	I	I,7	-	-
трехкомнатные квартиры	I	I,7	2,0	-
четырекомнатные квартиры	I	I,7	2,2	2,7

Интересно, что загруженность II комнаты зонами детей всегда в 1,7 раза больше, чем I комнаты, III комната загруже-

на приблизительно 2 раза больше чем первая. Такие же данные относительно зон сна и индивидуальных зон:

	I ком- ната	II ком- ната	III ком- ната	IV ком- ната
двухкомнатные квартиры	I	1,3	-	-
трехкомнатные квартиры	I	2,5	2,4	-
четырекомнатные квартиры	I	2,5	3,1	3,0

Вышеприведенные данные относятся к реальной организации жизнедеятельности семьи в квартире. Желаемая ситуация фиксировалась измерением желательности специальной комнаты для отдельных видов деятельности. Наиболее часто высказывалась желательность специальных комнат для следующих видов деятельности:

% семей, желающих иметь спецкомнаты...

	... из общей сово- купности	... в Москве	... в Талли- не	во Пскове	... в Тарту
для сна взрослых	91	88	96	83	94
для сна детей	83	82	85	80	85
для ученья	78	77	81	68	83
для приема гостей	77	81	77	89	72
для просмотра ТВ	44	54	27	56	29
для хоз.-быт. деятельности (починки, вя- занья, шитья, ремесла)	43	43	39	43	48
для занятий увлечениями, спортом	40	44	31	51	47

Таким образом, наибольшая потребность в отделенности имеется для зоны сна (это обнаруживалось уже при рассмотрении реальной организации сна в квартире). Также более 3/4 семей высказали желательность в специальной комнате для ученья/умственной деятельности и для приема гостей. Эти три вида деятельности и можно считать наиболее "страдающими" от недостаточной отделенности зон.

Аналогичные данные получены в ответ на вопрос: "Если бы в Вашей квартире было на одну комнату больше, для чего бы Вы ее использовали?" Здесь также на первое место вышли спальня, детская, гостиная, хотя предпочитаемость комнаты сильно зависела от типа имеющейся квартиры:

% семей, предпочитающих в качестве дополнительной комнаты ...

	...дет- скую	...спаль- ню	...нос- тиную	...ка- бинет	...ком- нату для физ. труда и ув- лече- ний	...для дру- гих целей
семьи в одно- комнатных квартирах	19	52	12	4	2	9
семьи в двух- комнатных квартирах	44	24	12	6	3	11
семьи в трех- комнатных квартирах	36	8	14	14	12	13
семьи в четы- рехкомнатных квартирах	36	2	10	23	11	18

При этом (и при нескольких других) вопросах общий процент по ряду показателей не достигает 100%. "Остаток" указывает на число семей, не давших ответа на данный вопрос.

4. Социальная организация деятельности семьи

Для каждого рассматриваемого нами вида деятельности фиксировалась форма ее осуществления — "всей семьей вместе", "некоторые члены семьи вместе", "каждый отдельно". При социальной организации такого вида фиксировали как реальное положение, так и желаемую ситуацию (желание "больше вместе" или "больше отдельно").

В основном всей семьей вместе осуществляется питание в выходные дни (в 93% семей), прием гостей (78%), просмотр телепередач (49%). В основном "отдельно" осуществляется чтение и умственный труд (85%), занятия увлечениями (82%), обед в рабочие дни (49%). Другие виды деятельности осуществляются как общесемейно, так и раздельно.

По данному показателю имеются определенные различия и по городам. Своего рода противоположностями оказываются, с одной стороны, Таллин и Москва, с другой — Псков. В первых городах намечается тенденция к более раздельной деятельности (причем Москва отличается наивысшей частотой деятельности "отдельно", Таллин — наименьшей частотой деятельности "вместе"), во Пскове — к совместной.

Предпочтения по этому параметру в основном копируют реальное положение — раздельно осуществляемые виды деятельности предпочитается проводить "больше раздельно", совместные — "больше вместе". Единственные "ножницы" появляются при занятиях увлечениями. Хотя в действительности здесь преобладает показатель "отдельно", в желаниях доминирует — "вместе". Можно предполагать, что в этом противоречии определенную роль играют квартирные условия — семья хотела бы заниматься увлечениями "все вместе", но для этого в квартире просто нет места. Это вынуждает "выходить" за пределы квартиры, где заниматься "всем вместе" уже труднее.

В этой связи мы рассматривали и вопрос о желаниях взрослых членов семьи жить в одной квартире с пожилыми членами

со своими взрослыми детьми (в будущем). Ответы на эти вопросы таковы:

	% семей, ответив- ших	Общая сово- куп- ность	Москва	Тал- лин	Псков	Тарту
ЖИТЬ В ОДНОЙ комнате с пожилыми	да	12	18	9	24	9
	нет	66	68	81	52	63
В БУДУЩЕМ ЖИТЬ вместе со свои- ми взрослыми детьми	да	27	32	11	38	27
	нет	65	59	76	60	66

Из обследованных городов несколько выделяются Псков и Таллин — в первом больше стремление жить вместе с пожилыми и детьми, в Таллине же — самое большое стремление к отделению.

Ориентацию семей на совместный-раздельный образ жизни характеризуют и ответы на вопрос: "Предпочли бы Вы при той же общей жилплощади в квартире одну-две больших или несколько маленьких комнат?"

Ответы	Общая сово- куп- ность	Москва	Таллин	Псков	Тарту
"Одну-две больших комнаты" (% семей)	39	32	28	59	38
"Несколько малень- ких комнат" (% семей)	47	57	48	27	54

Опять выделяется Псков, где заметно больше предпочитают условия для совместной деятельности.

Так как по многим показателям, касающимся формы деятельности, обследованные семьи подразделялись на две группы, на этой основе можно гипотетически предполагать существование

двух типов образа жизни — "совместного" и "раздельного". Эта гипотеза была проверена индексным анализом первого уровня и нашла определенное подтверждение. Ее дальнейшая проверка требует уже соответствующей типологизации семей на ЭВМ.

5. "Препятствующие" факторы и претензии-предложения архитекторам

Существенной практической задачей данного исследования было выяснение, что в современных квартирах массового жилищного строительства больше всего мешает, препятствует жизнедеятельности в них семей и какие претензии и предложения имеются у жителей к архитекторам.

Из препятствующих факторов рассмотрим, во-первых, недостаток пространства. Наибольший недостаток пространства ощущается при организации сна (52% семей считает, что в имеющихся условиях квартиры для этого нет места). За ним следует прием гостей за праздничным столом (47%; в Тарту же — 62%), увлеченческие виды деятельности (36-43%), игры детей (34%) и др. В какой-то мере неожиданным оказалось, что "нехватку" пространства для занятий увлечениями указало больше семей, чем число семей реально занимающихся этим (около 30%). Это показывает, что имеется определенное число семей, где этими видами деятельности не занимаются из-за "пространственных условий" квартиры. Из городов выделяются Псков (осущение нехватки пространства меньше чем в других), и, с другой стороны, — Тарту и Москва, где ощущение недостатка пространства значительно выше.

Семьи существенно различились по количеству видов деятельности, для которых ощущался недостаток пространства. Для 14% семей недостаточность пространства вообще не является проблемой, в то же время 21% семей ощущает его для 10 или более видов деятельности:

Число видов деятельности, для которых ощущался недостаток пространства
% семей

0	1-2	3-4	5-6	7-9	10-12	13-15	16-19
14	21	16	14	14	10	6	5

Ощущение недостатка пространства существенно зависит от числа комнат и особенно от формулы заселения, хотя и при наличии наилучших условий (формула "n") имелись претензии относительно "нехватки" пространства.

Кроме недостатка пространства, по каждому виду деятельности фиксировали, насколько его проведению в данных условиях квартиры "мешают" другие члены семьи. Наиболее "мешали" проведению таких видов деятельности как сон (29% семей считали, что другие этому мешают), просмотр ТВ (27%), чтение, учение (24%), хоз.-быт. деятельность (18%), прием гостей (16%). На вопрос "кто мешает", из числа всех семей, указавших "мешаемость" со стороны других членов семьи, 65% ответили "дети". По городам опять выделяются Псков с наименьшей "мешаемостью" и Тарту с наибольшей. Больше всего ощущали "мешаемость" семьи с маленькими детьми и семьи, где число детей "большее". Взаимная "мешаемость" повышалась также с ухудшением формулы заселения. Интересно, что чувство "мешаемости" проявляется в значительно меньшем числе семей, чем ощущение нехватки пространства.

Таким образом, в настоящих условиях квартиры наибольшие трудности возникают при организации сна, деятельности детей и приема гостей. Нормальному отдыху препятствуют как недостаток пространства (нехватка изолированных помещений), так и деятельность других членов семьи. Приему гостей препятствует в основном недостаток пространства. Деятельность детей сама по себе "мешает" почти всем другим видам жизнедеятельности, с другой стороны, и детям часто "мешают" (их учебе, сну). Другими словами, при наличии в семье детей часто трудно организовать жизнедеятельность в квартире.

Респондентам предлагалось высказать свое мнение относительно наиболее важных проблем по всем основным сферам жизнедеятельности семьи, которые следует учитывать архитекторам при планировке квартир. Максимальное число предложений, сделанное одним опрошенным, было 32; минимальное — 1. По числу предложений опрошенные распределились таким образом:

Число
пред-
ложе-
ний

I-4 5-8 9-II I2-I4 I5-I7 I8-2I 22-32

%

семей 7 19 23 19 14 12 6

Наиболее часто встречающиеся предложения можно подразде-
лить на три группы:

- указывающие на недостаток пространства для определен-
ного вида деятельности ("квартиру побольше", "кухня
маленькая" и т.д.);
- указывающие на недостаточную отделенность данной зоны
деятельности ("нужна специальная комната для...", "каж-
дому - своя спальня" и т.д.);
- указывающие на отсутствие места (помещений) для хране-
ния ("больше шкафов для...", "нужен подвал" и т.д.).

Предложения относительно увеличения площади квартиры или
отдельных помещений высказало 82% опрошенных семей, об увели-
чении отделенности зон деятельности - 41% и об увеличении
числа мест хранения - 35%. Более часто высказывались предло-
жения в отношении организации питания, за ними следуют про-
блемы сна, гигиены, свободного времени и хоз.-быт. деятельнос-
ти. Интересно, что частота высказывания предложений и их содер-
жание не зависели ни от состава, ни от социально-демографиче-
ских характеристик семьи, ни от жилищных условий.

Относительно некоторых свойств квартиры были заданы спе-
циальные вопросы. 83% семей заявили, что стены в их квартирах
звукопроницаемы. Во Пскове этот процент равен 92, в Москве -
91, в Тарту - 81, в Таллине - 73. Причем это беспокоит 81%
семей Москвы, 79% - во Пскове, 60% - в Тарту и 46% - в Талли-
не.

На необходимость раздвижных стен между комнатами указали
58% семей. В Таллине и Тарту они желательны больше (63% и
69% семей), чем в Москве и Пскове (54% и 42% семей). Раздвиж-
ные стены желательны в основном между общей комнатой и сосед-
ней с ней (спальной, детской и др.).

ОБЩЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ ЦЕНТРЕ ГОРОДА

М. Хейдметс, Ю. Круусвалл, Р. Кильгас

Настоящее исследование представляет собой одну из первых попыток рассмотреть с психологической точки зрения определенную архитектурную "единицу" - городской центр. Мы исходим из того положения, что городской центр должен выполнять, кроме чисто утилитарных функций, и определенные функции другого, психологического порядка. Он должен оставлять в посетителей приятное впечатление, давать возможность почувствовать себя свободным, непринужденным, содействовать взаимным контактам, общению. Вопрос в том, в какой мере имеющиеся городские центры соответствуют таким потребностям посетителей; какими свойствами, параметрами архитектурной среды возможно обеспечить соответствие центров закономерностям человеческой деятельности и взаимоотношений. Подходя к этим вопросам, мы будем сравнивать "старые", традиционно сложившиеся центры, с новыми, современными общественными центрами в городах Таллине и Тарту.

Старый центр определяется ратушной площадью, а также некоторыми "торговыми" улицами (где находится много маленьких магазинов и кафе) вблизи площади. Новый центр определяется районом дома торговли, дома быта, больших магазинов, гостиниц (напр., "Виру" в Таллине), расположенных около широких улиц с интенсивным движением автомашин. В то же время оба этих центра находятся в середине города, относительно недалеко друг от друга, т.е. доступность их и набор услуг почти одинаковы.

Для сравнения выделенных нами старых и новых центров города с точки зрения интенсивности происходящего в них общения людей требовалось выработать подходящую для этой цели методику наблюдений. Требования, которым такая методика должна была соответствовать, оказались следующими:

1) способность пространственно охватывать общение людей

одновременно как во всем центре в целом, так и в разных его функциональных частях (которые могут быть выделены, исходя из разных критериев деления);

2) способность охватывать как весь временной цикл функционирования общественного центра, так и разные его периоды (например, часы пик, время после закрытия пунктов обслуживания и т.д.);

3) способность фиксировать общение разной интенсивности, в целях возможности сравнения разных общественных центров и их составных частей по этому параметру.

Попытки соблюдать одновременно все три перечисленные требования сразу же исключили возможность использования таких показателей, как содержание (цель) и продолжительность общения из-за нереальности ведения таких наблюдений или опросов длительное время во всех частях центра. Они более подходящи в целях подробного изучения общения в некоторых определенных ареалах центра и могут быть применены на следующих этапах исследования.

Единицей исследования "первого уровня" оказался сам факт общения и вероятность его временной и пространственной локализации. Интенсивность общения измеряется этой же вероятностью (по мере ее вариации) с одной стороны, и численностью общающейся группы людей, - с другой.

Фактом общения считалась взаимная беседа (разной интенсивности) группы людей, стоящих в момент наблюдения в определенном месте. Частным случаем общения считался также одинокий стоящий в момент наблюдения человек.

Фактом общения не считали: беседу людей во время движения, разного рода очереди, а также пребывание в центре экскурсионных групп.

Для фиксации численности общающихся группы мы применяли четыре градации: одиночки, пары, тройки, четверки и более. Пространственная локализация общения фиксировалась путем обозначения всех фактов общения на плане общественного центра. Измерение временной локализации обеспечивалось порядочностью соответствующих наблюдений.

Наблюдение и фиксация фактов общения проводилось во всех выделенных нами общественных центрах с 7 часов утра до

полуночи с интервалом в 30 минут (7⁰⁰, 7³⁰, 8⁰⁰, 8³⁰ и т.д.). Само наблюдение вместе с фиксацией занимало время от 5 до 15 минут.

В каждом из центров наблюдения проводились в три разных дня: два будничных-рабочих и один выходной день. В городе Тарту выходным днем для обоих центров была выбрана суббота, когда все пункты обслуживания открыты, а в Таллине - воскресенье (функциональность обоих центров резко понижена). Это позволило сравнить новые и старые центры в двух крайних положениях: в условиях максимального функционирования (интенсивное обслуживание + интенсивное посещение центра в выходной день) и в условиях нефункционального использования центра (малое обслуживание + возможность посещения центра в выходной день).

Всего исследование общения в четырех общественных центрах охватило не менее 8628 человек. Это число может в действительности оказаться больше за счет отмечения групп в составе четырех и более общающихся одним же знаком.

Данные исследования были проанализированы в основном через два показателя. Общее число общающихся выражает суммарное число людей, участвовавших во всех группах общения на данной площади или в данный период времени. Среднее число общающихся выражает среднюю величину групп общающихся на данной площади или в данный период времени.

На рис. I число общающихся приведено отдельно по центрам и дням наблюдения. Слева расположены данные по выходным дням, в середине - те рабочие дни, по которым этот показатель оказался меньше, а справа - рабочий день с большим показателем (по такому же принципу построены и остальные графики).

Из графика следует, что в рабочие дни число общающихся в старых центрах существенно превышает тот же показатель в новых центрах. На ратушных площадях, по нашему методу наблюдения, фиксируется 900-1100, а в новых центрах - 300-700 человек в день. При этом таллинские показатели немного превышают тартуские, что весьма закономерно, учитывая разную величину городов.

В выходные дни, как видно, дело обстоит **наоборот**: в Тарту, где обследование проводили в субботу, данные **оказываются** выше (особенно в старом центре), чем в Таллине, где наблюдения велись в воскресенье. Поскольку в воскресенье в общественных центрах закрыто большинство пунктов обслуживания, то из резкого снижения числа общающихся можно вывести и определенную связь между функциональностью центра и интенсивностью общения в нем. По всей вероятности, эта связь все же не прямая, а опосредована через общее число посетителей центра, которых в воскресенье также отмечается существенно меньше. Но, несмотря на эти особенности, и в выходные дни сохраняется тенденция более интенсивного общения в старых общественных центрах, по сравнению с новыми.

Наши исследования позволили вычислить среднюю величину группы — данные приведены на рис. 2. Оказалось, что среднее число общающихся в группе в старых центрах выше (от 1,8 до 2,0), чем в новых (от 1,5 до 1,8). Предполагая, что величина группы прямо не зависит от общего числа общающихся (это доказывает хотя бы тот факт, что в Тарту средняя величина группы оказывается выше, чем в Таллине), можно и этот показатель считать связанным со свойствами самого общественного центра. В воскресенье снижение среднего числа общающихся в Таллине также не такое резкое, как мы заметили при сумме общающихся.

• Анализируя последний показатель, оказывается, что он во многом зависит от доли одиночек, как частного случая, в числе фактов общения. На рис. 3. приведено изменение доли одиночек по дням наблюдения: **больше их в новых и меньше в**

старых центрах. Особенно заметно влияние доли одиночек в выходные дни, а также в Тартуском старом центре (наименьшее число одиночек) и в таллинском новом центре (наибольшее число одиночек). Это доказывает и график на рис. 4., где изображена средняя численность группы из двух и более человек (действительной группы). Видно, что таллинский новый центр переместился в рабочие дни на "второе место", а тартуский старый — на "третье"; разницы между показателями выходного дня сократились (по сравнению с графиком на рис. 2.). В ра-

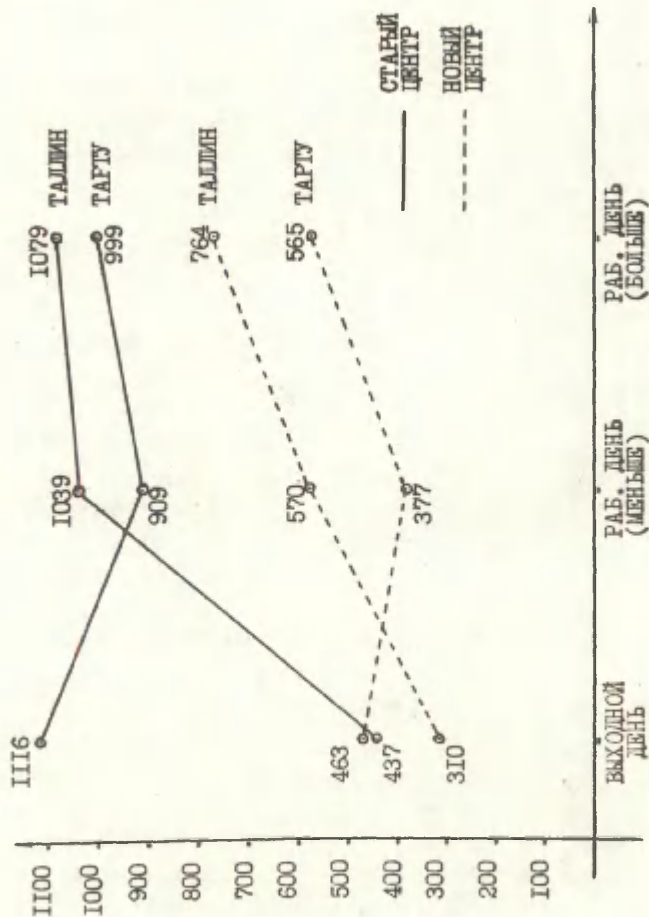

Рис. 1. ОБЩЕЕ ЧИСЛО ОБЩАЮЩИХСЯ В ЦЕНТРАХ
ПО ДНЯМ НАБЛЮДЕНИЯ.

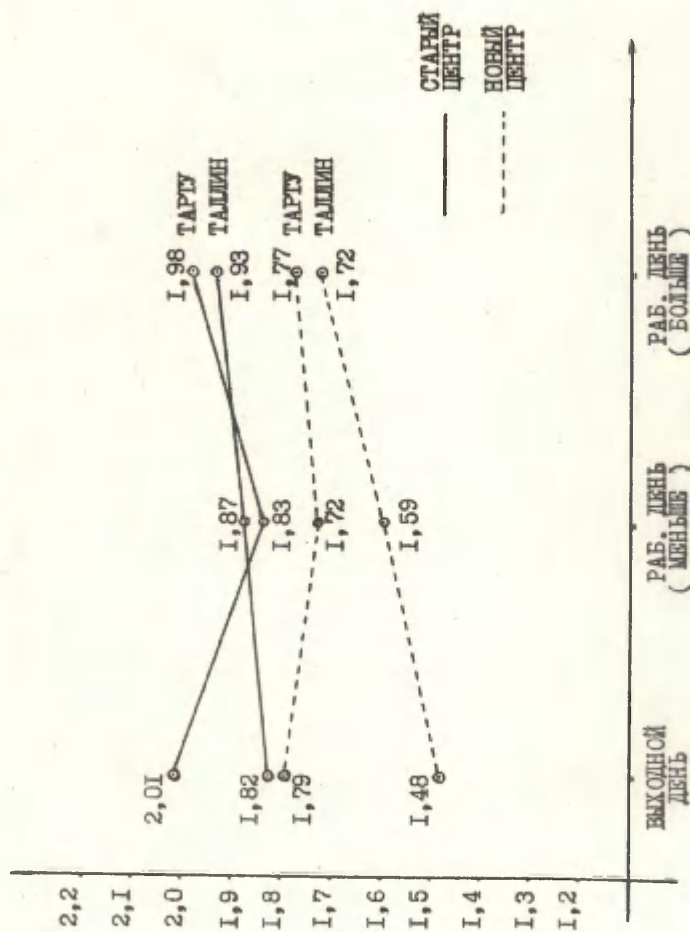

Рис. 2. Среднее число наблюдаемых групп по дням наблюдения.

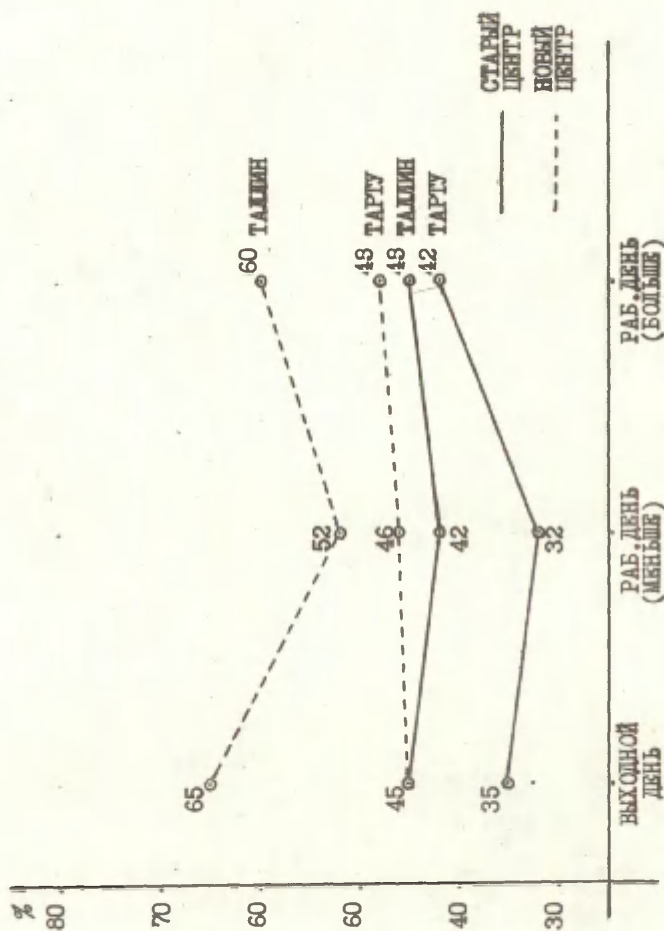

Рис. 3. Доля одиночек от числа групп обследуемых по дням наблюдения.

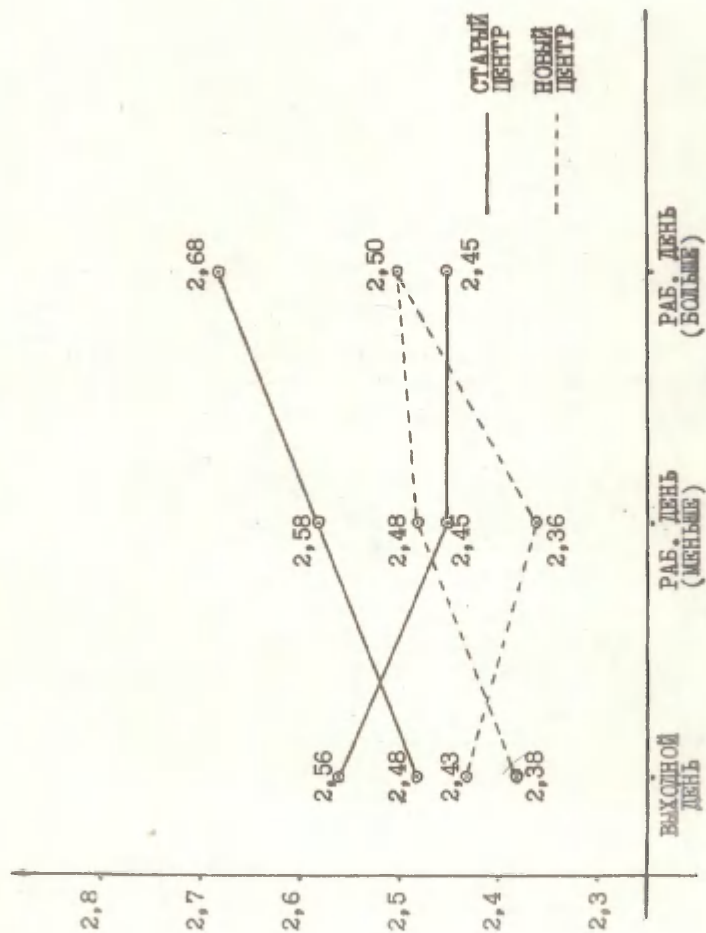

Рис. 4. СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ОБМАТЫВАЮЩИХСЯ В ГРУППЕ ИЗ ДВУХ И БОЛЕЕ ЧЕЛОВЕК ПО ДНЯМ НАБЛЮДЕНИЯ.

бочие дни в обоих центрах г. Таллина численность групп (от двух и более человек) превышает тот же показатель г.Тарту.

Перейдем теперь к рассмотрению временных и пространственных локализаций общения в городских центрах.

В Таллине кульминация общения достигается в промежуток времени с 13⁰⁰ до 15³⁰, когда общающихся в обоих центрах более 300 человек. В Тарту общающиеся больше встречаются в утренние часы: за период 10⁰⁰ - 12³⁰ на ратушной площади - до 300, а в новом центре - более 200 человек. Некоторое повышение числа общающихся в Тарту отмечается в период 16⁰⁰ - 18³⁰ часов. Новые и старые центры заметно различаются лишь в вечерние часы. Так, если в период 19⁰⁰ - 21³⁰ час. в старых центрах регистрируется общение около 150 человек, то в новых - только 40-80 человек. В часы 22⁰⁰ - 24⁰⁰ в старых центрах отмечается 60-70 человек, в новых - до 20 человек (тартуский новый центр в это время совсем пустеет).

Для выявления пространственной локализации общения все рассматриваемые центры мы разбили на части, исходя из архитектурно-планировочных особенностей каждого из них. Для анализа выбраны дни с максимальным числом общающихся в данном центре.

Оказывается, что в старых центрах преобладает рассеянное общение, расположение которого зависит как от прохождения потоков людей, так и от местонахождения основных функций центра. Середина площади охотно используется одиночками только при наличии там специальных объектов (фонтаны и т.п.). В новых центрах преобладает концентрированное общение, связанное с толпой народа у входа в дом торговли (концентрация функций). Характерно, что некоторые другие сегменты с прохождением потоков людей, а также перед многофункциональными домами (дом быта) для общения не выбираются из-за отрицательных условий среды.

Для сравнения общественных центров города и выявления влияния отдельных их "свойств" на общение людей потребовалась разработка системы средовых параметров центра. На основе систематизированных наблюдений было выявлено 13 параметров, которые можно подразделить на следующие 3 группы:

I группа - параметры, описывающие пространственные условия центра.

1. Величина площади центра.

2. Доля площади общения от общей площади центра под площадью общения понимаем ту часть центра, в которой в принципе возможно человеческое общение (площадь, свободная от потока и стоянки автомашин).

3. Расчлененность пространства центра - количество входящих в центр улиц и ниш (ареалы, закрытые по меньшей мере с двух сторон).

4. Визуальная замкнутость центра - сколько сторон центра визуально закрыты (строениями).

5. Наличие в центре спецобъектов, - т.е. объектов, могущих оказать влияние на выбор место для общения (скамейки, фонтаны, статуи и др.).

II группа - параметры, описывающие особенности движения в центре

6. Характер движения транспорта - транспорт проходной или транспорт вливающийся, т.е. проходят через центр потоки автомашин или нет.

7. Объем транспорта - число машин, проходящих (или вливающих) через центр.

8. Скорость движения транспорта.

9. Доступность-разделенность частей центра: в какой степени отдельные части центра доступны для посетителей или разделены потоками автомашин.

10. Характер заполненности центра - наличие потоков пешеходов, наличие пунктов концентрации людей.

11. Уровень шума в центре.

III группа - описывающие функциональные характеристики центра:

12. Число функций центра - сколько видов обслуживания предлагается человеку в центре.

13. Концентрация функций центра - насколько сфера обслуживания в центре рассеяна-сконцентрирована. Параметры I, 2, 3, 5, 12, 13 фиксировались объективно (путем пересчета, или

измерения), для фиксации остальных параметров использовались оценки экспертов.

По общей площади старые центры немного уступают новым, особенно в Таллине. По площади общения же дело обстоит наоборот — в старых центрах основная часть центра доступна для людей, в новых — больше половины площади центра находится под автодорогами. Из этого следует, что общая плотность людей в новых центрах значительно выше.

Интенсивность транспорта является существенным различительным признаком старых-новых центров — новые центры отличаются проходным транспортом с высокой скоростью и объемом. Потоки автотранспорта разделяют новый центр на несколько частей, доступность отдельных частей центра для посетителей гораздо труднее, чем в старых центрах. **Интенсивностью** транспорта обусловлено и более высокий уровень шума в новых центрах, что создает особый раздражающий фон для деятельности человека. Расчлененность пространства в старых центрах несколько выше, чем в новых, но разницы несущественны.

Существенно различаются старые-новые центры по их восприятию как замкнутые пространства. Если старый центр тесно закрыт по меньшей мере с 3 сторон (образуется ощущение целостного пространства), то новые центры такого представления не создают. Если имеется какая-то замкнутость, то она, как правило, частичная (что обусловлено уже широкими шоссе, проходящими через центр).

С функциональной точки зрения центры г. Тарту представляют посетителям почти одинаковое число видов обслуживания. В Таллинском новом центре число видов обслуживания почти в 2 раза больше, чем в старом. Оба новых центра отличаются высокой концентрацией обслуживания — почти все виды обслуживания "локализованы" в двух зданиях — в доме торговли и в доме быта. В старых центрах обслуживание "рассеяно", что сильно влияет и на характер заполнения центра. В старых центрах нет пунктов особой концентрации людей, потоки пешеходов также не так сильно выражены (кроме потоков намечается и интенсивное рассеянное движение), как в новых центрах (потоки точно фиксированы пространственными условиями).

Таким образом, старые центры более целостные

- это обуславливает как визуальная замкнутость пространства центра, так и малая интенсивность транспорта в них. В старых центрах имеется относительно больше пространства для людей; учитывая также неконцентрированность обслуживания, можно сказать, что, хотя в старых центрах много народа, здесь не "тесно" (в противовес условиям нового центра).

С целью выявления связей между фактами реального общения в центрах и архитектурно-планировочными особенностями общественного центра через посредство сознания человека, мы использовали метод семантических характеристик. Методика семантического дифференциала (СД), выработанная школой Остуда, широко используется при изучении субъективного отношения людей к разного рода весьма сложным объектам (напр., художественные произведения, разные тексты и т.д.).

В настоящей работе мы пользовались уже готовым набором (22 пары антонимичных прилагательных) шкал для оценки текстов, которые оказались подходящими и для характеристики общественных центров. С целью создания ситуации сравнения мы попросили респондентов охарактеризовать одновременно по одной и той же шкале как новый, так и старый центры города, оба из которых отмечались на семибалльной шкале дифференциала. Например, следующий ответ

обычный: —: —: СД: —: —: нц: —: необычный
означает, что старый центр кажется респонденту более обычным (разница в 3 балла), чем новый центр. По семибалльной кодировке старый центр будет иметь балл 3, а новый центр — балл 6. В результате обследования средние баллы старого и нового центра были высчитаны через все ответы и выявлена разница (если она имелаась) в этих баллах. Было выявлено, к какому из каждых двух характеристик оба центра в среднем тяготеют, и таким образом, получен ряд прилагательных, семантически ассоциирующихся с условиями пребывания в данном центре.

Всего по данной методике было опрошено 30 человек в Таллине и 30 — в Тарту. В каждом из городов в качестве респондентов выбирались 10 рабочих, 10 служащих (до среднего образования) и 10 лиц с высшим образованием или студентов. Из 22 пар семантических характеристик, дифференцирующих

старые и новые центры с разницей в среднем свыше 2 баллов, оказалось 16. 6 пар (обычный-необычный, важный-неважный, знакомый-незнакомый, свежий-устарелый, активный-пассивный, просторный-узкий) оказались неспособными существенно различить новые-старые центры в обоих городах. Особенно здесь интересны одинаковые баллы для старых и новых центров по парам "свежий-устарелый" и "просторный-узкий". По-видимому, старый центр кажется довольно "свежим", и новый - уже немного "устарелым". "Просторность", видимо, оценивается по визуальному плану - все площади достаточно большие.

Семантически более противоположными друг - другу оказались центры города Таллина, их дифференцировали 12 пар прилагательных (приведем средние баллы ответов по семибальной шкале и разницу между ними):

<u>Ратушная площадь</u>			<u>Площадь Виру</u>		
спокойный	- 2,5	3,2	5,7	- нервный	
волнующий	- 2,3	2,8	5,1	- безразличный	
естественный	- 2,7	2,7	5,4	- искусственный	
разноцветный	- 2,8	2,7	5,5	- серый	
упорядоченный	- 2,8	2,6	5,4	- хаотичный	
свой	- 2,4	2,5	4,9	- чужой	
разнообразный	- 2,1	2,3	4,4	- однообразный	
хороший	- 2,4	2,3	4,7	- плохой	
близкий	- 3,0	2,1	5,1	- далекий	
закрытый	- 3,6	2,1	5,7	- открытый	
точный	- 3,1	2,0	5,1	- неопределенный	
неподвижный	- 3,4	2,0	5,4	- движущийся	

В данном ряду пары упорядочены по величине разницы в средних баллах. Если обратить внимание на абсолютное число балла, то старый центр более ярко характеризуется как разнообразный (2,1) и волнующий (2,3), а новый центр как нервный (5,7) и открытый (5,7). Группируя прилагательные по их значению, можно выявить следующие семантические качества центров. Упорядоченный, точный, закрытый и неподвижный старый центр, воспринимаемый посетителями больше как свой, близкий, естественный, спокойный, хороший, является в то же вре-

мя разнообразным и разноцветным, а характеризуется как волнующий. И, наоборот, - открытый, движущиеся, неопределенный, хаотичный новый центр, воспринимаемый больше как искусственный, чужой, далекий, нервный, плохой, кажется в то же время серым и однообразным, безразличным.

Оценки Тартуских общественных центров имели **большой** разброс, чем в Таллине, дифференцирующих пар (более 2 баллов) оказалось лишь три:

<u>Старый центр</u>		<u>Новый центр</u>	
спокойный	- 3,1	2,4	5,5 - нервный
миролюбивый	- 2,5	2,4	4,9 - воинственный
неподвижный	- 3,9	2,0	5,9 - движущийся

Старому центру присваивается миролюбивость и спокойствие, новому - движение и нервность. По мнению лиц с высшим образованием и студентов, Тартуская ратушная площадь все же кажется более естественной, упорядоченной, умной и сильной, чем новый центр. В одном опыте мы попросили группу тартуских студентов выразить в свободной форме положительные и отрицательные свойства обоих центров. Наиболее частые варианты ответов были следующие:

Ратушная площадь:

- а) положительные стороны: тихо, все близко, часто встречаются знакомые, спокойно, красиво, наличие фонтана, хорошо видны часы ратуши, уютно.

- б) отрицательные стороны: мешает стоянка индивидуального транспорта в центре площади, нет места, где можно было бы сидеть, плохая ориентация площади в отношении солнца.

Новый центр:

- а) положительные стороны: большой выбор покупок и обслуживания, концентрированное обслуживание.

- б) отрицательные стороны: шум, газы от автомашин, нет площади в собственном смысле слова, возможность попасть под машину, перенаселенность, скученность - толпа, неприятно, нет места, где можно было бы постоять, слишком обыкновенный.

Итак, если в Тарту семантические оценки связываются по-видимому, в первую очередь, с интенсивным потоком транспор-

та через новый центр, а также с концентрацией людей в нем, то в Таллине, наряду с этим ассоциации выходят на планировку и архитектуру центров, связанные с положительными сторонами облока Ратушной площади и с отрицательными площади Виру (открытый ареал, искусственная и хаотичная планировка, "серый" облик).

Проведенный опять же со студентами г. Тарту небольшой тест памяти показал, что из архитектурных деталей общественного центра (окна, балконы, трубы и т.д.) запоминаются легче те, которые связаны с функциями центра (отделка дверей магазинов). Довольно плохо запоминаются украшающие новый центр единичные детали (панно, одинокие деревья, маленький фонтан). Облик центра создается, видимо, более общим архитектурным фоном, однообразие которого невозможно компенсировать такого рода элементами.

Хотя данное исследование носило методически-зондажный характер, одним из его результатов можно считать подтверждение гипотезы о большей приемлимости общественных центров старого типа, по сравнению с новыми центрами города к пребыванию и свободному общению там людей. Это доказывают результаты как непосредственных наблюдений, так и вербальных методик. Какие свойства общественного центра оказываются положительными и какие отрицательными по отношению к общению людей и каков вообще должен быть подходящий для человека-посетителя центр города (микрорайона)? Частичный и не вполне достоверный ответ на эти вопросы может дать и настоящее исследование.

Торговые и обслуживающие функции — это основные центрообразующие факторы как в средневековом, так и в современном городе. Их взаимное расположение и концентрация во многом влияют на характер пребывания людей в центре. Но число функций центра не определяет число общающихся людей в центре: хотя в Таллинском новом центре почти в два раза больше функций, чем на Ратушной площади, там все же отмечается гораздо меньше общающихся по сравнению со старым центром. Распределение общающихся внутри центра зависит от точек концентрации торговых функций (особенно в новых центрах — дома тор-

говли), куда направляется основная масса посетителей. Интересно отметить, что концентрация функций бытового обслуживания (дома быта) такого накопления людей (и общающихся) не порождает. Состояние скученности людей оказывает отрицательное воздействие на психику человека, образуя т.н. стресс перенаселенности. Он выражается в постоянном состоянии тревожности, в конфликтности взаимоотношений, препятствующих общению и пребыванию в центре. Можно предполагать, что некоторые отрицательные оценки новых центров (нервный, неопределенный и др.) частично связаны и с перенаселенностью. Деконцентрация функции в общественном центре способствует более рациональному использованию его территории (хотя на первый взгляд большие дома торговли и т.д. кажутся экономными и по отношению к посетителю), как это видно на примере Ратушной площади Таллина.

Наряду с концентрацией функций уменьшает пространство общения (а тем самым и общественную функцию центра в целом), занятость части (иногда основной) площади центра нефункциональными для большинства посетителей объектами — потоками и стоянкой автомашин проходного или вливающегося необщественного транспорта. Крупные автомагистрали не должны проходить (как это сейчас характерно для новых центров), а стоянка индивидуального транспорта не должна находиться (как это сейчас в старом центре Тарту) в общественном центре города не только из-за занятого ими полезного пространства. Стоянки и автопотоки разделяют центр на несколько трудно доступных частей, разрушая его пространственную целостность, а высокая интенсивность движения автомашин порождает неблагоприятные условия для общения и пребывания в центре. Места вблизи шоссе с высоким фоном шума, газов, движущиеся объекты редко выбираются людьми, а это еще суживает пространство общения в новых центрах (характерные прилагательные — движущийся, нервный и др.).

Место общения зависит и от особенностей движения людей в центре, оно чаще находится вблизи основных потоков людей, а особенно много в пунктах перекрещивания потоков. Вероятность встречи со знакомыми там гораздо выше. В центрах, где отмечаются ярко выраженные потоки, из-за этого порождается

некоторая неравномерность расположения общающихся (это заметно на ратушной площади Тарту). В новых центрах, где в часы пик потоки людей превращаются в толпу, вероятностное влияние потока на общение стирается неблагоприятными для это условиями. На Ратушной площади Таллина, где преобладающие потоки людей отсутствуют, основная часть общающихся все же располагается по краям площади. Одиночек в центре площади почти не отмечается, они туда перемещаются лишь при наличии физических объектов (напр., фонтан в г.Тарту). Это порождает проблему использования середины площади (при условии, что она не занята автомобилями). Ведь и в начале своего исторического развития центр ратушной площади, как перекресток улиц, не был пустым — там находился рынок. Решение, по-видимому, заключается в размещении на середине площади каких-то небольших функциональных физических объектов (уличное кафе, скамейки, реклама и т.д.), способных "приманивать" к себе посетителей центра.

Для общения обычно выбирается место с некоторой замкнутостью пространства (уголок, ниша, стена) или место с наибольшей свободой выбора путей (перекрестки улиц, входящие на площадь улицы и т.д.). Можно предполагать, что число входящих в центр улиц и наличие ниш (при условии, что их используют равномерно) положительно связаны с числом общающихся. В старых центрах действительно намечается их немного больше, но связей с общением тут трудно установить.

Архитектурное многообразие старых центров влияет видимо положительно на посетителя. Это подтверждают данные семантического дифференциала, где ратушная площадь характеризовалась как разнообразная и разноцветная, и в то же время упорядоченная и точная. Некоторое влияние на положительные оценки старых центров может оказывать и своеобразная "мода старого", уважение к ратушной площади как архитектурному памятнику. Но существуют и более общие признаки, (например, визуальная замкнутость ареала), положительное воздействие которых на человека отмечалось и зарубежными исследователями. Ратушная площадь Таллина визуально замкнута со всех сторон, что достигается вхождением улиц на площадь под острым углом.

Влияние замкнутости ареала на состояние человека подтверждается появлением прилагательного "закрытый", наряду с положительными семантическими характеристиками в оценках ратушной площади. Но еще более остро выражается отрицательное отношение к "открытости" нового центра, который пронизывают широкие автошоссе, а также незастроенные (или застроенные по высоте резко отличающимися строениями) участки между зданиями. Интересно отметить, что высотные элементы имеют в своем окружении как старый (башни церквей, ратуши), так и новый центр (гостиница "Виру"). Но, если в первом случае они только дополняют облик ареала (их можно заметить, но и выпустить из внимания), то во втором случае одинокий высотный дом как-бы бросается в глаза, создавая ощущение открытого пространства вокруг него. Таким образом можно предположить, что целостность общественного центра достигается наряду с равномерным расположением функций и доступностью всех его частей, также и визуальной замкнутостью ареала и уравновешенным расположением вертикальных объемов зданий. Это касается и величины площади центра. Размеры площади в этой связи, по-видимому, также не должны быть слишком большими (особенно при "пустой" середине площади), в противоположном случае снижается чувство замкнутости, центр перестает быть визуаль-но целостным.

С методической стороны можно подчеркнуть целесообразность комплексного, многометодического подхода к рассматриваемым психологическим проблемам архитектурной среды. Соединение фиксации объективного положения с субъективными оценками людей может быть рекомендовано в качестве методического подхода в таких исследованиях.

В настоящее время исследование психологических проблем общественного центра города продолжается авторами при кафедре педагогики и психологии Таллинского Педагогического Института по заказу институтов ЦНИИЭП зрелищных зданий и МНИИП объектов культуры. Изучаются критерии выбора посещаемого центра (от микрорайонного до общегородского), время пребывания посетителей в центре, маршруты передвижения посетителей в центре, маршруты передвижения посетителей и ряд других вопросов.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КЛУБНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Ю. Круусвалл, М. Хейдметс, Р. Кильгас

Предметом рассматриваемого исследования являлось соответствие клубных помещений требованиям посетителей. Опыт многих отечественных и зарубежных исследований психологии среды и архитектуры показывает, что наиболее существенное влияние оказывают условия пространственно-предметной среды на процесс межличностного общения. Результаты изучения мотивов посещения клубов показывают также, что одной из важнейших функций клуба является создание возможностей для свободного общения, для встреч с друзьями (сторона клубной работы, которая до сих пор не получила необходимого освещения, а часто считается даже неважным). Так, например, по данным проведенного в 1968 г. в ЭССР исследования "Клуб и современность" основными посетителями клубов являются молодые люди в возрасте до 24 лет (посещают клуб в 3-4 раза чаще, чем другие возрастные категории), мотивы посещения которых - это танцевать, встретиться с друзьями, найти новых друзей. Из клубных мероприятий молодежь чаще всего посещает вечера танцев, где она составляет более 80% участников, а также концерты (50% участников). Уже из этого можно заключить, что для выявления закономерностей поведения людей в клубных помещениях следует, в первую очередь, исследовать молодежные мероприятия, а точнее - вечера танцев, при которых относительная "свобода выбора" места и передвижения в пространстве наиболее высокая, а число посетителей наибольшее. Этим путем мы и решили идти.

Клубы для исследования выбрали из двух более крупных городов республики: Таллина и Тарту. Исходя из характеристик основного контингента посещающих танцевальные вечера клубы выбирались по следующей схеме:

	Юношеский клуб	Молодежный клуб
Клуб учащихся	1) клуб для учащихся средней школы	2) студенческий клуб
Клуб работающих	3) клуб рабочей молодежи и учащихся проф.-тех. училищ	4) клуб для молодежи старше 20 лет

Наиболее подходящими представителями этих четырех типов оказались следующие клубы: 1) клуб "Сыпрус" г. Тарту, 2) клуб Тартуского государственного университета, 3) клуб Таллинского целлюлозно-бумажного комбината, 4) клуб Морского района г. Таллина. Выбранные клубы оказались разными по пространственным характеристикам.

Клуб	"Сыпрус"	Целлюлозного комбината	Университетский	Морского района
Общая площадь (m^2)	446	394	302	191
Площадь зала (m^2)	201	170	190	158
Площадь подсобных помещений (m^2)	245	224	112	33
Среднее число посетителей вечеров танцев	200	200	300	180
Посетителей на 1 m^2 площади зала	1,0	1,2	1,6	1,2

Из методов обследования поведения и потребностей посетителей были использованы следующие: 1) систематизированное наблюдение (с одновременной регистрацией) поведения и местонахождения посетителей вечеров танцев во всех открытых помещениях клуба; 2) формализованный и выборочный опрос посетителей вечеров и работников клуба.

Рассмотрим сперва применение и основные результаты методики наблюдения. В течение вечера танцев проводились наблюдения через каждые 30 минут (6-7 сеансов за вечер).

В каждом сеансе наблюдения на план клуба наносилось место пребывания всех одиночек, общающихся пар (разного пола) и групп, находившихся в момент наблюдения в помещениях вне зала (в фойе, в буфете или кафе, в помещении для курения и т.д.). Про зал в это же время фиксировалась конфигурация и состав стоящей толпы, занимаемая ею площадь, а также заполненность рядов сидений в зале. Регистрировали также наличие танца или перерыва в момент наблюдения, степень освещения помещений, уровень громкости музыки и другое. Наблюдения в каждом из клубов проводились за четыре вечера танцев.

Обобщение результатов наблюдения и сопоставления их с планировочно-пространственными характеристиками клубов позволило сделать следующие выводы:

1. В зале клуба преобладает ритуальное невербальное общение в форме танца. Вербальное общение в зале минимальное из-за весьма громкой музыки. На диско-вечерах музыкальная программа (с комментариями дискора) проводится непрерывно и основная часть посетителей находится в зале в течение всего вечера (с начала танцев). На вечерах в сопровождении ансамбля образуются более длительные перерывы в танц-программе, во время которых многие посетители выходят из зала (такие вечера были в клубе Таллинского целлюлозного комбината).

2. Во время танцев в зале всегда образуется стоящая толпа людей, которая локализуется у входной двери в зал или между входными дверями зала (когда дверей 2 или 3). В среднем толпа занимает в разных клубах 10-25% площади зала. Толпа представляет собой поляризованную массу людей, наблюдавшую происходящее в зале. В толпе человек имеет довольно открытое визуальное поле; в то же время он сам не экспонирован к остальным посетителям. В толпе больше отмечаются мужчины, которые склонны к информационно-поисковому поведению и меньше к экспонированию самого себя. При достижении толпой определенной "толщины", она начинает удлиняться, распространяться по краю стены - максимально изолированные места за толпой, в углу и нишах избегаются.

3. Рассматривая среднюю заполненность рядов стульев в зале отметили, что близсценовые ряды заполнены в среднем

меньше, чем ряды стульев в сторону выхода. Находящаяся у входа в зал толпа и сцена (где играет музыка, стоят дискоры и репродукторы или находится ансамбль) являются как бы "полюсами" танц-зала. Преимуществом "толповой" стороны является наибольшая свобода выбора:

- 1) хороший визуальный обзор как на зал, так и на сцену;
- 2) неэкспонированность;
- 3) возможность легче выйти из зала.
- 4) более отдаленный пункт зала от сценических репродуктов, музыка слышится не так громко, можно немного разговаривать.

В рядах около сцены человек более экспонирован, но в то же время имеет меньшую степень свободы выбора в своем поведении.

4. Средняя занятость сидений за вечер не зависит ни от площади зала, ни от числа посетителей вечера. Она оказывается обратно пропорциональной по отношению к площади, занятой стоящей толпой. Чем больше стоящая толпа, тем меньше заняты сидения; и наоборот, чем больше заняты сидения, тем меньше толпа.

В клубе Морского района недоразвиты подсобные помещения и основная часть нетанцующих посетителей вынуждена находиться в зале. Тем не менее ряды сидений не всегда заполнены. В зале только три ряда стульев, четвертая сторона зала образует сцену. Таким образом, два ряда ведут к сцене и не заполняются. Третий ряд отчасти остается за толпой и также часто не заполняется. К тому же большим числом стоящих создается как бы "норма" стояния, сидеть (особенно одиноким) как-то неудобно.

В "Сыпрусе", где большой зал относительно незаполнен, также отмечается за вечер много стоящих и меньше сидящих посетителей. Условия незаполненности создают для сидящих на сценической стороне особо экспонированные условия. Крупный зал как бы принуждает посетителей (а "Сыпрус" посещают в основном ученики средних школ) держаться вместе, не отделяться - это, по-видимому, и образует толпу и заполняет ряды лишь напротив сцены.

В клубе Целлюлозного комбината, где средний по величине

зал в среднем заполнен посетителями, отмечается наиболее высокий коэффициент занятости сидений и наименьшие средние размеры толпы. В этом клубе при наблюдении на трех вечерах играл оркестр, что создавало более организованную форму вечера (перерывы между отдельными танцами) и содействует выбору "своего места" в зале, откуда приглашают или откуда идут танцевать и куда возвращаются после танца. Форма диско-вечера (в остальных клубах) не регламентирует длительности одного танца, музыка играет почти непрерывно, а промежутки заполняются комментариями дискора. Возможность наряду с танцевальной слушать также популярную музыку и возможность в любой момент включиться в танцы, как бы сближает танцующих и нетанцующих. Последние, стоя в постоянно изменяющей свою величину и форму толпе, чувствуют себя также равноправными участниками диско-вечера. Многие из участников таких вечеров считают (как показал опрос), что потребности в сидении в зале у посетителей нет.

В среднем малая величина толпы в клубе Целлюлозного комбината может в некоторой степени зависеть и от хорошо развитых внезаловых помещений, которые занимают 57% общей площади клуба.

5. Сопоставляя между собой общую площадь внезаловых помещений и среднее число посетителей, находящихся вне зала за одно наблюдение, обнаруживается линейная зависимость. Чем больше подсобные помещения клуба, тем выше и число посетителей, пребывающих вне зала. В то же время последний показатель не зависит от общего среднего числа посетителей клуба и величины зала. Если в зале по отдельным клубам приходится от 0,8 до 1,6 посетителей на 1 кв. метр, то во внезаловых помещениях (рассматривая лишь находившихся вне зала посетителей) во всех клубах приходится в среднем по 0,2-0,3 человека на 1 кв.м. Другими словами, средняя "загруженность" подсобных помещений оказывается (независимо от площади клуба в целом и его отдельных помещений, а также от числа посетителей) константным.

Надо однако оговориться, что число посетителей вне зала представляет собой средний показатель по всем моментам

наблюдения. В отдельные моменты действительное число людей вне зала может оказаться больше, но в среднем сохраняется приведенная зависимость.

Эти же данные показывают, что зал оказывается наиболее перегруженным помещением клуба, где иногда приходится почти по 2 человека на I кв. м. (в университетском клубе). Внезаловые помещения не являются постоянно загруженными, туда посетители выходят время от времени. О необходимости пространства для других видов деятельности, кроме танцев, свидетельствует тот факт, что при наличии внезаловых помещений, их использовали и во время танцев. Например, в клубе Целлюлозного комбината доля посетителей, находившихся вне зала во время антракта, составляла 22-24%, во время танцев - 17-20%. О потребности во внезаловых помещениях, как мы покажем ниже, свидетельствуют и данные опроса.

6. Разные внезаловые помещения используются с неодинаковой интенсивностью. Маленькие помещения гораздо больше "загружены" посетителями, чем большие (здесь на I кв.м. людей в 3-4 раза больше, чем в больших помещениях). Некоторые помещения меньше выбираются из-за интенсивности света (напр., фойе клуба "Сыпрус"); но мало используется и сравнительно большое квадратное фойе клуба Целлюлозного комбината.

7. Вне зала развито в основном вербальное и невербальное свободное общение, а также - отделение одиночек от толпы в зале. Чем больше развиты внезаловые помещения, тем больше среди находящихся вне зала людей доля общающихся, т.е. пар или групп, по сравнению с одиночками. Если в клубе морского района доля одиночек 51%, а общающихся - 49%, то в клубе "Сыпрус" - соответственно 14% и 85%. Это указывает на влияние условий физической среды на форму деятельности людей. Рост общающихся вне зала посетителей зависит, конечно, и от многих других факторов, кроме площади внезаловых помещений, но наличие последних необходимо.

8. Можно также обнаружить некоторые тенденции в локализации одиночек. Если подразделить внезаловые помещения на более отделенные (кафе, гардероб) и на более "открытые" (фойе, коридор), то оказывается, что одиночек в первых относительно меньше, во вторых - относительно больше. Если при-

нимать в качестве двух основных функций для человека при посещении клуба в ы б о р партнера и взаимное о б щ е н и е, то можно дать и некоторое объяснение вышеупомянутой тенденции. Для одиночек главным является экспонирование себя, а также хороший визуальный контакт с другими. Для этого больше подходят "открытые" помещения вблизи зала, которые сравнительно больше и светлее (сюда можно добавить, что одиночки меньше сидят-стоят и больше двигаются, что также содействует функции выбора). Как выяснилось из опроса, более склонны к пребыванию в фойе женщины старше 20 лет (см. ниже).

9. Как одиночки, так и общающиеся пары и группы локализуются преимущественно вблизи стен, у спецобъектов (столы, стулья, пепельница). Во всех клубах, кроме университетского, в таких местах было более 90% всех наблюдаемых единиц. В университетском клубе эта цифра составляла 61%, что объясняется переполненностью клуба посетителями и большой расчлененностью внезального пространства. Пространство в центре помещений во всех клубах мало используется, особенно это относится к большим фойе (напр., в клубе Целлюлозного комбината).

10. Из находившихся во время наблюдения в центре помещения основную часть составляли общающиеся группы. По-видимому, для одиночек нахождение в центре помещения слишком "открытое" - их там не отмечается.

II. Все данные наблюдения имеют усредненный характер, т.е. они представляют собой средние показатели из нескольких разовых наблюдений в течение всего вечера (по разным вечерам). Данные некоторых конкретных наблюдений иногда резко отличаются от среднего показателя, ставя последние под сомнение (напр., заполненность отдельных внезаловых помещений сильно колеблется даже за короткий промежуток времени) и затрудняя его интерпретацию. В дальнейшем необходимо, по-видимому, более подробно изучить тенденции в изменении во времени разных показателей наблюдения.

Наряду с наблюдением и фиксацией пространственного поведения посетителей вечеров танцев в клубе, представлялось необходимым проведение небольшого опроса участников и органи-

заторов вечеров для выявления их оценок и ориентаций по отношению к пространственной организации разных видов деятельности в клубе.

Выработанная нами для опроса посетителей клубного вечера анкета "Танцы, музыка и пространство" состоит из 25 вопросов, которые подразделяются на 52 единичных признака. В первой части вопросника выясняется, является ли опрашиваемый постоянным или случайным посетителем данного клуба; что является для него критерием выбора подходящего вечера танцев; ансамбль (дискор), компания или помещения клуба; предпочитает ли он вечер с программой или просто вечер танцев, вечер в сопровождении ансамбля или с дискомузыкой. По отношению данного клуба спрашивается далее, нормальной ли воспринимается громкость музыки в зале и степень освещенности в зале и в фойе, считают ли зал и фойе клуба подходящими по размерам для вечера танцев. Далее выясняется предпочтение переполненного посетителями или незаполненного клубного вечера, и сколько опрашиваемый находится в течение вечера в зале или в фойе. Затем предлагается на выбор один большой зал или несколько маленьких (при этом с разной музыкой или с разными кампаниями) и выясняется, необходима ли возможность слушания музыки из зала в других помещениях клуба.

Во второй части вопросника выясняется потребность посетителей во время вечера танцев в курении, уединении, играх в настольные игры и чтении газет-журналов, в игровых автоматах, просмотре телевизора, сидеть-отдыхать, иметь "свое место", оставить вещи, в посещении буфета, места для приведения себя в порядок, использовании телефона. При положительном ответе на какую-либо из потребностей выясняется предпочитаемое расположение места для ее удовлетворения в клубе - в зале, в фойе или в отдельном помещении. Про буфет спрашивается еще дополнительно о продаже там алкогольных напитков и об устройстве буфета: стоя, за стойкой, за столом. В качестве контроля, а также для выявления интенсивности потребности респонденту задается вопрос - просьба отметить (в порядке важности) лишь те из перечисленных возможностей, использованием которых он был бы согласен даже за счет сокращения площади для танцев (зала).

Третья часть анкеты состоит из заключительного вопроса, где приводится описание двух противоположных по своей пространственной организации клубов - "совмещенного" и "раздельного" - и просят выбрать один из них. Вопросник заканчивается данными о поле, возрасте, образовании и форме занятости (учащиеся или работающие) отвечающего.

С этим вопросником в клубе обследовано сто посетителей вечера танцев, и 25 клубных работников. В одном клубе опрос завершили в один или два вечера отдыха, в основном за время до действительного начала танцев, когда народ собирается и немного скучает. В это время посетители охотно берутся за анкеты и подробно их заполняют. Респонденты выбирались случайно и лишь в общих чертах отражают характеристики всего контингента.

Мужчин среди опрошенных оказалось примерно 40%, женщин - соответственно 60%. По отдельным клубам существенных различий не было. Более 60% были в возрасте до 20 лет, 40% - старше. Молодежными можно считать клубы "Сыпрус" и Целлюлозного комбината, что соответствует реальному положению. Более "взрослый" контингент отмечается в клубе морского района, куда и официально пропускаются только лица старше 20 лет.

Учащиеся (ученики и студенты) составляют также более 60%, а трудящиеся до 40% всех опрошенных. Почти 90% опрошенных имеют образование 9-II кл., т.е. учатся или уже закончили среднюю школу.

Поскольку, как показал анализ, мнения и оценки учащихся и трудящихся в среднем существенно не различаются, то основные демографические группы образуются из поло-возрастного состава. При этом оказывается, что группа женщин до 20 лет в два раза больше остальных групп и составляет более 40% всех опрошенных (группы мужчин до 20 лет, старше 20 лет и женщин старше 20 лет составляют каждый около 20%). Примерно так это и в действительности - молодые женщины составляют значительную часть посетителей молодежных клубов.

Результаты опроса сводятся к следующему:

I. Опрос показал, что пространственные условия не являются осознанно определяющим фактором при выборе посетителями подходящего клуба. В клубе морского района определяющей ока-

зывается "кампания". Это постоянные посетители (возраст старше 20 лет) маленького по размерам клуба (80% из опрошенных являются постоянными посетителями). В "Сыпрус" и в университетском клубе при выборе доминирует ансамбль (дискор), что сказывается и в сравнительно большой доле случайных посетителей данного клуба - молодежь (включая и студентов) "гоняется" по разным клубам за популярными ансамблями и дискорами.

2. Как опрос, так и наблюдение доказывают существование и популярность диско-вечеров (66% из опрошенных за эту форму), как мероприятия, во многом определяющего поведение посетителей в пространстве. Диско - это саморегулирующая система поведения посетителей, непрерывно проводящаяся в зале.

Громкость музыки (а она обычно на вечерах танцев весьма громкая) почти 90% из опрошенных считают нормальной; различий по клубам нет. Таким образом, можно громкую танцевальную музыку в рассмотренных клубах считать общепринятой нормой со стороны публики. Такая музыка содержит и определенную изолирующую партнеров функцию во время танца, а в тоже время препятствует речевому общению в зале.

Освещение как в зале, так и в фойе считают нормальным 75% опрошенных. Зал считается многими посетителями чересчур светлым в клубе Целлюлозного комбината (44%), а фойе в "Сыпрус" (40%). Малая освещенность создает уютную обстановку, разделяет массу на части (по мере видимости), снижает социальный контроль над поведением. Громкая музыка и малая освещенность в зале создают оптимальные условия для невербального общения (через посредство танцев и музыки), а высокая освещенность фойе препятствует свободному общению вне зала (повышается контроль над поведением, к чему часто и стремятся дежурные работники клуба).

3. Больше претензий по отношению к размерам помещений имели посетители клуба морского района (44%) и университетского (зал - 48%, фойе - 44%), что весьма закономерно. Однако оценка величины помещений исходит не только из действительных пространственных условий, но и из психологических требований в пространстве (потребность в персональном пространстве и т.д.) 58% женщин старше 20 лет и 47% мужчин этого

же возраста считают зал слишком маленьким, в фойе им также тесновато (соответственно 47% и 42% заявлений). В то же время считают зал маленьким лишь 17%, а фойе - 19% из женщин моложе 20 лет. Видно, что возраст повышает потребность в пространстве, и что наиболее резкие возрастные различия отмечаются среди женщин - посетителей клуба. Это подтверждается и ответами на другой вопрос. Из посетителей моложе 20 лет предпочитают полный народу клубный вечер 85%, а "полупустой" зал лишь 15%. Из старших посетителей первый вариант предпочитают 68%, а второй - соответственно женщины - 32%, мужчины - 26%. Полный народу клуб (вечер) желают больше всего посетители молодежного клуба "Сыпрус", где в действительности переполненность наблюдается не очень часто.

4. Рассмотрим, каким образом вышеприведенные тенденции отражаются в конкретной планировочной установке: должен ли быть в клубе один большой или несколько малых танцзалов. В общем численное преимущество на стороне одного зала (62%), несколько малых залов желательны для 35% опрошенных.

По поло-возрастному делению в предпочтениях типа зала отмечены довольно существенные различия:

	один зал несколько залов	
	%	%
женщины моложе 20 лет	74	26
мужчины моложе 20 -"-	65	35
женщины старше 20 -"-	58	42
мужчины старше 20 -"-	37	47

Видим, что один крупный зал предпочитается больше молодыми людьми, а также женщинами; несколько малых залов, наоборот, предпочитают более старшие и мужчины.

5. Во второй части вопросника задается ряд вопросов о возможных дополнительных потребностях (кроме музыки и танцев), фиксируется степень их актуальности и желательное местонахождение пунктов удовлетворения их. Приводим сводные данные (в процентах от общего числа опрошенных):

Виды возможностей	Имеет- ся потреб- ность	Нет пот- ребнос- ти	Соору- дить за счет площа- ди за- ла	Предполагаемая локализация		
				в за- ле	в фойе	в отдель- ном поме- щении
Место для при- ведения себя в порядок	91	1	65	0	11	84
Возможность посидеть	86	3	-	32	39	17
Буфет	74	19	58	0	16	66
Телефон	66	13	41	1	34	38
Иметь зафикси- рованное "свое место"	66	20	50	35	7	30
Возможность курить	53	30	49	0	32	57
Игровые автоматы	52	20	-	1	16	48
Возможность отделения, уединения	46	15	43	3	40	33
Настольные игры и газеты-журналы	37	34	26	0	12	52
Телевизор	18	65	21	0	14	23

Из выраженных потребностей на "первое место" выходит место для приведения себя в порядок (91%). Надо сказать, что имеющиеся в рассмотренных клубах туалетные комнаты мало подходят для этой цели, там часто отсутствует даже зеркало, не говоря о других принадлежностях. По-видимому, существует весьма существенная потребность в сооружении специального помещения (84%) с несколькими индивидуализированными местами для приведения себя в порядок.

86% опрошенных отмечают потребность посидеть во время вечера танцев, хотя наблюдения показывают, что основная мас-

са посетителей проводит вечер в зале танца и наблюдая за танцами из стоящей толпы. Это подтверждают также предпочтения в локализации мест для сидения: лишь 32% считают их нужными в зале, 39% желают сидеть в фойе, а 17% даже в отдельном помещении. С сидением связана и проблема фиксации "своего" места в помещении (66% желающих), где можно было бы оставить вещи и вернуться по окончании танца. По наблюдениям такая фиксация в клубах не распространена в основном из-за малого количества стульев в зале и толпообразного расположения нетанцующих посетителей. Женщины оставляют свои сумки на подоконнике и т.п. местах в зале; фойе для этого не используется. 35% желали бы иметь "свое место" в зале, 30% - в отдельном помещении. Другая психологическая потребность выражается в удалении от других, в уединении. 46% отмечают необходимость этого, 15% отрицают такую потребность; для остальных это безразлично. В зале отделиться представляется невозможным, 40% считает для этого подходящим фойе, 33% - отдельное помещение.

Из посетителей 3/4 нуждаются в буфете. В действительности же буфет имеется только в двух рассмотренных клубах. Курить считают необходимым в клубе 53% из опрошенных посетителей, отрицают - 30%. Больше сторонников курения в клубе Целлюлозного комбината (76%), меньше - в "Сыпрус" (20%) - хотя оба являются молодежными клубами. 57% считают для курения подходящим отдельное помещение, 32% - фойе. Таким образом курение следует считать реальной потребностью части молодых посетителей клубного вечера. Неучет этого обстоятельства и отсутствие специальных помещений влечет за собой курение в тех местах, где оно неудобно и создает неблагоприятную обстановку для некурящих.

Настольные игры и чтение газет-журналов на вечере танцев котируются меньше: за - 46%, против - 34%. Игровые автоматы желательны в клубе для 52% посетителей (пока их в рассматриваемых клубах нет), 20% против их установки.

Из средств коммуникации предпочитают индивидуальные. 66% опрошенных заявили о потребности в телефоне. В действительности ни в одном из клубов телефона в распоряжении посетителей не было. Телефон способствовал бы формированию более

подходящей компании на вечере, а также уменьшил бы "текучесть" посетителей из-за неинформированности о происходящем в других клубах (особенно в Тарту).

Весьма непопулярным оказался просмотр телевизионных передач на клубном вечере. 65% опрошенных посетителей отрицают эту потребность и лишь 18% заявляет о ней. Встречались и приписки типа: "мы приходим на вечер танцев не для того, чтобы смотреть телевизор". Работники клуба это хорошо понимают - ни в одном из клубов телевизора в распоряжении посетителей нет.

6. На основе приведенных данных можно сделать вывод об основных предпочитаемых функциях разных помещений клуба. В зале, кроме музыки и танцев, примерно 1/3 посетителей желали бы иметь возможность посидеть и зафиксировать "свое место". В фойе 40% участников вечера предпочитают иметь возможность сидеть и отделяться от основной массы. В фойе мог бы быть телефон и место для курения (если имеется вентиляция). Отдельные помещения требуются для приведения себя в порядок, для буфета и для курения. Можно было бы соорудить и специальную комнату аттракционов и настольных игр. Удовлетворение потребности отделиться и иметь "свое место" целесообразно соединить, с одной стороны, с буфетом, в форме кафе (наиболее уютное кафе сейчас в "Сыпрус"), с другой стороны, с помещением для приведения себя в порядок, где могли бы быть специальные шкафчики, чтобы положить сумочки и т.п. личные вещи с удобной возможностью их достать.

7. Рассмотрим теперь коротко, какие различия в потребностях отмечались по поло-возрастному делению опрошенных. Больше всего нуждаются привести себя в порядок молодые женщины до 20 лет (98%). Они также больше хотят иметь эту возможность в отдельном помещении (95%). 40% из них желали бы иметь "свое место" в отдельном помещении, 26% хотели бы в таком помещении посидеть. В то же время лишь 61% из них сторонники буфета (10% - с алкоголем), а 30% отрицают необходимость буфета. Потребность в отделении мало развита (36%). Из всего этого можно заключить, что именно молодые женщины оказались бы потребителями многофункционального помещения для приведения себя в порядок.

Для женщин старше 20 лет характерна склонность к пребыванию в зале или в фойе и отрицание отдельных помещений. "Свое место" в зале желает иметь 53% из них. "Посидеть" и "отделиться" они предпочитают в фойе (63%). В буфете они предпочитают бар со стойками (58%).

Мужчины моложе 20 лет склонны к отделению компаниями. Они отрицают необходимость "своего места" как в зале, так и в фойе, но предпочитают отдельное помещение для буфета (80%) и для курения (85%). В то же время они наиболее сильно настроены против настольных игр и чтения периодики (50% отрицают потребность в этом).

Мужчины старше 20 лет больше заявляют о потребности отделиться (63%); они также сторонники настольных игр и чтения газет-журналов (63%), причем хотят иметь последнюю возможность в отдельном помещении (68%). В отношении курения мнения этой группы отвечавших резко различаются: 42% отрицают курение в клубе, зато 47% считают нормальным курение в фойе.

Выявленные предпочтения, а также наблюдение за поведением позволяют установить гипотетические "модели поведения" поло-возрастных групп в клубе:

1) женщины моложе 20 лет - в основном находятся в зале танца, время от времени уходят группами в отдельное помещение, чтобы немного отдохнуть и привести себя в порядок;

2) женщины старше 20 лет - в основном в зале, сидя или танцуя, наряду с этим уходят (обычно вдвоем) в фойе и беседуют сидя отдельно;

3) мужчины моложе 20 лет - в зале стоя, уходят группами в буфет или курить, где обсуждают что-либо, спорят и т.д.;

4) мужчины старше 20 лет - в зале, танцуя или стоя, уходят по одному курить, в комнату игр или буфет, где пребывают в одиночестве, или же находят собеседника опосредованно (через настольные игры, алкоголь, курение и т.д.).

Приведенные "модели поведения" - это лишь тенденции к какому-то образу поведения, характеризующему не всех представителей данной поло-возрастной группы. Могут иметь место случаи, где биологический возраст не соответствует социальному, по другому ведут себя также пары и группы с разным

половым составом.

8. В заключительной части вопросника приводится описание двух разных планировочных решений клуба. В одном из них все функции сведены в одно помещение, в универсальный зал; другой состоит из множества небольших помещений, каждое из которых имеет свою функцию. Мы выдвинули также гипотезу, что ответы на предыдущие вопросы логически приведут к предпочтению одного из сводных типов клуба, или по крайней мере обнаружится связь между ними и выбором клуба.

В общем "голоса" разделяются почти поровну: 43% за объединенный, 46% — за отдельный клуб. 11% опрошенных были не в состоянии осуществить выбор. Больше различий в предпочтениях оказывается по поло-возрастным группам, и особенно в старшем возрасте. Женщинам старше 20 лет нравится объединенный клуб (68%), мужчинам того же возраста — отдельный клуб (68%). С посетителями моложе 20 лет дело обстоит наоборот (хотя проценты не так выразительны): мужчины предпочитают объединенный (55%), а женщины — отдельный (52%) клуб,

Выбор посетителей старшего возраста представляется весьма логичным. Желание отделиться у мужчин и склонность женщин далеко не отходить от зала подтверждается предыдущими ответами. Различия в выборе типа клуба молодыми посетителями не так хорошо объяснимы; имеются и определенные противоречия с предыдущими их высказываниями. Так, например, из женщин моложе 20 лет (предпочитающих преимущественно отдельный клуб) все же 74% заявили о выборе одного большого танцзала, 86% хотели бы участвовать в танцах в зале полным народом. Эти противоречия говорят о том, что на выбор влияет некоторое общее представление о клубе, образ клуба. При ответах на конкретные вопросы доминирует, по-видимому, образ реального клуба, который больше сходен с отдельным типом. Но при выборе типа идеального клуба (представленного в форме описания), по-видимому, создается целостный образ объединенного клуба (который реально не существует, если не рассматривать рестораны-варьете), который способен изменить уже сложившиеся установки.

Объяснения своего выбора отвечающими позволяет выявить основные требования к клубу: "хорошо быть всем вместе",

"иметь возможность наблюдать за происходящим"; функции клуба все же не должны мешать одна другой — необходима какая-то от-деленность, но все функции в то же время должны быть "под рукой", не изолировать посетителей, а создавать возможность отделиться в более интимной обстановке.

9. Анализ результатов опроса работников клубов (использовался тот же вопросник) выявил существенные отличия в их взглядах на клубный вечер, по сравнению с посетителями клуба. Из работников клубов 90% предпочитают вечера с программой, 70% из них выбирают вечер в сопровождении инструментального ансамбля или оркестра, а лишь 17% предпочитает диско-вечер. 74% клубработников предпочитают в клубе несколько залов (меньших размеров), 17% — один более крупный зал.

Основная часть клубработников (74%) выбирает отдельный тип клуба. Более частым обоснованием при выборе отдельного клуба выступает отрицание объединенного клуба из-за того, что разные функции мешают друг другу.

Сравнивая мнения клубработников о разных потребностях посетителей оказывается, что клубные работники охотно предложили бы посетителям возможность отделиться (90%) от других в основном в отдельные помещения (62%), посмотреть телевизор (70%), поиграть в настольные игры, почитать (70%), посетить буфет и т.д. Недооценивается потребность посетителей посидеть "просто так" (лишь 48%). Заметно, что работники клуба исходят в своих мнениях из собственной модели поведения посетителя, не совпадающей как с реальным положением на вечере танцев, так и с предпочтениями самих посетителей. Они охотно расчленили бы массу посетителей в различные подсобные помещения, предлагая им в них разного рода занятия; это по-видимому, объясняется их обязанностями и функцией в клубе — организовать, заполнять содержательно проведение свободного времени молодых посетителей. В действительности же клубработники сталкиваются с формой вечера танцев (особенно при диско-вечерах), где их организаторская помощь не нужна, они как бы остаются в стороне, вытесняются из зала, где "творятся саморегулирующиеся" события, и лишь следят за порядком в клубе.

В заключение отметим, что все конкретные выводы данной работы имеют по существу гипотетический характер и нуждаются в перепроверке более точными и массовыми методами. Результаты настоящего исследования все же показывают, что пространственные условия клуба во многом определяют поведение посетителей клубных вечеров. С другой стороны, — из различных типов поведения (общие закономерности поведения на вечерах танцев, разница в поведении половозрастных групп) исходят и разные требования к функционально-пространственной организации клубных помещений. Поскольку эти требования во многом варьируют и внутри контингента посетителей одного клуба, наиболее приемлемым представляется такой клуб, где имеется возможность выбора различных способов поведения, удовлетворения разных потребностей.

В настоящее время исследование психологических проблем строения клубных помещений также продолжается авторами и при кафедре педагогики и психологии Таллинского Педагогического Института по заказу институтов ЦНИИЭП зрелищных зданий и МНИИП объектов культуры. Под наблюдение взяты пространственные аспекты работы кружков и самодеятельных коллективов, взаимное общение участников в клубной деятельности.

О НАДЕЖНОСТИ МЕТОДИКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО

ДИФФЕРЕНЦИАЛА

В. Круусвалл

При изучении отношения людей к весьма разного рода сложным объектам (напр., художественные произведения, архитектурные ансамбли, тексты газет или книг и т.д.), широко используется набор альтернативных шкал с семью градациями, выработанный Эсгудом с сотрудниками и названный ими семантическим дифференциалом. Поскольку такого рода шкалы фактически складываются из трех компонентов (обе противоположные оценки и нейтральная точка), то основная проблема их надежности содержится в вопросе об единстве шкалы и однозначности полученных ею данных.

"Авторы методики СД считают, что значение изменяется по определенным, общим для всех понятий психологическим континуумам," — каждый из которых "...можно представить себе в виде шкалы, крайние точки которой определены двумя противоположными по значению прилагательными типа "хороший — плохой", "тяжелый — легкий" ... Такую шкалу удобно разделить на равные интервалы и каждому интервалу приписать число. Средняя точка шкалы будет точкой индифферентности и ей удобно приписать число 0. Поскольку эта точка свидетельствует об отсутствии какой-либо связи между оцениваемым понятием и данным континуумом, можно предположить, что средние точки всех шкал равнозначны, т.е. что они сливаются в семантическом пространстве в одну точку, которая тем самым является точкой пересечения всех континуумов, или центром СП / 2 /.

Позволим себе теперь высказать сомнение в приведенных рассуждениях. Уже в примере построения шкалы, предложенном авторами / там же/, средняя точка определяется двояко:

- 1) 0 = ни холодный, ни теплый
- 2) 0 = и холодный, и теплый.

В первом случае действительно намечается индифферентность шкалы по отношению понятия, в то время как во втором случае имеет место определенная "нейтрализация" одинакового количества "холодных" и "теплых" ощущений. Имея в виду то,

что СД применяется для оценки очень разнообразных понятий и объектов (включая художественные произведения), очень трудно поверить, что полученное отражение даже в смысле "аффективной и эмоциональной" реакции представляет собой единую и целостную ассоциативную связь между оцениваемым понятием и соответствующим прилагательным". По мере существования феномена "нейтрализации" нельзя также утверждать, что местоположение понятия на шкале означает интенсивность его значения по данному признаку. Балл "-1" может означать и операцию $(+2)+(-3)$.

Исходя из вышесказанного представляется целесообразным, наряду с баллом значения понятия (объекта) по шкале СД, ввести дополнительный параметр — напряженность значения (НЗ), измеряющий абсолютную величину "нейтрализовавшихся" в данном значении альтернативных оценок. В предыдущем примере значением "-1" сопровождается $НЗ = 2$.

Заметим далее, что:

1) НЗ является свойством оцениваемого понятия (объекта) — а не шкалы — по отношению к респонденту. Разные понятия могут иметь разные НЗ по одному же параметру СД. НЗ определенного понятия может различаться у разных респондентов;

2) если наличие НЗ будет экспериментально доказано, то расстояние между понятиями (объектами) в СП перестанет быть инвариантным и семантическое пространство превратится в семантическое поле, где, наряду с расстоянием, следует учитывать и НЗ, как некоторый "потенциал" возможного "передвижения" понятия в этом пространстве. По всей вероятности, может быть применен и математический аппарат теории поля (градиенты), векторного вычисления и т.п.

Следует отметить, что авторы СД подошли довольно близко к параметру НЗ. Апресян / I / реферирует их попытку описать оценку комбинации слов через оценки на оба слова отдельно. Они рассматривали объединение имен прилагательных с существительными. Оказалось, что значение словосочетания выражается формулой:

$$d_m = \frac{|d_1|}{|d_1| + |d_j|} \cdot d_1 + \frac{|d_j|}{|d_1| + |d_j|} \cdot d_j, \quad (1)$$

где d_m —расположение сочетания слов "1" и "j" на шкале,

d_1 — расположение слова "1",

d_j — расположение слова "j",

Легко убедиться в том, что, если "1" и "j" расположены на шкале в противоположных сторонах от точки нуля, то

$$d_m = d_1 + d_j \quad (2)$$

и d_m — всегда целое число.

НЗ словосочетания вычисляется следовательно:

$$\text{НЗ} = |d_1 - d_m|, \text{ если } \frac{|d_1|}{|d_j|} > \frac{|d_j|}{|d_1|} \\ \text{или } \text{НЗ} = |d_j - d_m|, \text{ если } \frac{|d_j|}{|d_1|} > \frac{|d_1|}{|d_j|}.$$

Предпримем теперь следующий шаг. Допустим, что нам предстоит оценить некоторый сложный объект (например, живопись) по шкале СД — "холодный — теплый". Эту оценку мы можем себе представить, например, в виде сочетания прилагательного с существительным: "холодная живопись". Значение этого сочетания на шкале "холодный — теплый" будет зависеть от значений обоих слов в отдельности, т.е. иметь вид объединения двух прилагательных "холодная — теплая" по формуле (I) (в случае оценки живописи одновременно и "теплая"). Местоположение обоих прилагательных на шкале в свою очередь определяется сочетанием имен числительного с прилагательным. Как показал с помощью метода СД Клифф (цит. по / I /), последние объединяются не аддитивно, а мультипликативно. Следовательно, шкала СД представляет собой объединение двух мультипликативных шкал:

-3	-2	-1	0	1	2	3
очень холод- ный	в сред- нем хо- лодный	немно- го хо- лодный		немно- го теп- лый	в сред- нем теплый	очень теп- лый

Если мы оценили использованные в живописи холодные тона "в среднем холодными", а теплые - "очень теплыми", то сводная наша оценка по шкале СД принимает вид "в среднем холодный очень теплый" и сводный балл можно вычислить по формуле (2):

$$d_{\text{ш}} = (-2) + 3 = 1.$$

Напряжение сводно-о значения будет соответственно равно:

$$H3 = 3 - 1 = 2.$$

Для превращения такой операции в явную, доступную исследователю форму, следует предлагать респонденту оценить понятие (объект) отдельно по обоим противоположным шкалам. При таком измерении может иметь место некоторый сдвиг значения (СЗ), т.е. значение, полученное с помощью формулы (2), может отличаться от значения понятия (объекта) при прямой (неявной) оценке по методу СД. Наличие СЗ свидетельствует, по-видимому, о влиянии НЗ на пространственную локализацию понятия в СП, а, следовательно, и на СП в целом. "Пространство" искажается под влиянием "напряжения".

Следует полагать, что дойти до таких выводов препятствовала авторам методики СД интерпретация оценок по шкалам СД, - как слияния красок (черный + белый = серый, т.е. нейтральный тон) / 3 /.

Для практического доказательства наличия НЗ и СЗ мы провели в 1974 г. небольшой эксперимент. 17 студентам II курса отделения психологии было предложено оценить следующие 7 предложений, выражающих состояние или вид деятельности:

- А - ходить в театр
- Б - быть в ссоре с любимым
- В - собирать марки
- Г - отсутствовать на лекциях
- Д - учитывать советы родителей
- Е - быть активистом в студенческой жизни
- Ж - быть талантливым

По следующим 7 полярным шкалам:

1. плохой - хороший
2. сильный - бессильный
3. активный - пассивный
4. редкий - частый
5. ненормальный - нормальный
6. для студента
важный - неважный
7. для меня
важный - неважный.

Предложения выбирались таким образом, чтобы:

1) они представляли собой некоторый ряд удаляющихся сфер от личности: "Я" - Я, любовь - Б, семья - Д, занятия в университете - Г, общественная работа - Е, культурная жизнь - А, увлечения - В;

2) среди них были бы представлены как более общие (многозначные) выражения (Е, Д, Г), так и более конкретные (А, Б, В);

3) среди них были бы представлены как общественно нормированные (Г, Д), односторонне оцениваемые (Е, Б), так и относительно "добровольные" (А, В);

4) некоторые предложения были бы даны в отрицательной форме (Б, Г).

Из выбранных шкал три первых представляют три основных фактора (оценки, силы, активности) СД, которые мы решили дополнить признаками частоты (4) и нормативности (5. и 6. шкалы) явления и значимости ее для личности (7).

Шкалы были представлены в следующих формах (ответы собирались после каждого этапа):

1) все шкалы классическим семибалльным образом СД;

2) мультипликативные шкалы от 0-3 баллов для отдельного измерения интенсивности значений: "плохой"; "сильный", "активный", "редкий", "ненормальный", "важный для студента", "неважный для меня";

3) то же для отдельного измерения интенсивности значений "хороший", "бессильный", "пассивный", "частый", "нормальный", "неважный для студента", "важный для меня";

4) было предложено из всех парных комбинаций всех предложений выбрать "лучший" (например, А или Б, А или В, ... , Б или В, ... Е или Ж), "бесильное", "частое", "пассивное", "нормальное", "менее важное для студента", "важное для меня", "хуже", "сильное", "редкое"; "активное", "ненормальное", "более важное для студента", "неважное для меня".

НЗ вычитывали, сравнивая соответствующие результаты методик 2 и 3. СЗ вычитывали сравнивая результаты методики I (прямая оценка) и суммируя соответствующие значения методик 2 и 3 (сводная оценка). Методика 4 использовалась как дополнительная, повышающая надежность предыдущих.

Суммарно по всем предложениям и шкалам было выявлено 215 баллов НЗ, которые распределялись по опрошенным от I до 33 баллов на индивида. Немного больше оказалось НЗ у мужчин, сравнительно старшего возраста. По предложениям и шкалам НЗ распределились следующим образом:

Таблица I

Шкала Пред- ложение	I.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	
А	-	4х	-	4	I	I	3х	I3
Б	-	6	4	4	6х	4	3	27
В	2	-	2	9хх	5	3	I	22
Г	5	4х	4х	8хх	5	8х	I4ххх	48
Д	8	4	7	I0х	4	I0х	7	50
Е	7	3	2	6х	3	6х	4	3I
Ж	2х	I	4	8х	-	3х	6	24
	24	22	23	49	24	35	38	215

х - отмечено наличие двухбалльных НЗ среди общего балла, который в основном складывается из однобалльных НЗ.

Наиболее часто НЗ отмечается при общественно нормированных предложениях (НЗ_Д = 50, НЗ_Г = 48), затем следует

общественно оцениваемые ($H3_E=31$, $H3_B=27$). Из шкал наибольшая "нагрузка" $H3$ намечается по шкале частоты ($H3_A=49$), которая по существу измеряет степень наличия выраженного предложением состояния или вида деятельности, и по шкалам "важности" (6 и 7). Последнее подтверждает связь между значимостью объекта оценки для личности и $H3$. По шкале частоты, как видно, наивысшее $H3$ имеют "редкое" В ($H3_4 = 9$) и "бесчастотное" Д ($H3_4 = 8$). По шкалам "важности" студентам по-видимому, очень трудно однозначно решить значимость посещения лекций для себя ($H3_{17}=14$), поскольку лекции весьма разнообразные, они также не могут твердо решить, насколько важно для студента вообще учитывать советы родителей ($H3_{10}=10$).

И, наконец, интересно отметить, что все три "факторные" шкалы СД (1., 2., 3), а также шкала нормальности (5), которая по существу относится к оценочному фактору, имеют в среднем почти одинаковый балл $H3$ (22-24), хотя вариация по отдельным предложениям между ними довольно высокая. Это как бы еще раз подтверждает инвариантность $H3$ по отношению шкалы и ее связанность с объектом оценки - конкретным предложением. СЗ

СЗ суммарно было обнаружено 668 баллов. Вариация по опрошенным колебалась от 27 до 59 баллов на индивида. Мужчины имели более высокий уровень СЗ (от 47 до 59), чем женщины. По предложениям и шкалам распределение было следующим:

Таблица 2

Пред- ложения \ Шкалы	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	
А	6	11	10	8	2	6	9х	52
Б	10	17	16	8	14	15	11	91
В	19	14	21х	15	19х	17	13х	118
Г	14	19	15х	22х	14	11	16	111
Д	13	8	16	18х	11	14	19х	99
Е	18х	19	6	12	17х	17х	15	104
Ж	6	15х	17	11	21х	12х	11	93
	86	103	94	101	98	92	94	668

х = отмечено наличие СЗ = 4, 5 или 6 баллов.

Отметим сперва довольно высокий уровень СЗ — почти 40 баллов в среднем на каждого индивида или почти 1 балл в среднем на каждый данный ответ. Это указывает на сравнительно низкий уровень надежности полярных шкал оценок, в том числе и шкал СД. Суммарные баллы СЗ распределяются по отдельным шкалам довольно равномерно (от 86 до 103).

При сравнении отдельных предложений по СЗ между собой особый интерес представляет, конечно, влияние степени НЗ на величину СЗ. Как видим, все же однозначной связи между ними не обнаруживается. Если для предложения А низкое суммарное НЗ сопровождается и более низким СЗ, а для предложений Г и Е высокое НЗ сопровождается высоким СЗ, то В выделяется низким НЗ и высоким СЗ, а Д, наоборот высоким НЗ и низким СЗ.

При оценке В (собирать марки), по-видимому, легко выбирается полюс, но неоднозначно оценивается интенсивность значения. Это свидетельствует о малом значении филологии для студентов (по шкале 7. НЗ = 1).

При оценке Д (учитывать советы родителей) более трудным кажется однозначно осуществить выбор полюса, чем оценить интенсивность последнего (хотя баллы СЗ для Д по большинству шкал довольно высокие — основной "недостаток" намечается только при оценке "сильный — бессильный").

По третьему, дополнительному методу были созданы шкалы упорядочения на основе парных сравнений предложений отдельно по обеим противоположным оценкам (например, упорядочение предложений по ответам на вопросы "которое из двух предложений сильнее?" и упорядочение по ответам на вопросы "которое из двух предложений бессильнее?"). На основе сравнения двух иерархий предложений (одна из которых была перевернута) высчитался сдвиг расположения (СР) как разница в позициях данного предложения в иерархиях. Всего удалось обнаружить 635 баллов СР, которые по индивидам распределялись от 8 до 58 баллов (в среднем 37 баллов на каждого). В таблице 3 приводится распределение СР по предложениям и шкалам:

Таблица 3

Пред- ложения \ шкала	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	
А	9	19	11	9	18х	20х	10	96
Б	11	21х	8	8	11	14	10	83
В	11	20	16	7	19	8	4	85
Г	17	15х	16	5	18	21	17х	109
Д	14	18х	10	5	11	9	20	87
Е	11	13х	5	17	18	15	12	91
Ж	13х	14	12	5	11	22х	7	84
	86	120	78	56	106	109	80	635

х - отмечено наличие СР = 4 или 5 баллов

Наличие СР как дополнительного показателя подтверждает гипотезу о существовании СЗ в результатах оценки с полярными шкалами. По предложениям разброс суммарного СР оказывается меньше, чем разброс СЗ. Подтверждается только более высокий СР для Г ("отсутствовать на лекциях"), для Д СР даже сравнительно ниже, чем СЗ.

Больше, чем при СЗ, получается разброс СР по шкалам. Ниже оказывается СР при шкале 4. (частый - редкий), выше при шкале 2. (сильный - бессильный). Для объяснения последнего заметим, что метод парных сравнений является по существу методом "без нуля" - респондент не имеет возможности не ответить (дать нейтральный ответ), из каждой пары он должен осуществить выбор одного предложения. Поскольку для шкалы 4. НЗ было наивысшее (49 баллов), а СР - наименьшее (56 баллов), то из этого можно заключить, что шкала частоты по существу не является оценочной (выбор полюса затруднен) и ее следовало бы построить не линейным, а мультипликативным образом :

от самой маленькой частоты до самой большой *.

Со шкалой 2. дело обстоит наоборот. Сравнительно точно выбирается полюс ($H3 = 22$, не превышая 6 баллов на одно предложение), но не совпадают оценки интенсивности по обоим полюсам ($C3 = 103$, $CP = 120$). По-видимому, выражение о том, кажется ли объект "х" "сильным" или "бессильным", дается на другой основе, чем оценка объекта "х" "очень сильным" или "более сильным", чем "ч" ("х" сильнее "ч" не всегда означает, что "ч" бессильнее "х").

Приостановим здесь наши рассуждения, хотя из приведенных трех таблиц можно было бы получить сколько угодно разного рода выводов (в том числе и чисто спекулятивных). Все данные тут в статистическом смысле, конечно, недостоверные — обследовано слишком мало людей, применено мало шкал и предложений. Ценным, на наш взгляд, представляется лишь доказательство существования самих $H3$, $C3$ и CP , а также примененная для их выявления методика.

Для дальнейших исследований в данной области выделим гипотезы о некоторых причинах повышения $H3$ при оценке полярными шкалами.

А. Причины, связанные с объектом оценки:

1) объект (понятие) задан в слишком объемистой форме (много разнообразных элементов, много разных аспектов оценки, высокая обобщенность использованных понятий).

Б. Причины, связанные с субъектом оценки (респондентом):

1) объект (понятие) затрагивает слишком близкие для личности и эмоционально напряженные сферы;

2) оценка оказывается в то же время и актом публичного поведения — противоречие между конформным поведением и личной оценкой.

Опыт наших социологических исследований также показывает неэффективность шкал типа "часто — иногда — редко" из-за неоднозначности точки отсчета как при оценке нескольких явлений, так и при сравнении ответов разных респондентов. Целесообразнее оказывается применять конкретную шкалу: "ежедневно — несколько раз в неделю и т.д.")

В. Причины, связанные со шкалой оценки:

1) данный параметр не адекватен (не подходит для оценки данного объекта);

2) использованные в шкале антиподы не подходят друг к другу – не являются по существу противоположностями;

3) с одним из полюсов шкалы связывается одни стороны (аспекты) объекта, с другим – другие (например, "удовлетворенность – неудовлетворенность");

4) шкала не является по существу аддитивно-полярной, а непрерывно-мультипликативной (например, шкала частоты).

Представляется также возможным применять изложенные методики для конструирования набора полярных шкал. Подходящими антиподами в шкале можно считать те пары прилагательных, по мультипликативным шкалам которых средние значения НЗ оценок большого количества разных объектов оказываются наименьшими.

Применимость данного параметра к оценке данного объекта можно проверить, например, коэффициентом линейной корреляции между результатами оценки объекта по обоим противоположным мультипликативным шкалам или ранговой корреляции между распределением расположения в противоположных иерархиях объектов по методике 4.

Интерес представляла бы также своеобразная "самоизмеряемость" методики СД: все прилагательные; использованные в шкалах СД пропустить через эту же методику и высчитать расстояние между всеми антиподами в СП. При подходящих антиподах это расстояние должно быть минимальным.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Современные методы изучения значений. – Проблемы структурной лингвистики. М., 1963, с. 132.
2. Комментарии к работе Ч. Осгуда, Дж. Суси, П. Танненбаум. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам. – Семантика и искусствоведение. М., 1972, с. 355.
3. Osgood, Ch.E. Exploration in Semantic Space: A Personal Diary. – Journal of Social Issues, Vol. 27, No. 4, 1971, p. 5.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕННОМ ФАКТОРЕ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

М. Хейдметс

За последние десятилетия существенно повысился интерес к исследованию психологических проблем пространственной среды. Некоторые исследователи говорят о возникновении специальной научной дисциплины — проксемики, — интересы которой направлены на проблемы организации и использования человеком пространства (Hall, 1963, 1968). Другие включают психологические проблемы пространства в более широкую область исследования — психологию среды (Ittelson, Proshansky, Rivlin, Winkel, 1974; Altman, 1975). Но, несмотря на различия в предпочитаемых наименованиях дисциплины, является фактом то, что проведено существенное число эмпирических исследований о пространственной организации человеческой деятельности и о влиянии на последнюю различных пространственных условий. Причем основная масса этих работ касается пространственного фактора в межличностных отношениях. Систематизация и обзор этих работ и предпринимается в настоящей статье.

Во-первых, необходимо ввести принцип систематизации рассматриваемых работ. При этом мы будем исходить из понятия пространственного контакта, основываясь на толковании этого понятия Я. Шепанским (1969, с. 80). Пространственный контакт характеризует количественную сторону связи между людьми, интенсивности этой связи. Пространственный контакт тем интенсивнее, чем больше сенсорных каналов принимают участие в формировании контакта и о чем подробнее пропускаемая по ним информация. Таким образом, максимальный пространственный контакт в случае, если имеет место как тактильный, так и ольфакторный, аудитивный и визуальный контакты: о пространственной изоляции говорим, если человек отдален от других по всем сенсорным каналам. Комбинации отдельных модальностей (их интенсивность) образуют градации шкалы интенсивности про-

ности пространственного контакта. Общим показателем пространственного контакта часто является пространственная близость — отделенность людей — увеличение дистанции "снижает" поочередно сенсорные каналы — сначала тактильные, затем ольфакторные, аудитивные и визуальные, с дистанцией уменьшается также подробность пропускаемой информации. С субъективной стороны пространственный контакт можно определить как осознанное присутствие другого человека (осознание, что информация идет "от меня — к другим") *

Человек в своей деятельности и во взаимоотношениях активно изменяет интенсивность пространственного контакта — для некоторых видов деятельности предпочитается отделенность от других, для других — тесный контакт. Постоянный длительный контакт или постоянная отделенность, как показывают исследования, негативно воздействуют на психическое состояние человека. Стремление человека — установить для каждой ситуации некоторую оптимальную степень пространственного контакта с другими — выражается в активной регуляции его интенсивности.

Большинство пространственных феноменов, описанных в сфере межличностных отношений, можно рассмотреть как формы регуляции пространственного контакта. На этой основе мы и будем систематизировать рассматриваемые нами работы, начиная от самой элементарной формы этой регуляции (дистанция) до наиболее сложной (персонализация пространства). Остановимся также на работах о нарушении оптимального пространственного контакта (изоляция и перенаселенность).

* Важно подчеркнуть, что понятием пространственного контакта характеризуется лишь формальная связанность — отделенность людей; для характеристики содержательной, качественной стороны межличностных связей мы используем понятие социального контакта.

І. Дистанция

Одним из первых результатов проксемических исследований являлось заключение, что в процессе общения люди поддерживают между собой определенную дистанцию, которая является относительно стабильной величиной. Можно говорить о нормальной дистанции общения, которую партнеры пытаются соблюдать. Если человек вынужден общаться на более короткой или более дальней дистанции, то это для него неприятно и он пытается или увеличить, или уменьшить расстояние между собой и партнером.

Дистанция в основном зависит от характера взаимоотношений общающихся. На этой основе Hall дал классификацию различных дистанций, являющуюся в настоящее время общепринятой в проксемике.

І.І. Классификация дистанции

На основе наблюдений и экспериментов Hall (1966, с. II6-125) подразделяет наиболее часто "используемые" дистанции на 4 класса, каждый из которых в свою очередь делится на два подкласса. Приведем данную классификацию с краткой характеристикой каждого класса.

І. И н т и м н а я д и с т а н ц и я (англ. "intimate distance"). Общение осуществляется с помощью всех сенсорных каналов. На такой дистанции общаются лишь самые близкие люди (муж-жена, мать-ребенок). "Вход" чужого человека в интимную сферу ощущается как нечто весьма неприятное. Интимная дистанция подразделяется на 2 части или фазы. Б л и з к а я ф а з а (0-15 см), т.е. прямой телесный контакт. На этой фазе особое значение имеют тактильные и ольфакторные каналы связи. Д а л ь н я я ф а з а (15-45 см) - партнеры уже не находятся в непосредственном телесном контакте, но возможно прикосновение другого (рукой). Уменьшается значение тактильного и ольфакторного и увеличивается роль визуального и аудитивного каналов.

2. Персональная дистанция (англ. "personal distance"). Нормальная дистанция, соблюдаемая при ежедневном общении между людьми. Ближняя фаза (45-75 см) - общение на этой дистанции дает сведения о близких отношениях партнеров. Например, жена в общественном месте свободно может "входить" в эту зону своего мужа; чужой женщине это сделать гораздо труднее. Дальняя фаза (75-120 см) - нормальная дистанция общения знакомых людей. Партнеры связаны в основном визуальными и аудиативными каналами; передаваемая этими каналами информация наиболее полная (видны тончайшие детали мимики и пантомимики партнера, слышны все интансы его речи).

3. Социальная дистанция (англ. "social distance"). Используется при общении с чужими людьми, а также при официальном общении. Ближняя фаза (120-215 см). - например, такое расстояние обычно в диаде "начальник-подчиненный". Дальняя фаза (215-400 см) - дистанция, которая образуется, если сказать кому-либо - "отступи, я хочу на тебя посмотреть", на такой дистанции также расположены стулья посетителей в кабинетах высокого начальства. На такой дистанции присутствие другого лица уже не является столь мешающим фактором, как на более близких дистанциях - человек может, несмотря на присутствие другого, например, продолжать работать.

4. Публичная дистанция (англ. "public distance"). Примером такой дистанции может являться общение выступающего с аудиторией. Ближняя фаза (4,00 - 7,50 м) - детали лица другого человека воспринимаются труднее, уменьшается подробность невербального канала коммуникации. Голос громче, чем в нормальных условиях. Дальняя фаза (более 7,50 м) - например, при общении с большой аудиторией (актер - зрители). Голос громкий, речь отрывистая - каждое слово говорится с ударением. Воспринимается только наиболее общее из внешности, мимики, и пантомимики человека.

Выбор дистанции человеком в определенной ситуации происходит, как правило, бессознательно. Но, несмотря на это, человек почти всегда реагирует, если реальная дистанция не соответствует "норме". Об этом свидетельствуют конкретные исследования проблем дистанции, на которых остановимся ниже.

1.2. Конкретные исследования в области дистанции

Толчком к проведению исследований явлений дистанции послужили разного рода наблюдения об использовании пространства представителями различных культур. Оказывается, приемлемая ("нормальная") дистанция при общении весьма существенно варьирует у различных народов и наций. Как из проведенных наблюдений, так и из результатов многочисленных экспериментов (обзор см. — Hall, 1966), следует, что представители северных стран (Северная Европа, Скандинавия) предпочитают в общем дистанцию более длинную, чем, например, представители Южной Америки или стран Арабского Востока. (Первые иногда называются неконтактными культурами, вторые — контактными). В литературе описан ряд своеобразных явлений при общении представителей различных культур с разными проксемическими нормами. Например, "общение с движением" между американцами Севера и Юга (Hall, 1966). Южанин, для которого нормальная дистанция общения сравнительно невелика (меньше, чем у его северного партнера), пытается общаться при таком расстоянии. Северянин при общении, следуя своим нормам, несколько отступает, чтобы установить приемлемую для него дистанцию. Таким образом, пара медленно передвигается из одного конца помещения в другой.

Выявление межкультурных различий по использованию пространства являлось одной из центральных проблем проксемики во время ее возникновения, но не потеряло своего значения и в настоящее время. Хотя в последнее время больше внимания уделяется психологическим факторам, влияющим на выбор дистанции общения и вообще пространственной организации общения.

Большую часть разработок в этой области составляют исследования, рассматривающие зависимость дистанции общения от

свойств личности общающихся и их взаимоотношений. Sewell и Haisler (1973, с. 151-155) показывали, что экстравертные индивиды выбирают, как правило, меньшую дистанцию общения, чем интровертные. Выявлено также, что меньшую дистанцию поддерживают партнеры с положительными взаимоотношениями, нежели люди, отрицательно относящиеся друг к другу (Aiello, Cooper, 1972, с. 207-208). К такому же выводу пришли Neale, Nelson (1972, с. 491-498), причем авторы указывают, что влияние взаимоотношений оказалось несущественным в диадах "мужчина - мужчина", но весьма значительным в диадах "женщина - женщина". Оказалось, что существует и противоположная связь, - чем более дружественное, положительное впечатление человек хочет оставить о себе, тем меньшую дистанцию он выбирает (Sommer, 1967; Mehrabien, 1969).

Lassen (1973, с. 226-232) исследовал влияние заданной дистанции на процесс общения. В его опыте пациенты беседовали с врачом с трех различных расстояний - 90 см (персональная дистанция по Hall), 180 см (близкая фаза социальной дистанции по Hall) и 270 см (дальняя фаза социальной дистанции по Hall). Оказалось, что степень тревожности пациента возрастала одновременно с увеличением дистанции, при дальних дистанциях пациентам казалось, что им трудно довести свои мысли до врача. При средней дистанции пациенты говорили больше и подробнее о своих болезнях, и вообще больше говорили.

Изменения в поведении человека при нарушении нормальной дистанции рассматривается и в других исследованиях. Baxter и Rouzelle (1970) также провели интервью на двух разных дистанциях - на нормальной и на значительно меньшей. Целью авторов было выяснить, какие изменения происходят в невербальном поведении человека при нарушении нормальной дистанции. Из 46 рассмотренных способов невербального поведения статистически достоверно различались в двух ситуациях 12 - активность ног, частота опускания взгляда, частота и общее время поворотов тела, частота поворота головы и др.

McDowell (1972) пытался установить, в какой мере человек изменяет во время общения неприемлемую для него дистанцию. Из 87 испытуемых половина общалась на заданной вынужденной дистанции — 97 см (зафиксированная экспериментально как нормальная дистанция общения), остальным была задана дистанция в 48 см. Было проведено измерение изменения дистанции во время общения. Первая группа "увеличивала" заданную ей дистанцию в среднем на 6,1 см, вторая — в среднем на 25,4 см, т.е. у второй группы стремление к "нормализации" расстояния выражалось гораздо сильнее.

Своеобразная закономерность выявлена Ruano и Sommer (цит. по Sommer, 1969, с. 35). Исследуя выбор места в читальном зале библиотеки, они обнаружили простую, но весьма устойчивую закономерность — каждый входящий пытается выбрать место в максимальной дистанции от других, пытаясь пространственно максимально отделить себя от других. (Точно такая же закономерность выявлена Fried, De Fazio (1974), которые исследовали выбор места пассажирами в вагоне метрополитена). Если один из экспериментаторов нарушал это "правило", сидя в почти пустом зале, рядом с кем-либо из присутствующих, последний весьма откровенно выражал свое недовольство. Если "вторгающийся" все же не собирался уходить, некоторые "жертвы" искали себе новое место.

Некоторые авторы пытались найти связь между нарушением нормальной дистанции и физиологическими показателями состояния человека. Австралийский психолог McBride (McBride et al., 1965, с. 153-157) установил, что кожно-гальваническая реакция увеличивается вместе с уменьшением дистанции между партнерами (кожно-гальваническую реакцию он рассматривал как индикатор тревожности). Он обнаружил также, что кожно-гальваническая реакция больше увеличивается при приближении с боку.

1.3. Выводы

Вышеприведенные примеры исследований в области дистанции являются лишь незначительной долей большого числа работ, проведенных за последние годы в этой области *. Поскольку подавляющее большинство экспериментов проведено американскими психологами, мы здесь сталкиваемся с типичными проблемами американской психологии — наличие множества эмпирических результатов и неразвитость обобщающих концепций.

В общем по исследованиям в области дистанции можно сделать следующие выводы:

- человек при общении выбирает и активно изменяет пространственное расстояние между собой и партнером общения, пытаясь установить некоторую оптимальную дистанцию для данной ситуации;

- оптимальная дистанция зависит от характера взаимоотношений между людьми и от внешней ситуации;

* Необходимо специально подчеркнуть существенное влияние на возникновение и развитие исследований в области дистанции аналогичных разработок в этологии. Например, этологами давно установлено, что отдельные особи определенной популяции сохраняют между собой стабильные дистанции. Наиболее известный перечень дистанций у животных приводится Hediger (1950; 1961): **д и с т а н ц и я б е г с т в а** (при приближении другого его допускают до определенного расстояния, только после этого особь убегает); **к р и т и ч е с к а я д и с т а н ц и я** (это расстояние между двумя особями, где реакция бегства заменяется реакцией нападения (по Hediger, критическую дистанцию у многих видов можно определить с точностью до нескольких сантиметров); **с о ц и а л ь н а я д и с т а н ц и я** (расстояние, которое животные, ведущие групповой образ жизни, должны сохранять между собой). Иногда выделяют и среднюю **д и с т а н ц и ю и н т е р а к ц и и**, которая также варьирует в зависимости от взаимоотношений (положения в иерархии) и от цикла жизнедеятельности (Calhoun, 1970).

- нарушение оптимальной дистанции (вынужденное общение на более короткой или дальней дистанции) оценивается отрицательно и человек пытается изменить данную ситуацию (нормализовать дистанцию).

2. Персональное пространство

С явлениями дистанции тесно связана и концепция т.н. персонального пространства (англ. "personal space"). По определению одного из известнейших исследователей этой области, Sommer, персональным пространством является "...пространственная сфера вокруг человека, очерченная мысленной чертой, за которую другим не следует входить" (Sommer, 1969, с. 26). Персональное пространство - это часть пространства, которая непосредственно окружает тело человека, и с которым человек в определенной мере идентифицирует себя - "вторжение" другого в эту сферу рассматривается как нарушение неприкосновенности личности.

"Мерой" или "границей" персонального пространства считается минимальное расстояние, на которое к данному человеку может приближаться другое лицо, переход этой границы вызывает чувство неприятности, появление отрицательных эмоций. "Пространственность" персонального пространства заключается в том, что чувство неприятности возникает при излишнем приближении другого лица с любого направления (спереди, сзади, справа и т.д.), хотя эта "граница" различна в зависимости от направления приближения. Персональное пространство не является кругообразным, его удаленность в разные стороны не равна; человек, например, скорее терпит близость с посторонним лицом при приближении его с боку, чем спереди" (Sommer, 1969, с. 26).

Отличие персонального пространства от дистанции общения (на чем сконцентрирована основная часть исследований дистанции) заключается, во-первых, в его пространственности и, во-вторых, если дистанция общения выбирается партнерами как

нормальная дистанция в процессе общения, то мерой персонального пространства является **минимальная**, еще приемлемая для человека дистанция с другим лицом. Тем не менее обе области исследования тесно связаны, и явление персонального пространства мы можем также квалифицировать как одну из форм регуляции пространственного контакта.

2.1. Экспериментальные исследования в области персонального пространства

При выявлении размеров персонального пространства часто используют следующую методику, экспериментатор приближается к испытуемому с различных сторон, испытуемый должен его остановить, если расстояние между ними становится ему неприятным. В качестве примера можно рассмотреть исследование **Kinzel** (1966, с. 59-64), который рассматривал зависимость размеров персонального пространства от свойств личности. С двумя группами испытуемых измеряли величину персонального пространства с 8 различных сторон, причем в первую группу выбрали испытуемых со склонностью к насилию (они были наказаны за такие поступки), во второй группе люди не имели таких склонностей.

Размеры персонального пространства в первой группе оказались значительно выше, чем во второй (общая площадь в первой группе — в среднем $2,8 \text{ м}^2$, во второй — $0,65 \text{ м}^2$). Характерно, что в обеих группах конфигурация персонального пространства похожа на овал — спереди и сзади близость другого меньше приемлема, чем с боку. При подразделении персонального пространства на две зоны — переднюю (А) и заднюю (Б), — оказалось, что в первой группе испытуемых зона Б значительно больше, чем зона А, во второй группе — немного больше зона А. Таким образом, люди со склонностью к насилию хуже переносят близость другого человека, особенно со стороны спины.

Вообще многие исследователи соотносят величину персонального пространства с различными поведенческими и психическими отклонениями, заключая, что лица с наличием различного рода психических отклонений (напр., с шизофренией и др.)

имеют большее персональное пространство, чем "нормальные" люди, они хуже переносят пространственную близость с другими лицами (Horowitz, Duff, Stratton, 1964). Однако некоторые авторы не обнаружили связи между отклонениями в психике и размерами персонального пространства (Meisels, Canter, 1970).

В некоторых исследованиях утверждается, что у женщин персональное пространство меньше, чем у мужчин (Hartnett с сотр., 1970; Leibman, 1970 и др.).

Как и при дистанции общения, на размеры персонального пространства влияют взаимные отношения между партнерами — чем интимнее, ближе отношения, тем меньше персональное пространство (Diello, Cooper, 1972; Guardo, Meisels, 1971).

Наряду с персональным пространством, можно говорить и о групповом пространстве, т.е. вокруг общающихся между собой людей также образуются своеобразные "границы", которые чужому не следует переступать. Это явление экспериментально исследовали Efran, Cheyne (1973). В их опыте два экспериментатора беседовали в коридоре, причем расстояние между ними увеличивалось от 61 до 137 см, по 5 см. Исследовалось, какой путь выбрали испытуемые — вокруг или между двумя беседующими. Оказалось, что при дистанции до 91 см почти все испытуемые шли вокруг беседующих. Переломным оказалось расстояние 120–125 см — начиная с этой дистанции большинство испытуемых проходило между экспериментаторами. Данный эксперимент свидетельствует о том, что беседующие на нормальной дистанции воспринимаются как взаимосвязанные лица и границы их "совместного" персонального пространства (или группового пространства) не нарушаются.

В своем втором эксперименте Efran, Cheyne (1974, с. 219–226) рассматривали изменения в поведении человека, вынужденного "вторгаться" в персональное пространство другого лица. Фиксировались изменения в невербальном поведении и самооценках. Авторы установили, что вынужденное "вторжение" в персональное пространство другого лица сопровождалось статистически достоверными изменениями как в мимике и пантомимике, так и в оценках в отношении своего настроения.

2.2. Выводы

Исследования в области дистанции и персонального пространства как в отношении содержания, так и методов весьма близки, они по существу занимаются двумя аспектами одного и того же явления. В первом случае объектом исследования оказывается нормальная, наиболее приемлемая дистанция общения и ее регуляция, во втором – по существу рассматривается также дистанция между людьми, но теперь "минимально допустимая". Ввиду сходства обоих аспектов их часто рассматривают как одну область исследования.

Ценность выделения и описания такого феномена как персональное пространство в том, что характеризуется еще одна специфическая форма регуляции человеческих взаимоотношений. В данном случае объектом регуляции является минимально допустимая дистанция между людьми. Как мы видим, такая минимальная дистанция весьма четко определена взаимоотношениями людей. Нарушение ее границ имеет зримо негативное воздействие.

По данным Altman (1975, с. 55), за период с начала 1960-ых и до 1974 гг. проведено свыше 200 исследований в области дистанции и персонального пространства. Если подразделить использованные в них методики на три группы – проективные, лабораторные и полевые исследования, оказывается, что первые из них использованы почти в 50% исследований, вторые – в 35% и последние – в 15%. Ясно, что достоверность проективных методик не всегда обеспечивается. Поэтому к результатам многих экспериментов следует относиться с определенной осторожностью.

3. Ориентация

Интенсивность контакта зависит не только от пространственного расстояния между людьми. Существенным оказывается и их расположение по отношению друг к другу (о чем косвенно

свидетельствует уже тот факт, что величина персонального пространства не была равномерной во все стороны). Отсюда и необходимость установления параметра ориентации, или взаимного расположения партнеров при рассмотрении интенсивности контакта. Ориентация может варьировать от ситуации "лицом-к-лицу" до ситуации, где оба партнера оказываются в положении спиной друг к другу. Предполагается, что изменением первой ситуации на вторую уменьшается и интенсивность пространственного контакта. Изменение ориентации означает в большей мере изменения именно интенсивности визуального канала. Хотя кажется, что ориентацию нельзя сводить лишь к визуальному контакту, субъективное ощущение тесноты контакта часто связано с различными нормами и стереотипами поведения, относящегося именно к положению или ориентации тела.

3.1. Экспериментальные исследования в области ориентации

При проведении конкретных исследований ориентации часто связывается с разделением среды общения на социопетальную и социофугальную, предложенным Osmond (цит. по Hall, 1966, с. 108), который отмечал, что в некоторых условиях среды люди общаются свободно и сравнительно много (среда как бы содействует общению), в других условиях, наоборот, общение никак "не ладится" (среда как бы препятствует общению). Первые условия автор назвал социопетальными (объединяющими людей), вторые социофугальными (разделяющими людей). Оказалось, что весьма существенным компонентом образования социопетальной или социофугальной среды является заданная людям в ней ориентация в отношении друг друга (это достигается различными путями: общей организацией помещения, размещением мест для сидения и т.д.).

Наиболее известным примером связи ориентации с социофугальностью-социопетальностью помещений являются эксперименты Sommer. Он экспериментально установил, что для общения наиболее приемлема ориентация "лицом-к-лицу" или обстановка,

где партнеры стоят (сидят) под острым углом друг к другу (на рис. 1 приведено различное расположение партнеров при общении (беседа) у стола в данном опыте Sommer (1969, с. 62) и процент испытуемых, считающих данную ситуацию наиболее приемлемой для общения .

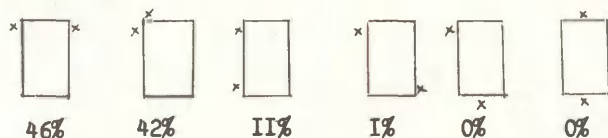

Рис. 1.

Во второй работе (1969, с. 77-87) он пытался проверить свои результаты на практике. В одном из модных американских домов для престарелых серьезной проблемой оказалось плохое настроение его жильцов, их малое общение между собой, частые депрессии. Sommer, пытавшийся найти возможности улучшения положения, поставил перед собой цель значительно увеличить межличностное общение среди этих людей, покончить с "пробыванием с самим собой". По его оценкам, расположение комнаты отдыха (как основного "места" общения) в этом доме являлось крайне социофугальным. В комнате отдыха данного дома стулья были расположены в ряд вдоль стены. Sommer предложил принести в комнату отдыха маленькие круглые столики и расставить стулья вокруг них. После периода приспособления за несколько недель снова измерялась интенсивность общения - она оказалась приблизительно в 2 раза выше, чем раньше. Улучшилось также настроение и взаимоотношения проживавших в этом доме.

Хотя последние результаты Sommer на первый взгляд кажутся сомнительными, такого рода взаимосвязь между организацией пространства и интенсивностью общения подтверждалась и другими авторами. Holahan (1974, с. 109-113) рассматривал влияние на активность общения 4 различным образом организованных помещений - социофугального, социопетального (по ориентации), "смешанного" и свободно организованного поме-

щения (в последнем расположении помещения не было зафиксировано). Различия в активности общения в различных типах помещений оказались статистически достоверными; очередность помещений (от наиболее "содействующего" общению) была следующей: социопетальное, "смешанное", социофугальное, "свободное". Неожиданной оказалась наименьшая активность общения в "свободном" помещении (где люди сами могли пространственно организовать общение).

В ряде исследований рассматривается роль основного "компонента" ориентации - визуального контакта - в межличностных отношениях. При рассмотрении этого канала связи отдельно, здесь также обнаруживается определенная регулятивная деятельность человека, - слишком долгий визуальный контакт с другим лицом человеку неприятен, непременно происходит "отвергание" взгляда. Исходя из этого обстоятельства и развивая дальше гипотезу Chance о "перерезании" взгляда, Соса (1973) сделал ряд предложений по улучшению внутреннего расположения жилых и рабочих помещений таким образом, чтобы достигались оптимальные условия визуального контакта. Например, использовать специальную "графику перерезания" - т.е. картины, на которые человек может время от времени взглянуть, построить двери в кабинет таким образом, чтобы входящий не сразу попал в поле зрения находящегося в кабинете и т.д. По мнению автора, это может значительно улучшить условия работы.

Выяснилось также, что нормы ориентации при общении у разных представителей культур - различны. Представители вышерассмотренных "контактных" культур (арабы, латинские американцы и др.) значительно больше общаются в ориентации "лицом-к-лицу", чем это принято в неконтактных культурах (Watson, Graves, 1966, с. 971-985).

3.2. Выводы

Изменения ориентации человека по отношению к другому лицу можно рассматривать также как одну из форм регуляции ин-

тенсивности пространственного контакта. Это обосновано данными двоякого рода:

- тем, что человек активно изменяет ориентацию (в ситуации "спиной-к-спине" общение не начинается, а заранее ориентация изменяется, при общении "лицом-к-лицу" время от времени происходит отвергание и т.д.);

- тем, что заданная ориентация оказывает существенное влияние на активность общения .

Об уровне исследований в области ориентации можно сказать, что и при исследовании дистанции и персонального пространства - в настоящее время имеется более или менее удовлетворительное о п и с а н и е данного явления.

4. Взаимосвязанность форм регуляции пространственного контакта

Подавляющее большинство авторов, занимающихся исследованиями в рассматриваемой области, сконцентрировали свое внимание на о д н о й из форм регуляции контакта . Лишь немногие пытались осветить вопрос о взаимосвязях между дистанцией и ориентацией, персональным пространством и дистанцией общения и т.д. В реальном поведении же все регуляторные механизмы функционируют как единое целое, дополняя или заменяя одно другим.

Из существующих подходов, пытающихся рассмотреть данное явление более систематично, следует отметить, во-первых, концепцию Argyle и Dean (1965). Эти авторы предложили т.н. гипотезу равновесия между тремя компонентами контакта (или "интимности", - по их терминологии) - интенсивность визуального контакта, дистанции и персональной открытости (последняя относится также к сфере вербального поведения ; под ней подразумевается насколько человек "пропустит" информацию о себе другим). Авторы предполагают, что существует определенное равновесие между этими тремя показателями - слишком интенсивный контакт (чрезмерная "интимность") по одному компоненту компенсируется снижением интенсивности по

другому компоненту, причем "суммарная" интенсивность контакта остается в пределах оптимальной. Например, чем меньше становится дистанция между партнерами, тем меньше прямой визуальный контакт и т.д. Экспериментальные исследования последних лет подтверждают наличие такой компенсаторной модели (Aiello, 1972; Argyle, Igham, 1972).

Под влиянием разработок, проведенных Argyle и его сотрудниками, были сделаны попытки установить наличие такого рода связей и между другими формами регуляции контакта. Наиболее стабильная связь была зафиксирована между дистанцией и ориентацией — чем меньше становится дистанция, тем больше партнеры избегают прямой ориентации "лицом-к-лицу" (см. обзор этих исследований — Patterson, 1973; Altman, 1975).

Наряду с уже выясненными связями между формами пространственной регуляции контакта можно предположить существование и ряда других способов взаимной компенсации. Например, общеизвестна компенсация интенсивного тактильного контакта с "перерезкой" визуального канала (для интимных связей, как правило, предпочитают темные помещения). Можно также предположить наличие взаимной компенсации интенсивности контакта внутри диады и между диадой и внешней средой — повышение интенсивности контакта между двумя людьми (внутри диады) часто предполагает или "требует" увеличения отделенности самой диады от внешней среды.

По-видимому, именно такого рода исследования с выявлением связей между отдельными компонентами регуляции контакта являются наиболее перспективными. Такой подход позволяет глубже понять системные свойства человеческой деятельности, в том числе и межличностных отношений.

Таким образом можно сказать, что регуляция пространственного контакта представляет собой целую систему взаимосвязанных форм поведения. Кроме "чисто" пространственных способов регуляции (которые мы рассмотрели выше), сюда входят и такие формы поведения, которые помимо своих пространственных характеристик включают и социальные компоненты.

5. Персонализация пространства (территориальность)

В вышерассмотренных формах регуляции человек действует в основном бессознательно — он не осознает выбора дистанции, изменения ориентации и т.д. Регуляция здесь также нефиксированная — дистанция "появляется" и "исчезает" вместе с началом и окончанием процесса общения. Однако существуют и такие способы регуляции контакта, которые человек использует весьма сознательно, четко целенаправленно. Средства такой регуляции часто создаются самим человеком. Основной формой такой регуляции можно считать персонализацию пространства или территориальность (англ. „territoriality“). Под ней подразумеваются явления когда человек фиксирует какое-то пространство, определяет нормы поведения на нем, осуществляет контроль над ним*. Примерами таких фиксированных территорий являются, напр., дом человека, место на работе, место в транспортных средствах и др. Ясно, что регуляция пространственного контакта является лишь одной из функций таких территорий.

Altman (1975, с. 105), проанализировав большое количество дефиниций, данных территориальности, выделяет в них 6 общих черт:

- территориальность всегда направлена на определенное место, географический ареал или на отдельные объекты;
- данное место выполняет для владельца определенную функцию (для отдыха, работы и т.д.);
- в отношении этого места проявляется более или менее выраженное отношение собственности;

*Исследования территориальности в человеческом обществе также имеют своих предшественников — описания аналогичных явлений в животном мире. Этологами описана фиксация ряда стабильных территорий (у животных, напр., территории гнездовья, размножения, питания и др.) и регулятивное значение этих территорий во взаимоотношениях между особями (Howard, 1920).

- данное место определенным образом обозначено;
- владение этим местом может быть как индивидуальным, так и коллективным;
- владелец регулирует поведение других в отношении данного места.

На основе перечисленных характеристик Altman (1975, с. 107) дает следующее определение территориальности: "Территориальность является механизмом регуляции границ между я/другие, включающим персонализацию и обозначение определенного места или объекта и уведомление о "владении" им отдельным индивидом или группой. Персонализация и владение имеют целью регулировать социальную интеракцию и удовлетворение различных социальных и физических потребностей. Нарушение другими границ персонализированной территории может вызвать защитные реакции со стороны владельца".

5.1. Классификация территории

Из различных приведенных в литературе классификаций территории в качестве примера рассмотрим классификацию, предложенную Altman (1975, с. 112-120). Основой данной классификации является, во-первых, важность, значимость данной территории для индивида (группы) и, во-вторых, постоянство ее использования. На этой основе территории подразделяются на 3 класса - первичные, вторичные и публичные территории.

1. П е р в и ч н о й т е р р и т о р и е й владеет определенный индивид или группа, это владение акцептируется и другими. Территория имеет первостепенное значение для владельца, он использует ее постоянно. Все происходящее в первичной территории в большой степени контролируется владельцем. Примером такой территории может служить дом человека, кабинет на работе, находящаяся в его распоряжении кровать в больнице. Первичную территорию человек часто идентифицирует с собой - нарушение "неприкосновенности" такой территории воспринимается как нарушение личностных "границ",

нарушение неприкосновенности личности. Такое нарушение вызывает у человека сильно негативное эмоциональное состояние и часто сопровождается активными действиями в целях восстановления исходного положения.

2. В т о р и ч н ы е т е р р и т о р и и для индивида или группы менее значимы, контроль над ними не столь строгий, поведение "других" здесь регламентировано не в такой степени, как на первичной территории. "Вторжение" на эту территорию не так "больно" переживается. Часто вторичные территории являются групповыми (первичные — в основном индивидуальные), — напр., коллективная дача, помещения определенного общества, учительская в школе, постоянно человеком используемое место в библиотеке. В общем на вторичной территории "сила" собственности, контроля и регуляции выступает в менее радикальной форме, чем на первичной территории, они не столь центральны для жизнедеятельности человека, их используют периодически.

3. Н а п у б л и ч н о й т е р р и т о р и и , как, например, в парке, на улице, на пляже, существуют общие для всех правила поведения. Контроль и владение над этими территориями институционализированы.

Как видим, различие между приведенными классами во многом субъективно (особенно между первым и вторым), в зависимости от отношения человека к одной или другой территории.

Некоторые авторы, напр., DeLong (1968, с.23-24), для обозначений первичной и вторичной территории используют термины — приватная территория и полуприватная территория; по содержанию же они совпадают с классами Altman.

Территории подразделяются и по тому, в какой мере фиксировано, определено поведение человека там. Такая фиксированность может иметь как социальный характер (поведение определено нормами, правилами), так и физический характер (поведение определено структурой помещения, наличием и расстановкой мебели и др.). Например, поведение ученика в кабинете директора гораздо больше внешне фиксировано, чем его поведение на спортплощадке или в лесу. По степени фиксированности

Hall (1969, с. 103-112) выделяет три типа территорий (пространства, по его терминологии):

- 1) фиксированное пространство (поведение человека максимально определено);
- 2) полужиксированное пространство (имеется определенная свобода выбора);
- 3) неформальное (нефиксированное) пространство (человек имеет максимальную свободу выбора).

Хорошо видна связь между классификациями Altman и Hall. Чем "первичнее" территория, тем более фиксированной она является для "других". Наличие противоположной связи не всегда обязательно.

5.2. Исследования в области территориальности

С психологической точки зрения наибольший интерес представляет первичная территория. С первичной территорией человек наиболее сильно себя идентифицирует, или, по меткому выражению Hall "... территория ... это удлинение организма". Отсюда и весьма определенное отношение человека к такой территории.

Из исследований, рассматривающих значение и функции первичной территории, следует подробнее остановиться на работах DeLong (1968, с. 23-24). Автор провел серию наблюдений в доме для престарелых. В это время изменяли условия жизни пожилых - общие комнаты заменили индивидуальными, т.е. отсутствие выраженной первичной территории заменили ее наличием. Как до перестроек, так и после фиксировали поведение и взаимоотношения жильцов. Территориальное "перемещение" сопровождалось весьма значительными изменениями. Например, после перестроек значительно возросла коллективность, - если раньше все в общей комнате в основном занимались сами собой, то теперь значительно интенсивнее стали использовать помещения

общего пользования (коридоры, комнату отдыха) для различных совместных мероприятий (которые раньше весьма редко осуществлялись). В связи с этим возросла и общая интенсивность общения, понизилась частота агрессивного поведения в отношении друг друга. В общем можно сказать, что улучшились взаимоотношения и общение стало интенсивнее.

Интересным является также указание автора на фиксацию территории вне жилых помещений. До проведения перемен у жильцов была установлена сильная тенденция фиксировать в коридоре или в других помещениях общего пользования определенную территорию "для себя" — подоконник, или стул в уголке и т.п. Причем такая персонализированная "территория" агрессивно защищалась от вторжения других лиц. Такое же явление обнаружено и после создания первичных территорий, но со значительно меньшей строгостью — часто фиксированное место использовалось совместно или даже менялись его владельцы.

Эти данные указывают, что наличие первичной территории весьма существенно для человека, отсутствие ее человек пытается всячески компенсировать. Можно предполагать, что часто именно отсутствие первичной территории содействует появлению отрицательных взаимоотношений (агрессивность, замкнутость и др.).

Установлены весьма значительные различия в формах территориальности как между различными культурами (Altman, 1975), так и внутри определенной культуры. Примером последних могут служить результаты исследований Altman и соавт. (1972) о внутренней структуре домашней территории и о степени "открытости-закрытости" ее единиц для отдельных членов семьи в современных условиях Америки. Выявлено, что существует два типа семей, значительно различающихся друг от друга по данному параметру. Первый тип ("открытые" семьи) характеризовался меньшим фиксированием территории, сравнительно свободным использованием всей квартиры всеми членами семьи. Для второго типа ("закрытые" семьи) характерно, наоборот, строгое фиксирование территории (комната отца, комната бабушки и т.д.) и наличие многочисленных правил использования территории "дру-

гого". Таким образом, сами первичные территории могут варьировать между собой по строгости их фиксации и регламентированности поведения в них.

Исследовалась и реакция человека на "вторжение" в его первичную территорию. Allekian (1974, с. 27-39) установил, что у человека значительно повышается тревожность в результате вторжения в его первичную территорию или использования чужими вещей, которые он считает "своими". Существенной оказалась именно степень идентификации себя с территорией или вещами. Чем "ближе" они были человеку, тем больше повышалась тревожность.

Несколько исследований рассматривает т.н. территориальные знаки, объекты, чьей функцией является "сообщение" другим о фиксированности территории и правилах поведения в ней. Исследования эти проведены в основном на публичных территориях, рассматривается эффективность различных территориальных знаков (т.е. в какой мере акцептируется принадлежность обозначенной территории определенному лицу). Выявлено, что, во-первых, "владение" территорией облегчается при наличии соответствующего знака. Например, сидящий в читальном зале библиотеки, которого попросили сохранить соседнее место, весь-ма часто ставит туда свой "знак" - книгу, сумку и т.п. (Норре, Greene, Kenny, 1972, с. 305-306). По Sommer (1969, с. 53), в фиксировании места в читальном зале гораздо эффективнее оказались сумка, предмет одежды и т.п. (персональные знаки), чем книга, журнал и другие неперсональные знаки.

5.3. Выводы

Из исследований территориальности можно сделать следующие существенные выводы:

- явление персонализации пространства включает как регуляцию интенсивности пространственного контакта, так и вообще межличностных связей. Фиксация определенной территории по существу означает и фиксацию некоторых сторон отношений между владельцем (субъектом) территории и другими лицами;

— "регулирующая сила" при этой форме регуляции гораздо больше, чем при предыдущих формах. Территориальность означает не только фиксацию пространственной связи — отделенности между людьми, но и определенную организацию пространственно-предметной среды (создание физических барьеров), а также некоторую социальную организацию (создание социальных барьеров).

Фиксированную территорию в определенном отношении можно рассматривать как аналог персонального пространства; если последнее являлось самым элементарным пространственным "удлинением" человека, то территория — это уже более развитое и сложное его "удлинение", включающее как определенное пространство (территорию), так и различные объекты. Но оба эти образования выполняют выраженную функцию создания и изменения "границы" между "собой" и "другими", функцию регуляции межличностных отношений.

6. Ситуации с продолжительным нарушением оптимального контакта

На основе вышерассмотренных исследований можно заключить, что человек в своих взаимоотношениях старается установить некоторый оптимальный уровень пространственного контакта с другими людьми. Но что происходит, если это невозможно, если регулятивная деятельность не осуществима? В принципе отклонения здесь могут быть двоякого рода — интенсивность контакта слишком высокая или слишком низкая. Рассмотрим исследования, характеризующие обе ситуации.

В последнее время проведено довольно много исследований т.н. феномена перенаселенности (англ. "crowding"). Здесь рассматривается влияние на человека условий пространственной скученности, условий постоянной пространственной близости с другими людьми (интерес к этой проблематике явно обусловлен процессами урбанизации). В этой области влияние более ранних разработок этологов тех же проблем наиболее существенно.

Поэтому, во-первых, коротко остановимся на этих исследованиях.

Одним из первых исследований о влиянии повышения плотности расселения на состояние особи является работа Christian и соавт. (1960). Авторы исследовали популяцию косуль (*Cervus nippon*) на острове площадью 0,5 квадратных миль, где (после повышения плотности заселения до 300 особей) за 2 года численность уменьшилась до 80 особей, без всяких видимых причин (заболевания, отсутствие пищи). Авторы связывают массовую гибель животных с учащением контактов между особями, с невозможностью соблюдения сложившихся форм территориального поведения, что ведет к состоянию стресса. Такой стресс сопровождался повышением активности надпочечников (вес которых к периоду массового падежа у исследованных косуль был в 2 раза выше чем в нормальных условиях), что, в свою очередь, вызвано повышенное продуцирование адреналина, нарушающее жизнедеятельность организма.

Эксперименты Calhoun (1962) на крысах продолжались в общей сложности 14 лет. Он обнаружил весьма устойчивые связи между повышением плотности расселения и изменениями в поведении и во взаимоотношениях особей. Рост плотности расселения (и особенно рост контактов между особями) приводил к следующим патологическим формам поведения:

- неспособность к постройке и уходу за гнездом;
- сексуальная патология (гиперсексуальность или полная сексуальная пассивность);
- неспособность выращивать потомство;
- нарушения активности (часть крыс стали сверхактивными, часть - совсем пассивными);
- возрастание смертности (особенно крыс-маток и новорожденных крысят).

Связь перенаселенности с различными формами патологического поведения у животных можно считать более или менее доказанной. Многие исследователи считают, что такая же связь существует и в человеческом обществе, хотя доказательства этому найти труднее.

При исследовании проблем перенаселенности в человеческом обществе обычно различается два термина: плотность заселений (англ. *density*) и перенаселенность (см. *Stokols* , 1972б). Плотность — это объективный показатель числа людей на определенном отрезке пространства; перенаселенность — субъективный показатель отношения человека к этому, показатель его состояния в (повышенных) условиях плотности. Таким образом "crowding" обозначает субъективное "чувство перенаселенности", изменения в поведении и психике человека в результате повышенной плотности, в результате чрезмерно частых и интенсивных контактов.

Психологические исследования феномена перенаселенности исходили из разработок социологов, которые уже сравнительно давно говорят о связях между повышением плотности и изменениями в поведении и психическом состоянии человека. В одной из наиболее известных работ *Galle, Gove* и *McPherson* (1972) рассматривали взаимосвязи между четырьмя различными компонентами плотности населения (число человек на помещение; ; число помещений в квартире; число квартир в доме; число домов на определенной площади) и пятью видами социальной патологии (увеличение смертности, уменьшение деторождаемости, неспособность к воспитанию детей, преступность несовершеннолетних, психические заболевания). Полученные результаты свидетельствуют о наличии значительных связей между плотностью населения и числом случаев социальной патологии, в том числе виды социальной патологии наитеснейшие корреляционные связи имели с числом человек на помеще- н и е. По этим данным, именно учащение числа и повышение интенсивности непосредственных контактов на п е р в и ч - н о й т е р р и т о р и и можно рассматривать как существенный фактор изменения поведения людей.

Выводы о том, что чрезмерное увеличение плотности населения связано с появлением асоциального поведения, сделаны и другими авторами. Обнаружена корреляционная связь между повышением плотности населения и частотой встречаемости психических заболеваний, использованием наркотиков (*Laird* , 1973), увеличением преступности (*Schmitt*, 1957); частотой

самоубийств (Sainsbury ,1956) и другими показателями социальной патологии.

Ясно, что статистические исследования такого рода мало говорят о механизмах влияния повышенной плотности заселения на человека. Поэтому феномен "чувства перенаселенности" и подвергался психологическому исследованию. Многочисленные эмпирические исследования в этой области указывают на то, что в условиях постоянной скученности действительно имеют место определенные изменения в поведении и во взаимоотношениях (обзор этих работ см. Zlotnick, Altman, 1972). Наиболее полная психологическая интерпретация явлений перенаселенности имеется у Stokola (1972a; 1972b; 1973). Им предложена т.н. социально-психологическая модель "чувства перенаселенности" (1972a, с.77). Появление стресса перенаселенности зависит, по этой модели, от соотношения свойств среды и свойств личности. Такой стресс может выразиться как на психологическом, так и на физиологическом уровне. Реакция на стресс, как правило, выражается в стремлении изменить условия среды или свое состояние. Чувство или стресс перенаселенности таким образом результат ситуации, когда скученность людей выше желаемой (по нашей терминологии — пространственный контакт выше нормы). Такое состояние характеризуется непоследовательностью, противоречивостью познания окружающего, неуравновешенным эмоциональным состоянием (чувство отчужденности, неудачливости), а также некоторыми физиологическими изменениями (повышение давления крови, повышенная секреция адреналина).

Возникновение чувства перенаселенности пытались связывать с различными параметрами как среды, так и личности. Так, выяснилось, что она скорее возникает в ситуациях с шумом, или, если имеется дело с сопернической деятельностью, а также у лиц с агрессивными наклонностями. Детально останавливаться на этих работах нет необходимости. Вывод из исследований феномена перенаселенности может быть следующим:

— повышение частоты и интенсивности пространственных контактов может оказывать существенное влияние на поведение и психическое состояние человека. Постоянное нахождение в

условиях повышенного контакта может содействовать появление стрессового состояния, стресса перенаселенности. Таким образом, возможность регуляции пространственного контакта весьма существенный компонент нормализации взаимоотношений людей.

Если в исследованиях перенаселенности действительно рассматривалось влияние повышенной интенсивности пространственного контакта, то при противоположной ситуации, ситуации изоляции, у большинства исследователей дело обстоит в пространственной совместно с социальной изоляцией. Экспериментов, где имелось бы дело с чисто пространственной отделенностью (социальный контакт сохранялся бы) относительно мало. Хотя в чистом виде такой ситуацией является, например, космический полет. Именно с развитием космонавтики проблемы пространственной изоляции стали актуальными. Анализируя как отечественные, так и зарубежные исследования в этой области, Гуровский (1966, с. 448-450) приходит к выводу об определенном влиянии условий изоляции на психическое состояние и работоспособность человека, — часто наблюдается тревожность, возбужденность, снижение работоспособности и др. изменения.

Таким образом можно считать, что обе крайние ситуации пространственного контакта — скученность и изоляция — одинаково неблагоприятно воздействует на человека.

Интерпретируя описанные в проксемике и в психологии среды пространственные феномены как формы регуляции пространственного контакта, можно заключить следующее:

- уже при диадическом общении обнаруживаются различные способы, с помощью которых партнеры регулируют интенсивность пространственного контакта между собой. Основными из этих форм являются дистанция, персональное пространство и ориентация;

- самой развитой формой регуляции пространственного контакта можно считать персонализацию пространства (фиксацию территории). Эта форма регуляции включает как пространственные, так и предметные и социальные компоненты;

- важность регуляции пространственного контакта подчеркивается исследованиями перенаселенности и изоляции. При-
нужденное нахождение в ситуациях с крайними условиями кон-
такта оказывает отрицательное влияние как на эффективность
деятельности человека, так и на его психическое состояние;

- значимость проблем регуляции пространственного контак-
та в человеческом обществе подчеркивается обстоятельством ,
что эта сторона взаимоотношений имеет древние биологические
корни. По всем формам регуляции пространственного контакта
имеются аналоги в животном мире. Хотя в человеческом общест-
ве эти формы существенно изменились, можно предполагать, что
некоторые их функции остались теми же.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

Гуровский Н.Н. 1966. Специальная подготовка космонавтов. В
кн.: "Космическая биология и медицина". М., "Наука".

Щепаньский Я. 1969. Элементарные понятия социологии. М. ,
"Прогресс".

Aiello, J.R. 1972. A test of equilibrium theory: Visual inter-
action in relation to orientation, distance and sex in-
teractants. "Psychonomic Science", 27 (6), 335-336.

Aiello, J.R., Cooper, R.R. 1972. The use of personal space as
a function of social affect. "Proceedings of the Annual
Convention of the American Psychological Association", 7
(Pt.1), 207-208.

Allekian, C. 1974. Intrusions of territory and personal space:
an exploratory study of anxiety inducing factors in
hospitalized patients. "Int.'l J. of Psychiatry in Medicine",
5, 1.

- Altman, I., Nelson, P.A. and Lett, E. 1972. The Ecology of Home Environments. U.S. Department of Health, Education and Welfare, Office of Education Bureau of Research (project report).
- Altman, I. 1975. The Environment and Social Behavior. Calif .
- Argyle, M., Dean, J. 1965. Eye contact, distance, and affiliation. "Sociometry", 28, 289-304.
- Argyle, M., Ingham, R. 1972. Gaze, mutual gaze and proximity . "Semiotica", 6 (1), 32-50.
- Baxter, J.C., Rozelle, R.M. 1970, Nonverbal expression as a function of crowding during a simulated police-citizen encounter. Unpublished manuscript.
- Calhoun, J.B. 1962. Population density and social pathology. "Scientific American", 206, 139-148.
- Calhoun, J.B. 1970. Space and strategy of life. "Ecistica", 29, 425-437.
- Christian, J.J., Flyger, V., Davia, D.E. 1960. Factors in mass mortality of a herd of Sika deer Cervus Nippon. "Chesapeake Science", 1, 79-95
- Coss, R.G. 1973. The Cut-off Hypothesis: Its Relevance to the Design of Public Places. "Man-environment Systems", 3, 6, 417-440.
- DeLong, A. 1968. The Administrator and the Environmental Language of the Older Person. Direction 968: AAHA Report No 6 N.Y.
- Efran, M.C., Cheyne, J.A. 1973. Shared space: the co-operative control of spatial areas by two interacting individuals. "Canadian J. of Behavioral Sciences", 5 (3).
- Efran, M.G., Cheyne, I.A. 1974. Affective concomitants of the invasion of shared space "J. of Personality and Social Psychology", 29, 2, 219-226.
- Fried, M.L., DeFazio, V.J. 1974. Territoriality and boundary conflicts in the subway. "Psychiatry", 37, 1.

- Galle, O., Gove, W., McPherson, J. 1972. Population Density and Pathology: What are the Relations for Man? - "Science", 176, 23-30 .
- Guardo, C.I., Meisels, M. 1971. Child-parent spatial patterns under praise and reproof. "Developmental Psychology", 5 (2), 305.
- Hall, E.T. 1963. A system for notation of proxemic behavior. "American Anthropologist", 65, 5, 1003-1026.
- Hall, E.T. 1966. The Hidden Dimension. N.Y. Anchor Books . Double-day Company, Inc.
- Hall, E.T. 1968. Proxemics. "Current Anthropology", 9, 2-3 , 83-108.
- Hartnett, J.J., Bailey, F., Gibson, W. 1970. Personal space as influenced by sex and type of movement. "J. of Psychology", 76 (2), 139-144.
- Hediger, H. 1950. Wild animals in captivity. London: Butterworth and Co.
- Hediger, H. 1961. The evolution of territorial behavior. In: S.L. Washburn (ed.) Social life in early man. N.Y.
- Heshka, S., Nelson, Y. 1972. Interpersonal speaking distance as a function of age, sex and relationship. - "Sociometry", 35, 4, 491-498.
- Holahan, C.J. 1974. Experimental investigations of Environment-Behavior Relationships in Psychiatric facilities. "Man-Environment Systems", 4, 109-113.
- Hoppe, R.A., Greene, M.S., Kenny, J.W. 1972. Territorial markers: additional findings, "J. of Social Psychology", 88, 305-306.
- Horowitz, M., Duff, D., Stratton, L. 1964. Personal space and the body-buffer zone. - "Archives of General Psychiatry", 11, 651-656.
- Howard, H. 1920. Territory in Bird Life. London, Murray.

- Hull, E., Langan, C., Rosselli, L. 1975. Population Density and Social, Territorial and Physiological Measures in the Gerbil (*Meriones unguiculatus*). "J. of Comparative and Physiological Psychology", 84, 2.
- Ittelson, W., Proshansky, H., Rivlin, L., Winkel, A. 1974. An Introduction to Environmental Psychology, N.Y.
- Kinzel, A. 1966. Body-buffer zone in violent prisoners. "Journal of Psychiatry", 127, 59-64.
- Laird, J.T. Mental Health and Population Density. "J. of Psychology", 85, 171-177.
- Lassen, C.L. 1973. Effect of proximity on anxiety and communication in the initial psychiatric interview. "Journal of abnormal Psychology", 81, 3, 226-232.
- Leibman, M. 1970. The effects on sex and race norms on personal space. "Environment and Behavior", 208-246.
- McBride, G., King, M.G., James, J.W. 1965. Social proximity effects on galvanic skin responses in adult humans "Journal of Psychology", 61, 153-157.
- McDowell. 1972. Violations of personal space, in: "Canadian Journal of Behavioral Sciences", 4 (3).
- Mehrabian, A. 1969. Significance of posture and position in the communication of attitude and status relationship. "Psychol. Bulletin", 71 (5), 359-373.
- Meisels, M., Canter, F.M. 1970. Personal space and personality characteristics: A non-confirmation. "Psychological Reports", 27, 287-290.
- Patterson, M.L. 1973. Compensation and nonverbal immediacy behaviors: A review "Sociometry", 36 (2), 237-253.
- Sainsbury, P. 1956. Suicide in London. New York. Basic Books.
- Schmitt, R.C. 1957. Density, Delinquency and Crime in Honolulu. "Sociology and Social Research", 41, 274-278.
- Sewell, A.F., Heisler, G.T. 1973. Personality correlates of proximity preferences "J. of Psychology", 151-155.

- Sommer, R. 1967. Small-group ecology. "Psychical Bulletin", 67, 2, 145-152.
- Sommer, R. 1969. Personal Space: The Behavioral Basis of Design. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice Hall.
- Stokols, Daniel. 1972a. A social-psychological model of human crowding phenomena. "Journal of the American Institute of Planners", 38 (2), 72-83.
- Stokols, D. 1972b. On the distinction between density and crowding: some implications for future research, "Psychological Review", 79, 3, 275-277.
- Stokols, D. 1973. The relation between micro and macro crowding phenomena: Some implications for environmental research and design. "Man-Environment Systems", 3, 139-149.
- Watson, O.M., Graves, T.D. 1966. Quantitative research in proxemic behavior, "American Anthropologist", 68, 971-985.
- Zlutnick, S., Altman, I. 1972. Crowding and Human Behavior. In: J.F. Wohlwill, D.E. Carson (eds.). Environment and the Social Sciences: Perspectives and Applications. Washington, D.C., 44-60.

ОБ АВТОРАХ СБОРНИКА:

ВАЛЬСИНЕР Яан - ассистент кафедры логики и психологии
Тартуского госуниверситета, 202 400 г. Тарту,
ул. Тийги 78.

КИЛЬГАС Рауль - старший научный сотрудник кафедры педа-
гогики и психологии Таллинского Педагогического
института, 200 101 г. Таллин, Нарвское шоссе 41

КРУУСБАЛЛ Кри - главный специалист отдела научных иссле-
дований и перспективного планирования института
"ЭСТТИПРОСЕЛЬСТРОЙ" , 200 090 г. Таллин,
бульвар Ленина 6/8.

ХЕЙДМЕТС Мати - главный специалист отдела научных иссле-
дований и перспективного планирования института
"ЭСТТИПРОСЕЛЬСТРОЙ", 200 090 г. Таллин ,
бульвар Ленина 6/8.

ЧЕЛОВЕК, СРЕДА, ПРОСТРАНСТВО. Исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. На русском языке. Тартуский государственный университет. ЭССР, г.Тарту, ул.Оликооли, 18. Ответственный редактор П. Гудьвисте. Корректор Т.Ольтевская. Сдано в печать 20.12.78. Бумага писчая 30x45 1/4. Печ. листов 10,25. Учетно-издат. листов 8,65. МВ 09757. Тираж 700. Типография ТТУ, ЭССР, г. Тарту, ул. Пялсона, 14. Зак. № 1724. Цена 1 руб. 30 коп.

I руб. 30 коп.